

Русский семиотический альманах. Коллекция

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов

Москва

Государственный академический университет гуманитарных наук
Международный центр семиотики и диалога культур

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР
СЕМИОТИКИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Русский семиотический альманах. Коллекция

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов

Ответственный редактор И.Г. Меркулова

International
Center
for Semiotics
and Intercultural
Dialogue

Москва
ГАУГН
2021

УДК 81.22
ББК А1
Н72

*Ответственный редактор, координатор
и переводчик проекта — И.Г. Меркулова*

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов / сост., общ. ред., пер. с фр., англ., исп. И.Г. Меркулова; лит. редакция М.Г. Меркулова. — М.: ГАУГН, 2021. — 148 с. — (Русский семиотический альманах. Коллекция).

ISBN 978-5-6045843-2-3

В книге представлены размышления современных ученых-семиотиков, а также представителей смежных дисциплин (лингвистики, антропологии, философии) в рамках международного онлайн-форума «Ответ на большие вызовы: семиотика в диалоге с гуманитарными науками» и круглого стола под эгидой Международной ассоциации семиотики и в сотрудничестве с Центром франко-российских исследований.

Форум был организован Международным центром семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук в Москве. В течение первой и второй волн пандемии ученые из 12 стран мира (России, Франции, Бельгии, Испании, Италии, Китая, Литвы, Ирана, Аргентины, Колумбии, Азербайджана, Австралии) старались дать концептуально-философское осмысление происходящему санитарному кризису и его влияние на нашу жизнь. Данный сборник подводит итог состоявшейся дискуссии.

Оригинальные тексты впервые переведены на русский язык с целью популяризации достижений мировой семиотической науки последних лет среди русскоязычных читателей, студентов ГАУГН и молодого поколения российских ученых-гуманитариев.

ISBN 978-5-6045843-2-3

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Меркулова И.Г., составление, перевод, 2021
© ГАУГН, оригинал-макет, 2021

STATE ACADEMIC UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES
INTERNATIONAL CENTER
FOR SEMIOTICS AND INTERCULTURAL DIALOGUE

Russian semiotic almanac. Collection

**New normality, new life forms:
semiotics in the era of crises**

**Nouvelles normalités,
nouvelles formes de vie :
la sémiotique en temps de crise**

**Nueva normalidad,
nuevas formas de vida:
semiótica en la era de las crisis**

General editor Inna MERKOULOVA

International
Center
for Semiotics
and Intercultural
Dialogue

Moscow
GAUGH
2021

UDC 81.22
LBC A1
N72

*General editor, coordinator and translator
of the project — I.G. Merkoulova*

N72 **New normality, new life forms: semiotics in the era of crises** [Nouvelles normalités, nouvelles formes de vie : la sémiotique en temps de crise ; Nueva normalidad, nuevas formas de vida: semiótica en la era de las crisis] / Compilation, general editing, transl. from French, English, Spanish Inna Merkoulova; literary editing Marina Merkoulova. — M.: GAUGN, 2021. — 148 p. — (Russian semiotic almanac. Collection).

ISBN 978-5-6045843-2-3

The book provides the reflections of modern semioticians, as well as those of representatives from related disciplines (linguistics, anthropology, philosophy), within the framework of the international online Forum “Responding to Major Challenges: Semiotics in Dialogue with the Humanities” and a round table under the auspices of the International Association for Semiotic Studies and in collaboration with the Center for Franco-Russian Studies. The Forum was organized by the International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue of the State Academic University for the Humanities in Moscow. During the first and second waves of the pandemic, scientists from 12 countries (Russia, France, Belgium, Spain, Italy, China, Lithuania, Iran, Argentina, Colombia, Azerbaijan, Australia) attempted to give a conceptual and philosophical interpretation of the ongoing sanitary crisis and its impact on our lives. This book summarizes the discussions.

The original texts have been translated into Russian for the first time in order to raise awareness of the achievements of global semiotic science in recent years among the Russian-speaking readership, students of GAUGN and the younger generation of Russian academics working in the field of humanities.

СОДЕРЖАНИЕ (TABLE OF CONTENTS)

Предисловие	
<i>Денис Валерьевич ФОМИН-НИЛОВ</i>	8
<i>Инна Геннадьевна МЕРКУЛОВА</i>	9
Preface	
<i>Denis Valerievich FOMIN-NILOV</i>	12
<i>Inna Guennadievna MERKOULOVA</i>	13
Выбор есть всегда	
<i>Доминик РЕЙНО (Dominique RAYNAUD)</i>	16
Самоизоляция и пандемия. Семиотические заметки	
<i>Жак ФОНТАНИЙ (Jacques FONTANILLE)</i>	17
Прошлое время нашего будущего	
<i>Хуан АЛОНСО АЛДАМА (Juan ALONSO ALDAMA)</i>	21
Вирусная коммуникация и коммуникативная пандемия.	
Вирус как послание	
<i>Хосе Мария ПАС ГАГО (José María PAZ GAGO)</i>	23
Страсти в эпоху COVID	
<i>Семир БАДИР (Semir BADIR)</i>	25
Пандемия как вызов	
<i>Кястутис НАСТОПКА (Kestutis NASTOPKA)</i>	27
Самоизоляция	
<i>Жан-Франсуа БОРДРОН (Jean-François BORDRON)</i>	28
Семиозис подвешенного времени	
<i>Луcreция ЭСКУДЕРО ШОВЕЛЬ (Lucrecia ESCUDERO CHAUVEL)</i>	30
Филологические науки перед лицом неопределённости	
<i>Жан-Мари КЛИНКЕНБЕРГ (Jean-Marie KLINKENBERG)</i>	34
Язык пандемии	
<i>Массимо ЛЕОНЕ (Massimo LEONE)</i>	38
Самоизоляция и выход из неё: как придумать новые слова	
<i>Жак ДЮРРЕНМАТТ (Jacques DÜRRENMATT)</i>	43
Корона и пост-корона: семиотические недостатки и преимущества	
<i>Хамид Реза ШАИРИ (Hamid Reza SHAIRI)</i>	45
COVID-19. Добродетель как следствие необходимости	
<i>Тизиана МИЛЬОРЕ (Tiziana MIGLIORE)</i>	47

Сохранить правду во времена пандемии <i>Франсуа РАСТЬЕ (François RASTIER)</i>	49
Колумбия: затяжная пандемия с тяжёлыми симптомами в 2020 году <i>Нейла Грасиела ПАРДО АБРИЛЬ (Neyla Graciela PARDO ABRIL)</i>	52
О красоте: вместе навсегда во время коронакризиса COVID-19 <i>Сьюзан ПЕТРИЛЛИ (Susan PETRILLI)</i>	55
Коронавирус и его семиотические мутации: территориализация, урбанизация, суверенность <i>Дидье ТСАЛА ЭФФА (Didier TSALA EFFA)</i>	58
Перед лицом пандемии. Коллективное чувство нормальности <i>Гастон СИНГОЛАНИ (Gaston CINGOLANI)</i>	60
Вирус, государства, коллективы: семио-политические взаимодействия <i>Франсиску СЕДДА (Franciscu SEDDA)</i>	64
Изменения в экосемиотической парадигме <i>Бьянка СУАРЕС ПУЭРТА (Bianca SUAREZ PUERTA)</i>	68
Моя пятимесячная Одиссея во время пандемии COVID-19: как принять срочное решение? <i>Рахиль ГЕЙБУЛЛАЕВА (Rahilya GEYBULLAYEVA)</i>	72
Ритуалы защиты от ковида <i>Фредерик ЛОГРАН (Frédéric LAUGRAND)</i>	75
Триумф Интернета и социальные связи <i>Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА (Natalya EMELYANOVA)</i>	80
Весь мир — театр: семиотика культуры в эпоху санитарного кризиса <i>Инна МЕРКУЛОВА (Inna MERKOULOVA), Марина МЕРКУЛОВА (Marina MERKOULOVA)</i>	83
Приложение (ANNEX)	
Une possibilité de « mieux vivre » <i>Dominique RAYNAUD</i>	87
Confinement et pandémie. Notes sémiotiques <i>Jacques FONTANILLE</i>	88
« Le sens de l'avenir » <i>Juan ALONSO ALDAMA</i>	91
Les passions au temps de COVID <i>Semir BADIR</i>	92
Communication virale et pandémie communicative. Le virus est le message <i>José María PAZ GAGO</i>	94
La pandémie comme défi <i>Kestutis NASTOPKA</i>	96

Confinement	
<i>Jean-François BORDRON</i>	97
Semiosis del tiempo suspendido	
<i>Lucrecia Escudero CHAUVEL</i>	98
Les sciences du discours face à l'incertitude	
<i>Jean-Marie KLINKENBERG</i>	101
The language of the pandemic: An interview	
<i>Massimo LEONE</i>	105
Confiner/déconfiner: entre création et réinvention	
<i>Jacques DÜRRENMATT</i>	109
Le corona et le post-corona : le désavantage et l'avantage sémiotique	
<i>Hamid Reza SHAIRI</i>	111
COVID-19. De nécessité vertu	
<i>Tiziana MIGLIORE</i>	113
Sauvegarder la vérité par temps de pandémie	
<i>François RASTIER</i>	115
Colombia: una larga pandemia marcada por síntomas de gravedad en 2020	
<i>Neyla Graciela PARDO ABRIL</i>	118
On beauty: together forever in the time of COVID-19 coronacrisis	
<i>Susan PETRILLI</i>	120
Le coronavirus et ses mutations sémiotiques: territorialisation, urbanisation et souveraineté	
<i>Didier TSALA EFFA</i>	123
(Ante la pandemia) El sentido colectivo de la normalidad	
<i>Gaston CINGOLANI</i>	125
The virus, the states, the collectives: semiopolitical interactions	
<i>Franciscu SEDDA</i>	128
Cambios de paradigmas ecosemióticos	
<i>Bianca SUAREZ PUERTA</i>	131
My five month Odyssey during the COVID-19 pandemic: How to make an urgent decision?	
<i>Rahilya GEYBULLAYEVA</i>	135
Tintamarre et Bulalakaw: parer au COVID par le rituel	
<i>Frédéric LAUGRAND</i>	137
Triumph of the Internet and social connections	
<i>Natalya EMELYANOVA</i>	142
Le monde entier est un théâtre: sémiotique de la culture à l'époque de la crise sanitaire	
<i>Inna MERKOULOVA, Marina MERKOULOVA</i>	144

ПРЕДИСЛОВИЕ

Денис Валерьевич ФОМИН-НИЛОВ

*Ректор ГАУГН,
кандидат исторических наук, доцент*

В 2020 году жизнь в очередной раз показала нам, насколько хрупок наш быт перед глобальными вызовами и как важно ценить то, что имеешь.

Мы научились носить маски и соблюдать дистанцию, переводить большую часть жизни и общения в онлайн. Для кого-то этот процесс прошёл более быстро и спокойно, другим же пришлось затратить некоторое время и усилия. Несмотря на то что переход в онлайн был вызван необходимостью беречь здоровье, он дал дополнительный толчок для развития множества сервисов и технологий, которые упростили нашу жизнь. Расстояния стали намного меньше, ведь благодаря Интернету каждый смог получить доступ к необходимой информации. Время, проведённое на самоизоляции, позволило нам замедлить активный ритм жизни, чтобы уделить больше времени себе и своим семьям.

Следующий год в России будет посвящён науке и технологиям, и в наших с вами силах сделать всё, чтобы 2021-й стал годом ГАУГН. Наша совместная работа показала, что преподавательский состав и сотрудники успешно работают во всех форматах, а научная и технологическая база Университета позволит не только создавать новое, но и активно делиться уже существующими достижениями с другими. В 2020 году мы запустили фундаментальный проект по оцифровке научных публикаций Российской академии наук и созданию их онлайн-архива, который станет отличным стартом для новых светил науки и позволит каждому человеку прикоснуться к накопленным за десятилетия знаниям.

В этом же году на сайте ГАУГН был запущен проект международного онлайн-форума «Ответ на большие вызовы: семиотика в диалоге с гуманитарными науками». В течение первой и второй

волн пандемии ведущие ученые-семиотики из разных стран мира старались дать концептуально-философское осмысление происходящему санитарному кризису и его влиянию на нашу жизнь. Данный сборник подводит итог состоявшейся дискуссии.

Надеюсь, что в 2021 году количество подобных масштабных проектов будет только расти, и мы с вами сможем их успешно реализовать как онлайн, так и офлайн.

Инна Геннадьевна МЕРКУЛОВА

*Руководитель Международного центра
семиотики и диалога культур,
кандидат филологических наук,
доктор лингвистики, доцент ГАУГН*

В настоящем сборнике представлены размышления учёных, специалистов в области семиотики, а также смежных гуманитарных дисциплин (лингвистики, антропологии, философии и др.), которые ответили на нашу инициативу организации международной дискуссионной онлайн-площадки — Форума «Ответ на большие вызовы: семиотика в диалоге с гуманитарными науками» (<https://gaugn.ru/ru-ru/science/semiotics/challenge>).

В период с апреля 2020 по январь 2021 года на сайте Государственного академического университета гуманитарных наук мы публиковали тексты, в которых учёные анализировали ситуацию пандемии как беспрецедентного вызова не только здоровью, но в целом традиционным устоям, понятиям и ценностям человеческой жизни.

В Форуме приняли участие учёные из 12 стран (Россия, Франция, Бельгия, Испания, Италия, Китай, Литва, Иран, Аргентина, Колумбия, Азербайджан, Австралия); многие из них представляют свои страны в Исполнительном комитете Международной ассоциации семиотики (International Association for Semiotic Studies/Association internationale de sémiotique) — ведущей мировой организации в этой области. В июне 2020 г. Форум стал первым проектом от России, вошедшим в мировую сеть «The World Pandemic Research Net-

work» — площадку, на которой собраны наиболее интересные международные практики осмысления пандемии COVID-19 с точки зрения гуманитарных и социальных наук. Итоговым мероприятием Форума в январе 2021 года стал круглый стол под эгидой Международной ассоциации семиотики.

Уникальность данного проекта состоит в том, что все присланные нам оригинальные тексты на французском, английском и испанском языках мы перевели на русский язык, что сделало доступным русскоязычным читателям, прежде всего студентам ГАУГН и молодому поколению российских ученых-гуманитариев, достижения мировой семиотической науки последних лет.

Собрание текстов открывает приветствие Доминика Рейно, лауреата Нобелевской премии мира за коллективный проект «Inter-governmental Panel on Climate Change», иностранного члена РАН. Это неслучайно: «большое видится на расстоянии», и взгляд климатолога, который имеет дело с большими временными отрезками в контексте климатических изменений, помогает оценить настоящий момент в исторической перспективе.

Сборник носит название «Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов». Таким образом мы хотели обратить внимание читателей на возникшее в последние годы в Европе антропосемиотическое направление и на концепт *new normality*, широко используемый сегодня в научных публикациях и в СМИ.

Читатели увидят, как методологический аппарат семиотики (в частности, Парижской семиотической школы, Московско-Тартуской школы) используется для осмысления новых явлений: самоизоляции, социального дистанцирования, вирусной коммуникации, дискурса пандемии. Вместе с тем речь идет не о детальных исследовательских работах (которые, без сомнения, будут написаны в следующие месяцы и годы), а о первом впечатлении, реакции ученого-семиотика на жизненный и цивилизационный вызов. Такой «живой» ответ в эпоху виртуального общения — также оригинальная особенность нашего проекта.

Семиотика как наука о знаках, коммуникативных системах и возникновении значения «должна помочь нам ориентироваться в исто-

рии», писал выдающийся российский филолог и семиотик Вячеслав Всеволодович Иванов. 2020 год стал для людей всех национальностей и на всех континентах эпохой испытаний, и он уже входит в учебники истории. Через много лет молодые поколения смогут дать реальную оценку этим событиям, и многое из того, что мы сегодня чувствуем и предсказываем, покажется им очевидным. Однако мы надеемся внести свой посильный вклад в гуманитарное осмысление и освещение настоящего периода.

В заключение хочу привести точку зрения писателя, потому что, как известно, писатели часто оказываются пророками. Николай Васильевич Гоголь завершал свою поэму «Мёртвые души» следующим рассуждением: «Читателям легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на всё, что делается внизу, где человеку виден только близкий предмет. [...] Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблуждениям, смеётся над неразумием своих предков, не зная, что небесным огнём исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отсюда устремлён пронзительный перст на него же, на текущее поколение; но смеётся текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки»¹.

¹ Гоголь Н.В. Мёртвые души. М.: Художественная литература. Серия «Библиотека учителя». 1987 [1842]. С. 508.

PREFACE

Denis Valerievich FOMIN-NILOV

*Rector of the State Academic University
for the Humanities — GAUGN,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*

In 2020, life showed us once again how fragile it is in the face of major challenges, and how important it is to appreciate what you have.

We learned how to wear masks and keep a distance, transfer most of our life and communication online. For some people, this process went more quickly and calmly, while others had to spend some time and make an effort. Despite the fact that the transition to online was caused by the need to protect health, it gave an additional impetus to the development of many services and technologies that have simplified our lives. The distances have become much shorter, thanks to the Internet, everyone was able to access the necessary information. The time spent in isolation allowed us to slow down an active rhythm of life in order to devote more time to ourselves and our families.

Next year in Russia will be devoted to science and technology, and we are capable to do everything to make 2021 the year of GAUGN. Our joint work has shown that the teaching and administrative staff successfully works in all formats, and the scientific and technological base of the University will allow us not only to create something new, but also to actively share existing achievements with others. In 2020, we launched a fundamental project to digitize scientific publications of the Russian Academy of Sciences and create their online archive, which will be an excellent start for both new luminaries of science and will allow everyone to touch the knowledge accumulated over decades.

In the same year, on the GAUGN website, we launched the project of the international online Forum “Responding to Major Challenges: Semiotics in Dialogue with the Humanities”. During the first and second waves of the pandemic, leading semiotic scientists and experts from different countries of the world tried to give a conceptual and philosophical

understanding of the ongoing sanitary crisis and its impact on our lives. This book summarizes the discussion.

I hope that in 2021 the number of such large-scale projects will only grow, and we will be able to successfully implement them both online and offline.

Inna Guennadievna MERKOULOVA

*Directrice du Centre International de Sémiotique
et Dialogue Interculturel,*

*Candidate en philologie, Docteur en sciences du langage,
Maître de conférences à l'Université GAIGN*

Ce recueil présente les réflexions de scientifiques, spécialistes dans le domaine de la sémiotique, ainsi que des sciences humaines connexes (linguistique, anthropologie, philosophie, etc.), qui ont répondu à notre initiative d'organiser un Forum international de discussion en ligne, « Répondre aux grands défis: la sémiotique en dialogue avec les sciences humaines » (<https://gaign.ru/ru-ru/science/semiotics/challenge>).

Dans la période d'avril 2020 à janvier 2021, sur le site Web de l'Université Académique d'État des Sciences Humaines à Moscou, nous avons publié des textes dans lesquels des chercheurs analysaient la pandémie comme un défi sans précédent non seulement pour la santé, mais aussi pour les fondements traditionnels, les concepts et les valeurs de la vie humaine.

Le Forum a réuni des scientifiques de 12 pays (Russie, France, Belgique, Espagne, Italie, Chine, Lituanie, Iran, Argentine, Colombie, Azerbaïdjan, Australie); beaucoup d'entre eux représentent leur pays au Conseil d'administration de l'Association internationale de sémiotique IASS-AIS, la principale organisation mondiale dans ce domaine. En juin 2020, le Forum est devenu le premier projet russe à être inclus dans *The World Pandemic Research Network*, une plate-forme virtuelle qui rassemble les pratiques internationales les plus intéressantes pour comprendre la pandémie COVID-19 du point de vue des sciences humaines et sociales. Le dernier événement du Forum en janvier 2021 a été la

table ronde sous les auspices de l'Association internationale de sémiotique.

La particularité de ce projet réside dans le fait que tous les textes originaux qui nous ont été envoyés en français, anglais et espagnol ont été traduits en russe, ce qui a donné l'accès aux plus récentes réflexions de la sémiotique mondiale pour des lecteurs russophones, principalement les étudiants de l'Université GAUGN et la jeune génération de scientifiques russes en sciences humaines.

Le recueil de textes s'ouvre par un message de Dominique Raynaud, lauréat du Prix Nobel de la paix pour le projet collectif « Intergovernmental Panel on Climate Change », membre étranger de l'Académie des Sciences de Russie. Ce n'est pas un hasard : « le grand se voit à distance », et le point de vue d'un climatologue qui traite de longues périodes dans le contexte du changement climatique permet d'évaluer le moment présent dans une perspective historique.

Le recueil s'intitule *Nouvelles normalités, nouvelles formes de vie : la sémiotique en temps de crise*. Ainsi, nous souhaitons attirer l'attention des lecteurs sur la tendance anthroposémiotique qui a émergé en Europe ces dernières années et sur le concept *new normality* (nouvelle normalité), largement utilisé aujourd'hui dans les publications scientifiques et dans les médias.

Les lecteurs verront comment l'appareil méthodologique de la sémiotique (en particulier, l'Ecole sémiotique de Paris, l'Ecole de Moscou-Tartu) est utilisé pour interpréter de nouveaux phénomènes : confinement, distanciation sociale, communication virale et discours pandémique. En même temps, il ne s'agit pas ici d'articles scientifiques détaillés (lesquels, sans doute, seront écrits dans les mois et les années à venir), mais de la première impression, la réaction d'un sémioticien à un défi sociétal et civilisationnel. Une telle réponse « live » à l'ère de la communication virtuelle est l'une des originalités de notre projet.

La sémiotique en tant que science étudiant les signes et le processus de signification « devrait nous aider à nous orienter dans l'histoire », écrivait le remarquable philologue et sémioticien russe Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov. L'année 2020 est devenue une ère d'épreuves pour des personnes de toutes nationalités et sur tous les continents, et elle entre déjà dans des manuels d'histoire. Dans de nombreuses années, les jeunes

génération pourront donner un bilan réel de ces événements, et une grande partie de ce que nous pressentons aujourd'hui leur paraîtra évident. Cependant, nous espérons apporter notre modeste contribution à la compréhension de la période actuelle.

Pour finir, je voudrais citer le point de vue de l'écrivain, car, comme nous le savons, les écrivains se révèlent souvent être des prophètes. Nikolaï Vassiliévitch Gogol a conclu son poème *Les Âmes mortes* avec le raisonnement suivant : « Les lecteurs ont beau jeu, depuis leur paisible retraite, de regarder de haut, quand ils ont devant les yeux le panorama tout entier de ce qui se déroule en bas, où l'homme ne voit pas plus loin que le bout de son nez. [...] L'actuelle génération voit désormais tout clairement et s'ébaubit des errances de ses ancêtres. Elle se gausse de leur manque de discernement, sans voir que l'histoire mondiale est écrite par le feu du Ciel, que chaque lettre y hurle, que de partout pointe sur elle, l'actuelle génération, un doigt vengeur. Elle continue pourtant de rire et entame, orgueilleuse, toute gonflée d'elle-même, de nouveaux errements que raillera ensuite la postérité »¹.

¹ *Gogol, Nikolai*. 2005 [1842]. *Les Âmes mortes*. Traduit du russe par Anne Coldefy-Faucard. Paris : Le Cherche Midi. P. 288.

Доминик РЕЙНО

ФРАНЦИЯ

Dominique RAYNAUD

FRANCE

*Лауреат Нобелевской премии мира за коллективный проект
Intergovernmental Panel on Climate Change,*

*доктор физики, климатолог,
заслуженный профессор Университета Гренобля,
иностраннный член РАН*

ВЫБОР ЕСТЬ ВСЕГДА

У меня пока нет определённой точки зрения по поводу самоизоляции, вируса, поиска лекарства или вакцины, поскольку я не являюсь экспертом в данных областях. Я доверяю врачам и исследователям, работающим в этой области. В целом они сами признают, что им есть чему поучиться в ситуации, которую никто не ожидал. Здесь акценты расставит время.

Я считаю себя более компетентным, чтобы говорить об уроках пандемии на будущее. Нас всех сейчас, как первоклассников в школе, учат: оказывается, что человечество способно эффективно и в короткий срок перестроиться, начать жить по-другому, уменьшить загрязнение атмосферы выбросами и выхлопами. Мы на самом деле перестаём вредить биологическому разнообразию жизни и, если так продолжится, мы реально сможем ограничить процесс глобального потепления и прийти к желаемому результату — потеплению к концу XXI века не более чем на 2 градуса. Возможность начать «лучшую жизнь» есть прямо сейчас, однако нельзя исключить риск того, что человечество в результате пандемии ничему не научится и мир после окончания опасности будет выглядеть так же, как прежде, только хуже! Кстати, с таким заголовком вышел сегодняшний номер французской газеты «Монд»...

Говоря о будущем, у меня всегда было ощущение, что эта пандемия — не более чем временный эпизод, не столь значительный, если его сравнивать с изменениями окружающей среды, произошедшими

в период жизни одного-двух поколений, а особенно в XXI веке. У нас ещё есть время ограничить эти изменения, чтобы они оставались на приемлемом уровне до конца столетия, при условии, что мы начнём действовать незамедлительно.

Введение самоизоляции как меры борьбы с пандемией должно подсказать нам воспользоваться позитивными сторонами прожитого опыта (такими как уменьшение выбросов углекислого газа). Но мы должны понимать, что это станет возможным лишь при соблюдении общественной справедливости и солидарности — как между разными социальными слоями, так и между суверенными государствами. Итак, не будем строить иллюзий, будем действовать!

Жак ФОНТАНИЙ

ФРАНЦИЯ

Jacques FONTANILLE

FRANCE

Доктор лингвистики,

Заслуженный профессор семиотики Университета Лиможа,

Почётный член Университетского института Франции

в Париже (кафедра семиотики),

член Коллежума и представитель Франции в Исполнительном

комитете Международной ассоциации семиотики IASS/AIS

САМОИЗОЛЯЦИЯ И ПАНДЕМИЯ. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Самоизоляция — странный опыт для человека, который он приобретает в просторном и радушном месте. Например, я проживаю период изоляции дома в деревне, в регионе, слабо затронутом эпидемией: это зона затишья в центре бури. Прибежище мира и спокойствия посреди громадной угрозы. Вместо мира, пронизанного сетью перемещений и с множеством мест различной деятельности (мира децентрализованного и детерриториализованного), мы оказались

в мире, сильно ограниченном территориально и состоящем из концентрических кругов: в центральном круге — место самоизоляции; вокруг и вблизи — круги возможных, но редких перемещений; за первым кругом расположен второй, в котором эпидемия распространяется медленно, это круг угрозы терпимой и тихой; наконец, последний круг — это круг пандемии, здесь угроза огромна, растёт число жертв: они и в центре, и на периферии, и их численность может выходить за пределы любых арифметических расчётов.

Подобный эгоцентрический мир представляет собой культурный и антропологический упадок. Он возвращает нас к некому первобытному, даже животному состоянию, поскольку мир животных построен именно по такому принципу: в центре — дом, вокруг — охраняемая территория, а дальше — остальное полностью враждебное пространство... Если искать аналогию с современным периодом, это напоминает мне времена крестьянского уклада, жизнь наших деревенских бабушек и дедушек, которые не знали современных скоростей.

Что касается собственно феномена «пандемии», то для процесса её описания мы используем привычные термины: **коммуникация, передача, распространение**. В описаниях пандемии разъясняется, что сначала вирус **коммуницирует**, то есть *участвует в обмене* между группами, перемещаясь из одной точки в другую. Затем в каждом конкретном месте заражённая область расширяется путём **передачи**. В конце концов, когда мы уже не можем определить очаг инфекции, мы говорим: вирус **распространяется**. Его роль по пути меняется: в первой фазе — в процессе **коммуникации** — все живые существа (и люди, и животные) несут ответственность за распространение вируса: именно они обмениваются вирусом, точно так же, как обменивались бы сообщениями или предметами. Во второй фазе — **передачи** — становится неясным, кому приписать ответственность: возникает своего рода имманентная и неидентифицированная инстанция, которая переносит вирус от одного существа к другому, и тогда мы говорим: «Это передаётся». В итоговой фазе **распространения** вирус — уже враг персонифицированный, при этом невидимый и неуловимый, но распространяющийся повсеместно и отвечающий за собственное движение. Мы говорим: «Он распростра-

няется». Наступает та самая фаза пандемии, в борьбе с которой мы способны только на всеобщее «закрытие»: закрыть границы, закрыть города, закрыть учреждения и дома и тому подобное.

Внимательного изучения заслуживает и другой воображаемый образ: эпидемия как «пожар» или «потоп». И вода, и огонь имеют изначальную локацию: огонь разгорается в очаге, а вода сама по себе есть источник. Затем энергия огня или воды распространяется и принимает форму первоначальной угрожающей массы, пока ещё сдерживаемой (так называемые «кластеры»). В конце концов энергия переполняет огонь или воду: контроль потерян, *это* переходит все границы. Воображаемый мир пожара или потопа включает и источник, и выходящую из-под контроля энергию, и непреодолимое вторжение. Именно этот воображаемый мир лежит в основе историй заговоров: когда вирусный поток вырывается из своего изначального жилища, мы начинаем искать причину, в результате чего это произошло? Ошибки или скрытого намерения? Мы ставим «преграды»: хотим воспрепятствовать потоку, защитить центральное место обитания, стараемся держать коварный поток на расстоянии.

Возникающие в прессе многочисленные суждения подразумевают поиск виновника, эквивалента отправителя (точнее, антиотправителя): кто это всё делает? Это либо Бог, либо враг человеческий, либо наказующая нас природа. Некоторые авторы придерживаются иных взглядов, ориентируясь на два главных страха нашего времени: 1) *великий экологический страх*: в повествовании о пандемии вину за неё несёт производственная деятельность человека (расширение областей культивации, животноводства и проживания, вырубка лесов, приближение мест обитания человека к заражённым районам, ранее отдалённым и недоступным); 2) *великий геополитический страх*: мир больше не является биполярным (Восток/Запад), он многополярен и хаотичен, но нам кажется, что есть некие глубинные силы, способные воссоздать биполярный мир, и тогда вирус и эпидемия — орудие этих сил, и в авангарде их могут быть и Китай, и США, и «белые», и некто «X», по сути, кто угодно. В случае первого страха антиотправитель — это Рынок и экономический либерализм, который заставляет нас производить всё больше и больше, относиться к природе просто как к ресурсу производства, спекуля-

ции и международных монополий (в этом случае пандемия — месья природы). Для второго страха антиотправитель — это сила, которая может быть диктаторской, авторитарной и/или стремящейся к мировому господству, и направлена она на свержение других типов политических и социальных режимов. И в том и в другом случае антиотправитель провоцирует и начинает войну человечества против человечества.

В заключение нужно отметить, что сегодня интеллектуальные дебаты сосредоточены на иерархии ценностей: здоровье противопоставляется экономике (как производство — работе, потребление — отдыху и так далее). Но всё громче звучат голоса против такого упрощённого подхода, утверждающие, что здоровье не может стать высшей ценностью, что так мы рискуем прийти к ценностному перевороту всех основ нашей сегодняшней цивилизации, в которой здоровье — одно из главных условий, но не Самая Главная Ценность. Кроме того, во всём мире до недавнего времени мы стремились применять ценности альтернативные, не здоровье должно стать конечной целью нашей цивилизации и общества, а солидарность, взаимопомощь, преданность делу, жертвенность, для нас важны процесс выхода взаимоотношений в цифровую среду и изобретение новых форм «совместного бытия». Обсуждая иерархию ценностей сегодня, мы начинаем осознавать, что одна ценностная система ставится под сомнение и рушится, и на смену ей должна срочно прийти другая. Между ними двумя, системой старой и системой новой, здоровье временно объявляется высшей ценностью, но мы знаем, что это не может длиться вечно, ибо будет означать конец человеческой цивилизации, которая способна только на то, чтобы «защитить себя», и ни на что больше...

Хуан АЛОНСО АЛДАМА

ФРАНЦИЯ

Juan ALONSO ALDAMA

FRANCE

Доцент семиотики Университета Париж-Декарт

ПРОШЛОЕ ВРЕМЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО

«Что будет потом?» — вот вопрос, который сегодня в один голос задают себе люди на всех концах Земли. И хотя уже много лет ввиду климатического кризиса вопрос «толкования знаков будущего» является излюбленной темой политических и общественных выступлений, случай с COVID-19 заставил граждан всего мира по-новому посмотреть и на будущее, и на время вообще. Ведь думая об экологическом кризисе, мы обычно представляли его себе как угрозу постепенную и рассеянную. Несмотря на то что климатологи указывали конкретные сроки, эта угроза мыслилась нами как финал некоего завтрашнего дня, который наступит неизвестно когда.

На самом деле семантическая и семиотическая особенность темпоральности, нашего восприятия времени, вписанная в категорию «после», — это её точечный характер. Она бросает нам вызов сегодня, и границы её, по крайней мере начальные, чётко определены: новое время начнётся на следующий день после выхода из самоизоляции. В терминах семиотики эта особенность выражена «начинаемостью», отправной точкой времени, и, как любое начало, она сочетает в себе надежду и беспокойство одновременно.

В чём же особенный смысл этого будущего? И почему все публичные высказывания сейчас делают акцент именно на времени?

Без сомнения, мы проживаем сегодня значительное историческое событие, и, как всякий ключевой момент в истории, оно меняет расстановку сил и заставляет по-новому посмотреть на категорию времени. Как отмечал российский семиотик Юрий Лотман, внезапное возникновение события в непрерывно развивающемся историческом процессе меняет видение будущего. Однако теперь и прош-

лое будет рассматриваться и толковаться в свете того, что с нами происходит сейчас. Мы пересматриваем и наполняем новым смыслом это прошлое, пытаюсь обнаружить в нём признаки причин случившегося, то есть устраиваем проверку общественному и политическому сознанию, спрашивая: «Что довело нас до такого состояния?».

Событие «COVID-19» переворачивает наше более или менее предсказуемое историческое будущее с ног на голову и одновременно оно открывает перед нами всевозможные варианты будущего альтернативного, и тогда появляется множество сценариев, чтобы заполнить это новое временное пространство, ранее казавшееся уже написанным. И мы начинаем представлять себе начало нового политического, социального и экологического будущего.

Такая перестройка времени с новым прошлым и новым будущим открывает перед нами иную форму темпоральности, которую можно было бы назвать «прошлое время нашего будущего». Эта новая форма времени стремится вписать себя в ход Истории заглавными буквами, то есть «стать выше» дня Сегодняшнего и даже посоперничать с властью дня Завтрашнего. Новая форма темпоральности находит себе место в историческом будущем, как на носу плывущего корабля. Она становится «завершающим» этапом (последней чертой) начинательности этого рождающегося на наших глазах будущего и оглядывается с этой будущей конечной точки на наш сегодняшний день как на своё прошлое. Примерно так поступила королева Англии, которая в своём обращении к нации по вопросу текущего санитарного кризиса, выйдя за пределы своего собственного жизненного и исторического времени, произнесла: «В будущем каждый из вас сможет гордиться тем, как он принял этот вызов. А те, которые придут после нас, скажут, что британцы этого поколения были столь же сильны, как и другие народы».

А до тех пор, пока не наступит новое осмысление событий, мы продолжим жить во времени распавшемся и абсурдном. Времени между прошлым, которое нужно пересмотреть, нестабильными событиями настоящего и всевозможными вариантами ускользающего будущего.

Хосе Мария ПАС ГАГО

ИСПАНИЯ

José María PAZ GAGO

SPAIN

Профессор теории литературы Университета Ла-Корунья,

Вице-президент от Европы

Международной ассоциации семиотики IASS/AIS

ВИРУСНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПАНДЕМИЯ. ВИРУС КАК ПОСЛАНИЕ

«Вирус — это послание»: с таким названием в стиле культуролога Маклюэна вышла статья моей аргентинской коллеги Сандры Вальдеттаро в блоге *Hipermediaciones*. Увидев провокационное название, я стал думать об этой неоднозначной идее.

Коронавирус SARS-CoV-2 несёт в себе столько смыслов, денотативных и коннотативных, что его стремятся истолковать с самых разных точек зрения: философской, социологической, антропологической и особенно семиотической. Вестник Апокалипсиса, бактериологическая антиутопия, месть природы, антикапиталистический манёвр, лабораторный эксперимент, негативный эффект глобализации...

Наиболее провокационные мыслители и самые тонкие философы предлагают теории заговора на любой вкус: с одной стороны, элементы диктаторской стратегии с целью создания исключительного государства с полным контролем над гражданами (Джорджо Агамбен), попытка свержения неолиберальной капиталистической системы с целью возрождения коллективистских лозунгов в духе коммунизма (Славой Жижек); с другой стороны, обращение к человеческому достоинству и незыблемым ценностям, к личной свободе и чувству ответственности (Хавьер Гома), а также к ценностям духовным и творческим (Жиль Липовецкий). Оба последних автора, испанец Гома и француз Липовецкий, отмечают варианты теории

заговора и ищут причину эпидемической катастрофы в Европе в недалёковидности и некомпетентности.

В статье, опубликованной в *Russia Today* в начале февраля с.г., Жижек пишет, что коронавирус — прежде всего вирус идеологический, ксенофобский и антикитайский. Другие же мыслители, напротив, считают, что его создали в Пекине, чтобы разрушить систему западного капитализма.

В этом противоречивом и многозначном контексте идея о том, что вирус — это сообщение или послание, не давала мне покоя. Поэтому я решил спросить мнение моего личного предсказателя, девяностолетнего врача с огромным запасом медицинской и житейской мудрости — доктора Санчеса Салорио. С большим удивлением я узнал от него, что вирусы в буквальном смысле слова и есть сообщения. Поэтому маклюэновская фраза «вирус как послание» приобрела новый буквальный смысл: уравнение получило фактические доказательства.

Мой друг доктор Салорио рассказал мне, что вирусы — не совсем существа, но сами по себе сообщения. Они не что иное, как коды, запускающие инфекционный процесс при контакте с клетками получателя. То есть вирус провоцирует болезнь, прикрепляясь к клеточному рецептору. Сегодня знакомые нам всем средства цифровой коммуникации немедленно сообщают нам о каждом случае пандемии, и когда мы говорим, что такая информация *по сути* вирусная, то это уже не метафора.

COVID-19 — вирус коммуникативный и создаёт вирусную коммуникацию: вирус проникает в клетки и быстро размножается, чтобы затем немедленно заразить других получателей во всём мире, невзирая на границы и социальную принадлежность. Точно так же, следуя логике заражения, информация о пандемии множится в реальном времени в СМИ и социальных сетях, порождает бессчётные статистические данные и научные объяснения, *fake news* и умышленные розыгрыши, медицинские отчёты и всевозможные причудливые интерпретации. Наверное, как никто в истории, мы столкнулись сегодня с пандемией коммуникации, биологической и медийной.

Я начал писать эти строки, перефразируя знаменитую аксиому Маклюэна, а закончить хочу другой цитатой в его же стиле, потому

что слова Хавьера Гомы выражают именно то, что я чувствую сейчас: *мы живём в глобальной деревне: вирусу не нужен паспорт, и он делает всех нас космополитами* («*Virulencias*», журнал *Abc*, 29.03.2020).

Семир БАДИР

БЕЛЬГИЯ

Semir BADIR

BELGIUM

*Доктор лингвистики,
главный научный сотрудник
Национального фонда научных исследований Бельгии,
Университет Льежа*

СТРАСТИ В ЭПОХУ COVID

Человеческие страсти определяют наши действия, наделяя их модальной составляющей. Это стало особенно очевидно в эпоху COVID. Ибо вирус — это страсть.

Остановив движение половины земного шара, вирус настолько ограничил возможности нашей деятельности, что уже не важно, о какой именно деятельности идёт речь. Наша «способность действовать» остановлена в целом, поскольку из-за вируса мы (почти совсем) не способны к действию, мы стали бессильны.

В ответ на этот удар судьбы некоторые из нас понимают глагол «реагировать» в соответствии с его буквальным смыслом, то есть «действовать наперекор предписанным ожиданиям». И страсти, и вирус затрагивают суть нашего существования, поэтому реагировать — значит избавиться от их модальной нагрузки и вернуться к онтологической чистоте наших действий: это значит быть (быть собой, быть человеком, быть гражданином конкретной страны), заявляя о себе своими действиями, а не под влиянием чего-то другого. Реагировать начинает означать «парировать», отвечать ударом

на удар, то есть полагать, что наши шаги противостоят шагам противника. Одним словом, это значит считать вирус и те страсти, которые он вызывает, — агентами. Вирус мешает нам действовать? Прекрасно, будем действовать, несмотря ни на что!

Однако страсти не только потрясают нас, но и возвышают. В то время как эмоциональная нагрузка заставляет нас склонить голову, воодушевление стимулирует нашу активность. Поэтому мы *хотим* действовать и даже, особенно в нынешних обстоятельствах, считаем, что мы *должны* действовать. Так мы оправдываем наши ответные поступки. Видимо, вирус нас ещё и стимулирует. Он не только неподвижный объект или агент, которого следует победить, — он также и ключ к пониманию того, кто мы такие и что мы делаем со своей жизнью в этом мире.

Тем не менее можно допустить, что данный сценарий, включая всевозможные противоречивые версии, которые предлагают нам СМИ, совершенно не подчиняется логике. Нет никакого смысла в том, чтобы приписывать нам способности, которых у нас никогда не было. Точно так же бессмысленно наделять вирус какими-то намерениями и моральными категориями. Страстям, которые нас потрясают, мы можем противопоставить страсти, нас возвышающие. Тогда наше бессилие, преходящее или длительное, будет сопровождаться волей и правом на отказ от действий.

Если каждый останется на своём месте, то это и будет его *сопротивлением* вирусу. И вместо того чтобы переосмыслять ключевые события человеческой истории, искать в них причины сегодняшней ситуации, у нас есть другая возможность — понять наши личные и межличностные истории. Ведь именно они наполняют смыслом наш сегодняшний день: то, что мы чувствуем, думаем, что стоит за нашими поступками. Ибо даже если этот вирус максимально затрагивает весь наш мир, он же напоминает, что каждого из нас он коснётся лишь тогда, когда мы вступим в тесный контакт друг с другом.

Кястутис НАСТОПКА

ЛИТВА

Kestutis NASTOPKA

LITHUANIA

*Заслуженный профессор семиотики
Вильнюсского университета*

ПАНДЕМИЯ КАК ВЫЗОВ

В 1957 году, представляя литовским читателям роман Альбера Камю «Чума», семиотик Альгирдас Жюльен Греймас охарактеризовал чуму как бедствие, которое выходит за рамки жизни одного человека. Он сравнил эту болезнь с такими испытаниями, как война, оккупация и сопротивление. Все они — не что иное, как вызовы суверенитету личности.

Греймас понимал вызов как коммуникацию между двумя индивидуальными субъектами. Отправитель сообщения манипулирует получателем, подталкивая его к ответным действиям. Молчание получателя расценивается как знак некомпетентности последнего. По мнению Греймаса, это пример коммуникации обязывающей. В ситуации самоизоляции индивидуальным субъектом манипулирует общество, которое несёт ответственность за каждого из своих граждан.

Греймас определяет свободу субъекта как *возможность действовать*, а независимость субъекта — как *возможность не совершать действий*. Свободный субъект может делать всё, что соответствует его нарративной программе. Субъект независимый может не делать того, что считает неприемлемым. Обе эти модальности и составляют код суверенности. Перед лицом всеобщей беды *возможность действовать* превращается в *невозможность действовать*, а *возможность не действовать* — в *невозможность не действовать*. Бессилие бросает вызов свободе, послушание отрицает независимость. Коду суверенности противостоит код покорности. Выбирая покорность, индивидуальный субъект подтверждает свою солидарность с обществом. В противном случае он считается субъектом некомпетентным.

В романе Камю повествование ведётся от лица доктора Бернара Риэ — непосредственного свидетеля охватившей город болезни. Он борется с чумой, зная, что перед ним — череда бесконечных поражений. Для него это способ противостоять грозящему порабощению и средство сохранить гордость, сопротивляясь. Как считал Греймас, код гордости — связующее звено между свободой и послушанием.

Рассказчик доктор Риэ говорит от имени всех тех, кого коснулась беда: «не было такого страдания, которое бы не разделяли все остальные люди». Находясь в самом эпицентре чумы, Риэ узнаёт, что такое потерять друга, что значит потерять жену, которая умрёт в изгнании. «Всё, что человек смог получить из рук чумы и жизни, — были знания и память», — резюмирует он.

Код покорности несёт и положительный баланс — это солидарность с теми, кто находится в ситуации самоизоляции. Парижский журналист Рамбер предпринимает отчаянные попытки вырваться из изгнания. Он считает чуму чем-то абстрактным, угрожающим его личному счастью. Однако после подписания контракта, который позволил бы ему нелегально уехать, он внезапно сообщает доктору, что останется в его команде, потому что «одному быть счастливым — стыдно».

Жан-Франсуа БОРДРОН
ФРАНЦИЯ

Jean-François BORDRON
FRANCE

*Заслуженный профессор семиотики
Лиможского университета*

САМОИЗОЛЯЦИЯ

Самоизоляция, как мы её проживаем сегодня, — это сценарий, и играть по нему — значит представлять его край или границу, расположенную неизвестно где.

Но, как мы увидим далее, речь идёт не об одной, а о нескольких границах.

Первая граница возникает потому, что есть запрет (мы не должны выходить из дома) и одновременно есть замкнутое пространство с неопределёнными границами. Находящийся на карантине корабль представляет собой чёткую границу и в то же время очевидный риск её нарушения. Аналогичная ситуация с тюрьмой. Но где именно находится граница «собственного», отмеренного каждому конкретному человеку пространства? Это вопрос и самого места, и того, что мы понимаем под словом «собственный».

Если один человек не может приблизиться к другому больше чем на метр, то в результате все будут находиться в радиусе метра друг от друга. Это самоизоляция «сама по себе», из которой мы не можем выйти, поскольку её место действия перемещается вместе с нами. Однако такая «социальная дистанция» достаточно изменчива: она очень важна в транспорте, но почти перестаёт существовать в пустом пространстве. Таким образом, место «само по себе», место собственное, определяется наличием или отсутствием других подобных мест. Речь идёт о местах intersубъективных, вызванных к жизни наличием вируса.

Нужно отличать самоизоляцию «саму по себе» от самоизоляции «у себя дома». У себя дома могут оставаться далеко не все, и это объясняется ещё одним видом «социальной дистанции», более политизированным. Проще говоря, чтобы самоизолировать у себя дома, необходимо иметь крышу над головой.

Если такая возможность имеется, то следует учитывать, что домашнее заключение чаще всего делится с другими людьми, например с членами семьи. Тогда возникает то, что можно было бы назвать «самоизоляция сама по себе у себя дома».

Есть ли этому предел, некая абсолютная самоизоляция по типу чёрной дыры, откуда ничто не может вырваться? Может быть, это то самое «в глубине души», то «внутреннее», которое мы не показываем никому, кроме самих себя. А если появляется риск вторжения, всегда можно надеть маску... Так мы видим, что границы на самом деле не имеют краёв, вопреки расхожему мнению. Несомненно, это и есть один из самых важных уроков сегодняшней самоизоляции.

Луcreция ЭСКУДЕРО ШОВЕЛЬ

ФРАНЦИЯ

Lucrecia ESCUDERO CHAUVEL

FRANCE

*Доктор семиотики,
профессор коммуникации Университета Лилля*

СЕМИОЗИС ПОДВЕШЕННОГО ВРЕМЕНИ

Пик медиановостей поколения «беби-бумеров» пришёлся на момент полёта на Луну в 1969 году, когда о нём узнали жители всей планеты. На долю поколения миллениалов выпал теракт 11 сентября как уникальное время создания события в прямом эфире. Что касается поколения сегодняшнего, не знающего войны, то **оно имеет право на собственную медиатизированную пандемию**: вирусы, сообщения, мемы и видео, отчаянно буйствующие в виртуальном бесконтактном мире. Удивительный парадокс: хотя виртуальный мир давно описан теоретиками как почти исключительная парадигма существования поколения, родившегося в эпоху Всемирной паутины, на самом деле перейти на общение в виртуальной реальности нас вынудил вирус COVID-19. **Что бы сегодня сказали Якобсон и Шеннон о таком триумфе коммуникационного канала и фатической функции!**

В конце 80-х годов прошлого века разразилась эпидемия СПИДа, отметившая ключевой момент перехода к глобальному обществу, то есть из одного мира в другой, с индустрией коммуникаций и моды, авиации и туризма и многих других факторов, вертикально интегрированных в способы производства и обеспечивших техническую и экономическую конвергенцию, известную под именем глобализации. В это время мы создали **исследовательскую команду по изучению репрезентации этой болезни во французских СМИ. И если сравнивать ту ситуацию с сегодняшней пандемией, то видны сходства и различия.**

Прежде всего, сравнивая СПИД и COVID-19, мы видим разницу **в способе передачи и заражения** в результате конкретных практик:

сексуальной и медицинской (повторное использование шприца). Это различие имеет решающее значение, потому что одно дело — знать, как защитить себя (безопасный секс с использованием презервативов и разовое индивидуальное использование игл), а другое — не понимать, как именно нас заражает вирус.

Эта разница играет решающую роль с точки зрения **освещения заболевания в СМИ**. В этой связи стоит вспомнить знаменитую рекламную кампанию испанского правительства «СПИД-ДА/СПИД-НЕТ» с запоминающейся музыкой и рисованными персонажами, говорившими «Да» и «Нет», — на многие годы она стала парадигмой существования всего испаноязычного мира. Другой пример: фотография **Дианы, принцессы Уэльской**, которая протягивает руку без перчаток неизлечимо больному СПИДом человеку!

Семиотик **Андреа Семприни** подробно проанализировал процесс эволюции торговой марки «Бенеттон» в рекламной кампании **Оливеро Тоскани**, который ввёл повестку дня внешнего мира в воображаемый мир бренда, не сводимый к одним только принципам реальности. Когда же Тоскани стал использовать патетический образ смерти и стены метро и общественных мест заполнили гигантские плакаты бренда с умирающим пациентом в окружении семьи (давшей, впрочем, разрешение на эту рекламу), то **«Бенеттон» разорвал с ним контракт, и с этого момента начался упадок компании**.

Вирус COVID-19 — вездесущ. Мы не можем точно сказать, как именно он распространяется. Почему мы не должны дотрагиваться до наших стариков и детей? Можем ли мы заниматься любовью с партнёром, не зная, положительный или отрицательный у него тест на вирус, и как он может нас заразить? Что делать с одеждой, когда мы возвращаемся из магазина или с рынка? Передаётся ли болезнь через еду? Почему эпидемия вспыхнула в итальянской Ломбардии? Можно, конечно, видеть в этом дефицит институциональной коммуникационной кампании, но для меня ясно, что в данном случае *форма передачи* не ограничивается конкретной группой риска, как в случае со СПИДом, и, следовательно, возможностью отвергнуть или дискриминировать носителя вируса: болезнь распространяется во всех без исключения социальных слоях, как нефтяное пятно. **Этот вирус — демократичен.**

Когда факт признания человека ВИЧ-положительным перестал быть постыдным табу и о гомосексуальности заговорили открыто, тогда появились первые заявившие о своей болезни медийные персоны, такие как **Рудольф Нуреев** и **Рок Хадсон**, за которыми последовали интеллектуал **Мишель Фуко** и писатель **Мануэль Пуиг**. ЛГБТ-сообщество с достоинством отражало сыпавшиеся на него по всей планете удары и критику, создавая всевозможные организации по борьбе с дискриминацией и научные лаборатории. СПИД превратился в политический вопрос и ознаменовал вехи борьбы сексуальных меньшинств за равные права, что в конечном счёте повлекло за собой изменения законодательства по вопросу однополых браков и возможности усыновления детей. **Вирус трансформировал общество и его традиции, так что можно сказать, что жертвы СПИДа погибли не напрасно.**

Ничего подобного не происходит с вирусом COVID-19, продуктом сверхсовременного общества гиперпотребителей. Мы не видим никакого политического ответа на ситуацию, и наше спасение — ответ индивидуальный, защита в форме юмора. Каждое утро я получаю (и надеюсь получать и дальше) всяческие мемы, мини-видео и забавные свидетельства от моих друзей, и я смеюсь вместе с ними, пока завтракаю в одиночестве на кухне, глядя в окно на соседа из дома напротив, который делает то же самое, — всё это своеобразная вакцина, которая помогает мне встречать наступающий день. **Юмор — индивидуальная вакцина коллективного пользования**, она до сих пор нужна нам в противовес бессилию публичных властей. Никому и в голову не приходило смеяться над СПИДом, а над COVID-19 люди смеются. Почему? Потому что мы должны чем-то заполнить это подвешенное время в том мире, который так привык к скоростям и обменам и внезапно приостановил своё движение. **А благодаря юмору мы можем построить наши собственные маленькие миры, с лёгкостью путешествующие в пространстве, составленные из моментов жизненных ситуаций.**

Когда французский президент **Эмманюэль Макрон** объявил о самоизоляции, говоря, что «сейчас у нас война», французскому обществу понадобилось время, чтобы приспособиться к новым условиям, но в результате люди смогли не выходить из дома.

Во время Второй мировой войны люди прятались от бомб в бункерах или в лондонском метро, а сегодня все мы находимся под открытым небом. Впервые в истории сразу четыре поколения вместе одновременно живут в пространстве пандемии и делятся с нами своими воспоминаниями о других изоляциях и иных клаустрофобиях. Этот вирус живёт по принципу киноплёнки или пульта дистанционного управления: он может **ускорять или замедлять смешанные изображения** из прошлого коллективного опыта, добавляя к ним героические образы.

Но в духе времени недоверия к политикам и депутатам этот демократичный и вездесущий вирус породил героев, которым каждый вечер аплодируют на балконах европейских городов. Эти герои — медицинский персонал. Печальный парадокс, ибо **если планетарный неолиберализм в последние тридцать лет чего-то достиг, так это постепенного и неуклонного разрушения системы общественного здравоохранения, созданной после Второй мировой войны.** Невероятный цинизм правящих классов заставит побледнеть даже смерть, потому что отныне во Франции мы знаем, когда именно была приостановлена закупка масок (и это в период власти социалистов!): фонды и предприятия закрыты, сделки срываются, строительство останавливается. Ожидается, что в результате глобального падения производства экономическая ситуация в мире значительно ухудшится, и **новые бедняки присоединятся к тем бедным, которые остались на обочине неолиберализма, стремительно летящего к планетарному неравенству.** Мы все «в подвешенном состоянии» не потому, что время подвешено, а потому, что **пространство закрыто:** я один на один перед собственным бессилием — не могу выйти, чтобы потрепаться. К счастью, у меня **ещё остались все средства массовой информации, чтобы общаться.**

Жан-Мари КЛИНКЕНБЕРГ

БЕЛЬГИЯ

Jean-Marie KLINKENBERG

BELGIUM

*Заслуженный профессор семиотики и риторики
Университета Льежа,
Действительный член Королевской академии Бельгии,
представитель Бельгии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Одно из самых заметных последствий сегодняшней мировой ситуации — это обильное и беспорядочное производство (хочется сказать *вирусное*, но это слишком явная метафора) всяческих речей. Каждый гражданин постоянно находится перед телеэкраном в ожидании новой, всё более обильной информации: мы видим, как «взрывается» количество постов в социальных сетях, как кризис расширяет читательскую аудиторию интернет-изданий и увеличивает число электронных подписок...

Этот взрыв — настоящий вызов наукам, изучающим дискурс: семиотике, риторике, лингвистике.

По-видимому, все эти дисциплины обладают достаточным инструментарием, чтобы анализировать новый предмет исследования. Несомненно, они способны адекватно описать функционирование каждого из типов дискурса, который мы сейчас слышим: научный, политический, медийный, бытовой. Анализ каждой из этих дискурсивных вселенных, который будут завтра проводить студенты и учёные, конечно же, покажет, что каждый из дискурсов подчиняется хорошо известным правилам. Вопреки общепринятому мнению, риторика научных дебатов по поводу коронавируса строится в соответствии с проверенным протоколом: гипотеза, сбор данных, метод анализа, выводы, передача результатов научному сообществу в форме публикаций, прошедших экспертную оценку. Все стараются

облечь свои диалектические построения в форму синтеза, а реальные противоречия касаются только тех вопросов, которые ещё не достигли стадии обобщения: длительность приобретённого иммунитета, связь между лишним весом и риском смертности от вируса, возможная роль интерферонов в ходе лечения и т.п.

Всё подчиняется одной цели — видимости нейтральной объективной позиции. Даже дискуссии между специалистами по использованию хлорохина также строятся по этой схеме... Что касается политического дискурса — в лице правительства, организаций работодателей, ассоциаций потребителей или профсоюзов, — то и он в своих запросах и решениях опирается на классические образы и рассуждения, а в результате Слово оказывает непосредственное влияние на нашу жизнь. Возможно, однажды мы сможем отдать себе отчёт, насколько привлечение метафоры «войны», то есть вируса как невидимого, затаившегося врага, позволило предложить и принять меры социальной поддержки, которые мы и представить не могли в мирное время.

Дискурс медийный тоже не забывает о метафорах, сопоставляя свидетельства и экспертизу, но при этом не претендует на общие выводы. Дискурс социальных медиа остаётся верным своей первоначальной модели: парцелляризация, разрыв, распад, рассеяние, выделение сиюминутного и индивидуального, ограничение консенсуса микроскопическим сообществом, свобода страстей.

Итак, каждый дискурс строится в соответствии со своей идеальной моделью. Следует ли из этого, что, несмотря на видимость новизны, теперешнее словесное изобилие совсем не удивительно? И что весь тот переполох, который мы сейчас наблюдаем, скоро станет обыденным и домашним?

Сделать такой поспешный вывод — означало бы упустить из виду знакомую исследователям языка и дискурса процедуру. Достоверность анализа, которому он подвергает каждый из четырёх слоёв дискурса, обусловлена тем фактом, что все слои рассматриваются отдельно, как это сделал бы химик с каждой изучаемой в его лаборатории субстанцией. Данный приём разделения сложного на простые элементы соответствует постулату Декарта: «Разделите каждую из трудных задач, которую хотите рассмотреть,

на максимально возможное количество частей, которые потребуются для наилучшего решения». С давних пор он лежит в основе точных наук, а также прочно утвердился в системе наук гуманитарных благодаря принципам структурализма. Именно поэтому аналитик может использовать свои излюбленные приёмы.

Однако возникает новая проблема: когда мы доброжелательно изучаем дискурс, убрав все острые углы путём разделения на мелкие составляющие, не означает ли это, что мы убегаем от нынешней сложности? Не упускаем ли мы таким образом новизну некоего коллективного голоса, который раздаётся повсюду? Ведь если каждый из подвидов дискурса обнадеживает нас своей связностью, то новое для нас — само наложение дискурсов друг на друга и их взаимопроникновение.

Например, мы видим, что социальные сети породили множество так называемых вирусологов по призванию, люди делятся друг с другом только что приобретёнными знаниями в области эпидемиологии и инфекций. Мы наблюдаем, как мир социальных сетей пользуется результатами научных дискуссий, но берёт из них только соревновательную часть, чтобы превратить её в войну «за» и «против». Мы видим, что дискурс политический делает научный дискурс своим инструментом, привлекая для этого высказывания отдельных учёных, и при этом оставляет в них лишь две составляющие: во-первых, функцию говорить правду, а во-вторых, авторитетный образ, который они помогают создавать. И наоборот, мы можем видеть, как учёный избавляется от своего традиционного статуса, чтобы предстать в социальных сетях в обличье *эксперта*. И мы понимаем, что давление журналистов требует определённых ответов от тех, кто привык ставить вопросы.

И хотя порой раздаются мнения о разорванности сегодняшнего дискурса, речь идёт скорее о его мобильности и запутанности. Разумеется, так бывало и раньше: политики приглашали экспертов, а журналисты тиражировали слова и тех и других. Новое в данной ситуации — лишь степень важности такого смешения в нескончаемом потоке речей.

Эта новая данность имеет социальные последствия огромной важности, и они коснутся каждого из нас. Мы сегодня живём с чув-

ством неуверенности во всём: в здоровье нас самих и наших близких, в способе заработать на будущее завтра, воспитать детей и снова свободно выходить на улицу. К этому добавляется ещё новая неуверенность, вызванная полифонией (или какофонией) речей, которые мы слышим. Поэтому сегодняшний человек ковидный (*homo covidensis*) страдает не от отсутствия смысла, а от гипертрофии чувств. Пространство переполнено разнонаправленными дискурсами. По словам испанского семиотика Хосе Марии Пас Гаго, мы все являемся свидетелями настоящей коммуникационной пандемии, в которой «вирус — это послание». Если нам чего-то и недостаёт, так только ориентиров, которые позволили бы разобраться в собственных мыслях. Поэтому мы оказываемся в парадоксальной ситуации: невозможность сказать что-то конкретное толкает нас к бесконечному говорению как таковому.

Осознать семиотический беспорядок настоящего времени — означает взять на себя ответственность за весь этот снежный ком дискурсов, которые в обычное время просто соседствуют друг с другом. Но чтобы справиться с этой задачей, обычных описательных приёмов, которыми пользуются лингвисты, оказывается недостаточно. Они эффективны в случае анализа отдельных и оторванных от контекста сюжетов, но оказываются бессильными описать полифонию.

Говорят, что сегодняшние события на многое заставляют посмотреть по-другому. Это верно с двух точек зрения. С одной стороны, они указали нам на нестабильность и уязвимость мира, который сглаженный дискурс представлял последовательным. События живо показали нам, что отраслевые виды дискурса — политического, журналистского, юридического, юмористического, социологического — играют только одну роль: по факту придать нашему миру связность и понятность, упорядочить в линейных рассказах весь рой реальных событий. И это обнаружение неизбежной провинциальности отраслевых дискурсов вызывает в нас чувства разочарования и беспокойства. С другой стороны, *если позволительно сравнивать малое с великим*, филологические науки сами помогли подобному сглаживанию дискурса: чтобы обеспечить собственную устойчивость, они обошли своим вниманием сложность и неоднородность.

Вне всякого сомнения, момент истины настал. И филологическим наукам понадобятся средства, чтобы понять очевидную семиотическую нестабильность и сделать её предметом своего исследования. Им придётся разработать новые методы анализа, которые позволили бы показать, как различные семейства дискурсов встраиваются друг в друга сегодня, какие метаморфозы случаются с ними в процессе встраивания (потому что мутируют не только вирусы). Они будут вынуждены изучать эту запутанность, наблюдать за её модальностями, объяснять её эффекты и социальные функции. Филологическим наукам нужно будет найти способ, как нам теперь разговаривать с людьми на улице, как давать им рекомендации, в которых они нуждаются, чтобы ориентироваться в речевых дебрях (потому что необходимые всем защитные средства — это не только маски и перчатки).

В тот момент, когда мы как никогда нуждаемся в обретении смысла, науки о смысле и о языке несут особую ответственность, от которой они не могут отказаться.

Массимо ЛЕОНЕ

ИТАЛИЯ/КИТАЙ

Massimo LEONE

ITALY/CHINA

*Доктор философии,
профессор философии и семиотики Университета Турина,
профессор семиотики Университета Шанхая,
представитель Италии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ЯЗЫК ПАНДЕМИИ

Можно ли предположить, что эпидемия коронавируса повлияла на наш язык? Думаю, пока ещё рано об этом говорить, потому что эпидемия ещё продолжается, принося с собой культурные измене-

ния. Необходим последующий анализ, чтобы всё выяснить. Также нужно будет уточнить, что имеется в виду: язык как способность общения в целом? вербальный язык? естественные языки? или другие знаковые системы? Конечно, некоторые тенденции прослеживаются уже сейчас, но не совсем чётко. До пандемии особенность нашего общения состояла в постоянной мобильности, наиболее часто задаваемый вопрос был: «Где ты сейчас?». Для тех, кто связывался друг с другом, будучи в разных странах, этот вопрос был естественным, потому что они предпочли сидячему образу жизни эстетически-кочевую игровую форму. Сегодня же этот вопрос больше не имеет смысла для большинства населения планеты. Все сидят дома, а тот, кто этого не делает, вынужден скрывать свои действия, чтобы не подвергнуться осуждению. Поэтому главный вопрос теперь не «Где ты?», а «Как ты?». Так мы возвращаемся в прошлое, когда не столь важно было знать, где находятся люди, а что с ними и как поживают члены их семьи.

Другая тенденция, типичная для бедственных ситуаций, — это единая тема для разговоров: в публичном или личном общении мы ни о чём другом не говорим. Вирус — самый главный герой всех разговоров. Чтобы сменить тему, нужно придумать парадоксальное высказывание, однако такое отступление длится недолго. По сравнению с другими знаковыми системами, коммуникация до пандемии часто основывалась на представлении себя другим. Ключевым коммуникативным форматом этой коммуникации были селфи. В период пандемии, конечно же, количество селфи значительно уменьшилось. Когда кривая пандемии только начинала расти, находились люди, которые считали маски поводом для шуток, но потом шутки закончились, а вместе с ними и маски. Остаются только «героические» селфи врачей и медсестёр, которые из селфи становятся портретами, потому что за ними нет ничего, дальше — только трагедия и смерть.

Для всех людей, включая VIP-персон и селебрити, необходимость представления себя другим сменилась желанием представить других себе. Человек сегодня чувствует себя одиноким, изолированным, лишённым контакта с другими людьми. В социальных сетях мы переходим от формата моноселфи к мультиселфи, мозаич-

ному коллективу, лоскутному изображению лиц в Zoom и на других платформах. Так мы уверяем себя и других, что мы не одиноки, что сообщество продолжает существовать, хотя бы виртуально. Фатическая функция языка, указывающая на существование канала связи, становится гипертрофированной, особенно среди новых пользователей платформ видеоконференцсвязи: они то и дело повторяют: «Вы меня слышите?», «Вы меня видите?» и т.п. Также подразумевается, что общий эмоциональный настрой публичного или частного общения отличается избытком эмоций в ущерб когнитивному содержанию. Впрочем, вполне вероятно и то, что из-за перерыва большинства видов нормальной деятельности нам действительно мало что есть сказать друг другу, мы можем только делиться впечатлениями, идеями, эмоциями или планами и действиями в отношении пандемии.

Пандемия коронавируса спровоцировала так называемую инфодемию, то есть распространение огромного количества информации, часто поступающей из непроверенных источников. Можно попытаться противостоять ей точно так же, как мы пытаемся противостоять пандемии. Но, к сожалению, вакцины не существует ни для одной из этих пандемий. Она могла бы существовать и быть произведённой раньше, но для этого понадобилась бы организация с комплексом превентивных мер, которых так сейчас не хватает, чтобы справиться и с пандемией, и с рисками инфодемии. Сейчас уже поздно. Когда пандемия пройдёт, надеемся, что вместе с инфодемией, тогда, не будучи в эпицентре опасности и страданий, необходимо будет продумать заранее, как улучшить инфраструктуру распространения информации, в том числе и путём автоматической организации. Очевидно, что в нынешнем чрезвычайном положении, чтобы защитить себя от пандемии, нет другого пути, кроме как самоизолироваться дома, избегая заражения себя и других и сохраняя только самый минимум жизненно необходимых контактов. Точно так же необходимо тщательно выбирать каналы коммуникации, отдавать приоритет наиболее авторитетным, причём не только с точки зрения общепринятого знания, но и с критических позиций. Но для того чтобы разобраться, какие источники авторитетные, а какие — лживые, требуется специальная подготовка, которую

должны давать хорошие университеты на отделениях журналистики и коммуникации.

Кроме того, мы нуждаемся в изменении менталитета. Мы должны перестать думать, что маска нужна единственно для того, чтобы защитить нас от других людей, и осознать, что она также предназначена для защиты их от нас самих. Так же точно нам требуется понять, что бороться с инфодемией можно только с помощью маски образования, причём маски двусторонней: с одной стороны это защита от потребления необоснованных идей, а с другой — препятствие для передачи таких знаний остальным людям. Мы все являемся переносчиками инфодемии, считая себя здоровыми, потому что даже не знаем, что распространяем фейковые новости, а когда замечаем это, то уже слишком поздно и нашими заблуждениями «заражены» сотни и тысячи людей. Осторожность необходима и когда мы слушаем, и когда говорим. Журналисты должны быть немного похожи на добросовестных медсестёр и помещать непроверенную информацию на карантин, ожидая, что она или окажется ложной, или исчерпает себя, или станет правдой. Однако слишком часто журналисты ведут себя, как рассеянные врачи, которые порой распространяют инфекцию, даже не зная об этом. Если же это происходит сознательно, то они заслуживают осуждения, как доктор, нарушивший клятву Гиппократова.

Пандемия изменила наши лица, лицо каждого человека. Прежде всего речь идёт о физических лицах: мы сидим дома на самоизоляции, нам не хватает лиц других людей или же, наоборот, мы чувствуем навязчивое присутствие лиц близких родственников и т.д. Порой всё идёт хорошо, и тогда мы заново открываем для себя любовь, дружбу, братство. Но бывает и наоборот, когда вы не можете выносить постоянное присутствие лица другого человека. В публичном пространстве лица тоже меняются из-за появления масок. Маска — предмет, к которому западный мир не привык, за исключением специфических ситуаций визита к зубному врачу или хирургу. Если речь идёт о посещении семейного врача, то там маска не обязательна. Теперь же мы видим маски повсюду, и они наделяют публичное пространство медицинским смыслом. Но есть и другие культуры, где этого не происходит. Например, для культуры стран

Дальнего Востока маска — более привычный предмет. Частично это объясняется тем, что они пережили другие серьёзные эпидемии в прошлом, или тем, что стали жертвой террористических атак, нацеленных на дыхательную систему, таких как зариновая атака в токийском метро. Другая причина в том, что в азиатских странах совсем другое представление об индивидууме и обществе: маска надевается не только для защиты себя от других, но и для защиты других от себя. Маска там используется повсеместно, она превратилась в привычку и даже в предмет моды.

Тем не менее, я думаю, что мы не сможем полностью привыкнуть к маске. Как я пытаюсь доказать вместе с группой коллег-исследователей в моём европейском научном проекте FACETS, посвящённом репрезентации темы лица в современном обществе, именно лицо является главным интерфейсом в общении. Это очень важный социальный интерфейс, мы не привыкли видеть его закрытым, особенно ту его часть, которая включает нос и рот. Для нас рот ассоциируется с устной речью и улыбкой. Поэтому у нас складывается впечатление, что мы не можем нормально общаться с человеком в маске. Во многих культурах есть этот контраст, который проявляется на уровне лексики, в словах *лицо* и *морда*. Маска превращает наши лица в морды, но нам ничего не остаётся, как смириться и начать понимать, что этот предмет защищает и нас, и общество. Это предмет, за которым в один прекрасный день мы надеемся представить себе улыбку других людей, в ожидании того счастливого момента, когда для всего мира изобретут вакцину.

(Оригинал статьи представляет собой интервью на итальянском языке. Русский перевод основан на рабочей английской версии, предоставленной автором.)

Жак ДЮРРЕНМАТТ

ФРАНЦИЯ

Jacques DÜRRENMATT

FRANCE

*Профессор лингвистики
Университета Сорбонны, Париж*

САМОИЗОЛЯЦИЯ И ВЫХОД ИЗ НЕЁ: КАК ПРИДУМАТЬ НОВЫЕ СЛОВА

Скорость, с которой часть Китая, Италия, а затем Франция оказались отрезаны от мира этой зимой, неожиданно дала популярность слову, которое до этого момента использовалось мало: *самоизоляция* (конфайнмент). Однако в слогане, который можно было видеть повсюду — на рекламных щитах, на окнах и балконах, — этого термина не было. Везде мы читали выражение «Оставайтесь дома!» — и это был самый простой и, вероятно, самый эффективный способ заставить осознать привыкшее к свободе население, что внешнее пространство стало опасным. Категоричное использование повелительного наклонения (*оставайтесь*) удивляло, но на самом деле речь шла о немедленной ответственности, потому что людям следовало понять, что такая мера необходима для выживания наиболее уязвимой пожилой части населения. Что касается слова *самоизоляция*, то оно стало использоваться в речах политиков и журналистов и превратилось в лейтмотив всех этих непривычных долгих дней пребывания дома. Затем появился антоним, *выход из самоизоляции* (деконфайнмент), — неологизм, полученный путём добавления отрицательной приставки де-. Этот термин выглядел как отдалённая желанная цель, наше воображение наделяло её обрётённой свободой и чувством обновления, то есть намного большим смыслом, чем простое возвращение к нормальной жизни.

Слово *изолировать* предстало перед нами как парадоксальный глагол, потому что подразумевало заключение в уже ограниченном пространстве. Оно давно уже являлось синонимом *заключения под*

стражу, а теперь его местоименная форма стала означать добровольное ограничение жизненного пространства по санитарным, психологическим или иным причинам. Прилагательное *изолированный*, или *запертый*, также приобрело новый смысл в сочетании со словом *воздух*: выражение *спёртый воздух* означает атмосферу, в которой дышится с трудом из-за отсутствия вентиляции. Именно этот смысл чаще всего считывался в данный период, придавая термину негативный оттенок: навязанная самоизоляция многими людьми воспринималась почти буквально как насильственное лишение свежего воздуха и сопровождалась многими соматическими проявлениями, которые сейчас изучают психологи. Тем более что откладываемая на более поздний срок дата выхода из самоизоляции всё время намекала на расплывчатость пределов и границ.

Термин *выход из самоизоляции* (деконфайнмент) стал предметом многочисленных лингвистических выдумок, в соответствии с французской традицией пессимизма и отрицания. Например, его изобретательно сравнивали с *де-конфитюром*, то есть с неудачей, с отрицанием всего, что заложено в сладком и вкусном конфитюре. Более того, слово превращали в *деконфинаду*, походившую своим традиционным окончанием (бравада, шарада...) на *дебандаду*, означавшую беспорядочное бегство, когда всё идёт вкривь и вкось. То есть язык подсказывал оригинальные способы подумать о возможных грядущих бедствиях, угроза которых сохраняется и сегодня, когда я пишу эти строки.

В течение последних недель возникла ещё целая серия производных терминов, и пока неясно, как долго они просуществуют. Речь идёт о различении периодов *до-самоизоляции* и *после-самоизоляции*, о противопоставлении позиций *за-самоизоляцию* и *против-самоизоляции*, а также об угрозе *повторной*, «ню»-самоизоляции. На первый взгляд безобидные, все эти термины быстро вторгаются в общественное пространство и меняют наше представление о прогрессе начала века и второго тысячелетия, об отпущенной нам свободе. Пусть же эти слова как можно скорее окажутся *за пределами* словарей!

Хамид Реза ШАИРИ

ИРАН

Hamid Reza Shairi

IRAN

Профессор семиотики

*Университета Тарбиат Модарес, Тегеран,
представитель Ирана в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

КОРОНА И ПОСТ-КОРОНА: СЕМИОТИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Когда Эдип прибывает в город Фивы, он узнаёт, что город находится во власти страшного Сфинкса. Чтобы освободить жителей города от чудовища, Эдип должен разгадать загадку: «Кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером на трёх?». Он отвечает: «Это человек. Когда он мал, то есть на заре своей жизни, он ползает на четвереньках, днём, в зрелом возрасте, он ходит на двух ногах, а вечером, то есть в старости, он дряхлеет, берёт костыль и ходит на трёх ногах». Услышав правильный ответ, Сфинкс бросается в море. Так Эдип освобождает народ Фив от бедствия. Иными словами, жителей спасают не сражение, в котором побеждает сильнейший, а мудрость и ум Эдипа.

Из этого мифа нам всем в эпоху коронавируса следует извлечь два важных урока. Первый урок касается временного режима нашего существования. Тот факт, что мы должны носить маску, заменившую образ костыля в загадке Эдипа, значит ли он, что уже наступила ночь нашей жизни? Второй урок напоминает, что человечество всегда извлекало большую пользу из знаний и мудрости, чем путём насилия.

В древние времена и особенно в африканских культурах маска несла знаковую ритуальную функцию: это был способ защиты от зла и враждебных сил. В масках черпал своё вдохновение Пикассо, открывая в них силу и бесконечно обновляющуюся энергию. Эти ма-

ски говорили о глубокой тайне человеческого существования, они были священными и вызывали состояние нематериального духовного транса. Маски, которые мы носим сегодня, действуют иначе: они работают как протез, который, если и должен защищать нас от беды и вируса, ничего общего не имеет с областью духовного и таинственного. Эти маски заменяют костыль, символизирующий ночь нашей жизни. Семиотика страстей учит нас, что все мы начинаем походить друг на друга, когда надеваем одинаковые маски.

Так мы теряем своё лицо, а вместе с ним и одно из важнейших преимуществ человечества — общаться с помощью эмоций, которые читаются на таких разных лицах. Скрытые за масками лица утрачивают способность вызывать эмоции и создавать смысл, поскольку исчезает всякая возможность различения идентичности. Мы начинаем работать как машины, которые способны функционировать только по заданным программам. Нас лишают возможности эмоционально и страстно взаимодействовать с другими людьми, и мы становимся похожими на механизмы, потерявшие смысл существования: ходим на трёх ногах, и смысл нашей жизни уменьшается.

Тем не менее не стоит смотреть на вещи только с отрицательной точки зрения. Период коронавируса также принёс и определённую пользу человеческой жизни. Как поэты иногда оставляют несколько пробелов и чистых страниц в своих произведениях, чтобы на смену интенсивному присутствию слов и чернил пришло молчаливое спокойствие, так и коронавирус очистил страницу нашего существования. Мы смогли прожить этот период молчания, который замедлил наш жизненный ритм и сократил наши вредящие природе и окружающим действия и поступки. Фактически благодаря этой белой странице нашего существования, «написанной» коронавирусом, мы вступаем на путь возрождения нашей вселенной.

Таким образом, посткоронавирусный период должен стать для нас началом новых времён, где будут важны новые формы жизни: больше уважения к другим, больше мира с собой и близкими, меньше эгоизма, меньше насилия в наших действиях, более бережное отношение к природе, взаимное уважение к различным культурам. Подумаем о мире, где будет меньше нездоровой конкуренции как в экономическом, так и в политическом плане. В любом случае

молчание и чистые листы, навязанные коронавирусом, должны стать стимулом этических поступков, которых нам так не хватало в нашей жизни. Посткоронавирусная эпоха должна для всех нас стать символом возрождения нашего существования в мире.

Тициана МИЛЬОРЕ

ИТАЛИЯ

Tiziana MIGLIORE

ITALY

*Доцент семиотики
Университета Карло Бо, Урбино,
Вице-президент Международной ассоциации
визуальной семиотики*

COVID-19. ДОБРОДЕТЕЛЬ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

23 февраля 2020 года площадь Сан-Марко в Венеции была, как обычно, заполнена карнавальная толпой, когда внезапно форс-мажорные обстоятельства изменили на первый взгляд раз и навсегда решённую судьбу любимого всеми города — быть парком развлечений, что на самом деле совсем не так.

Эксплуатация планеты с целью получения прибыли — в отношениях человека и животных (как с несъедобным мясом), в отношениях между людьми (бесконечные толпы в местах общественного проживания, транспорте, на культурных объектах) — достигла критической точки. Умная система ответов человеческого иммунитета отказывается работать. Уже давно ведутся разговоры об антропоцене и о способах массового производства для глобализированного общества, которые не являются прогрессом ни на одном из уровней: климатическом (загрязнение окружающей среды), экономическом (капитализм), политическом (популизм), культурном (функцио-

нальная неграмотность, туризм как «набег», контрафакция). В условиях глобализации человек откатывается назад до ступени самоуничтожения.

Коронавирус ставит под сомнение нашу компетенцию «суперглобализаторов» (термин Бруно Латура) с помощью наиболее подходящего ему образа — массового заражения, которое поражает лёгкие и приводит к летальному исходу. То, что люди отказывались видеть во внешнем мире, вирус показал им изнутри, и у них перехватило дыхание. Глобализация, смешивающая людей и животных, превращающая человека в толпу, — смертельна. Однако глобализация показала не только негативные стороны человеческой деятельности, она заставила нас остановиться и задуматься, открыв дверь новым принципам и новому отношению к миру.

Принятое Италией решение об изоляции и закрытии границ в ответ на распространение пандемии было подвергнуто критике со стороны Америки времён Трампа и других европейских стран, но это была сильная позиция, несмотря на все те затраты, которые она повлекла. Потому что она показала, как можно мужественно сопротивляться, несмотря на цинизм тех, кто сохраняет *статус-кво*, тех, кто «не слишком» закрывает границы, и тех, кто говорит о безобидном «коллективном иммунитете». Первая реакция итальянцев в ответ на кризис COVID заставляет задуматься: они остались дома, засучили рукава и принялись замешивать муку, воду, дрожжи и соль, чтобы приготовить пиццу своими руками. Готовые замороженные продукты, потенциально не более опасные, чем упаковка муки, были, как обычно, в холодильниках больших международных супермаркетов. Но итальянцы инстинктивно отвергли эти продукты, желая приготовить что-то настоящее, вернуться к основам.

Сегодня Венеция, шедевр человеческой изобретательности и жизнестойкости, больше не хочет возвращаться к допандемическому «нормальному» состоянию. Фактически за время карантина город решил большинство проблем: перенаселённость, приливы, присутствие круизных лайнеров и сувениры «Сделано в Китае». Конечно, это была экстремальная ситуация, карнавал наоборот, столь же опасный для благополучия жителей. От пандемии пострадали ремесленники, рестораторы и владельцы гостиниц. Также по-

страдали дети, привыкшие жить в Венеции как в городе — продолжении дома, в месте замечательных прогулок и встреч.

Что теперь нам делать? Конечно, мы все должны будем подчиняться гигиеническим и санитарным нормам, которые требуют от нас соблюдения социальной дистанции, осторожности, достоинства, внимания к своим жестам. Поэтому сообщение, которое посылает нам вирус, — это хорошее воспитание! Не превратить ли нам вынужденную необходимость в добродетель? Придумать альтернативные решения для Венеции как города — пилотной площадки, чтобы изменить человеческое поведение в соответствии с рекомендациями по COVID, пересмотреть экономическую парадигму, жертвами и виновниками которой мы все являемся, переосмыслить наш образ жизни. Если сложить руки и просто ждать изобретения вакцины, то это будет означать позволить тем, кто стоит за этой трагедией, действовать и дальше. В идеале запрет на публичные собрания, которые не связаны с экономическими интересами, должен стать нормой. Сама по себе эта мера сыграла бы роль палки в колёсах массового туризма и барьерным жестом против количества в ущерб качеству.

Франсуа РАСТЬЕ
ФРАНЦИЯ

François RASTIER
FRANCE

*Доктор лингвистики,
главный научный сотрудник Национального центра
научных исследований Франции, Париж*

СОХРАНИТЬ ПРАВДУ ВО ВРЕМЕНА ПАНДЕМИИ

Сегодня, помимо научной истины, под вопросом находится сам концепт реальности. По словам журналиста Рона Зюскинда, Карл Роув, заместитель главы администрации Джорджа Буша-младшего,

в одном из интервью сказал следующее: «Такие люди, как вы (журналисты), принадлежат к сообществу, основанному на реальности». И добавил далее: «Мир так больше не работает. Мы — империя, и если мы действуем, то создаём нашу собственную реальность» (статья в *Нью-Йорк Таймс*, опубликованная незадолго до президентских выборов в 2004 году).

Нападки на правду ведут к отказу от всех принципов реальности, к созданию и навязыванию, с помощью софизмов и всевозможных средств медиапропаганды, совершенно особого иллюзорного мира, замещающего реальность. Странно и даже тревожно ощущать, что по-прежнему необходимо предупреждать об экономической, социальной, политической и экологической опасности этой всеобщей слепоты.

Это стало ещё более явным во время нынешней пандемии, которая сопровождается и усугубляется *инфодемией* — именно этот термин употребил глава Всемирной организации здравоохранения для обозначения растущего потока дезинформации.

Инфодемия опасна, потому что она ведёт к недооценке эпидемической опасности, приравнивая её к простому гриппу. Также она ставит под сомнение необходимость превентивных мер, представляя их как посягательства на свободу, с которыми нельзя согласиться.

Результат инфодемии — призыв принимать неапробированные опасные лекарства и сомнительные продукты, что в конечном итоге дополнительно увеличивает количество жертв.

В области дезинформации выделяются две часто встречающиеся группы: популистские ультраправые лидеры типа Дональда Трампа или Жаира Болсонару и постмодернистские ультралевые философы, например Ален Бадью или Джорджо Агамбен.

Мы слышали, как Трамп говорил о гриппе и рекомендовал лекарства, эффективность и побочные эффекты которых вызывают споры. Речь шла даже об инъекциях дезинфицирующих средств и о призыве к «освобождению» демократических государств от самоизоляции. Сопоставимо с этим поведение Болсонару.

Параллельно с такими заявлениями Бадью (в статье «Об эпидемической ситуации») позиционирует себя как мыслителя происхо-

дящего и заявляет в прессе, что «нет ничего нового под солнцем», что сегодняшняя пандемия похожа на предыдущие эпидемии, словно забывая о самоизоляции четырёх с половиной миллиардов человек на планете. Что касается Агамбена, то он сначала пишет о гриппе, а потом о некоем «объективном заговоре», целью которого было введение чрезвычайного положения, принявшего вид чрезвычайной санитарной ситуации. (Для Агамбена единственная правда — это существование лжи.)

Однако эти любопытные совпадения не могут скрыть новый факт: в сознании общественности и СМИ учёные находятся на шаг впереди политиков и тем более мнительных философов. Вирусологи и эпидемиологи проводят совместные пресс-конференции с министрами и главами государств. И, что самое невероятное в данном контексте, они смеют говорить: «Мы не знаем» и объясняют, что научные исследования выходят за интуитивные рамки и требуют проверок.

Ситуация не объясняется простой надеждой на исцеление, потому что эту надежду также можно удовлетворить молитвами или суеверными практиками. В данном случае мы скорее наблюдаем возвращение принципа реальности, который постепенно отвоёвывает права у демагогии и сторителлинга. Будем надеяться, что этот основополагающий принцип позволит преодолеть грядущие кризисы.

Нейла Грасиела ПАРДО АБРИЛЬ

КОЛУМБИЯ

Neyla Graciela PARDO ABRIL

COLOMBIA

*Профессор лингвистики и коммуникации
Национального университета Колумбии, Богота,
Вице-президент от Америки
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

КОЛУМБИЯ: ЗАТЯЖНАЯ ПАНДЕМИЯ С ТЯЖЁЛЫМИ СИМПТОМАМИ В 2020 ГОДУ

Пандемия в Колумбии — не просто санитарный кризис. Это критическое состояние пациента, который отказывается умирать в сложном социальном, политическом и экономическом контексте, где царят неравенство и неолиберальные течения, где более шестидесяти лет длится вооружённый конфликт и теперь добавилась пандемия COVID-19.

Все эти факторы способствуют ухудшению нынешней ситуации, особенно для обедневшей и маргинализованной части населения страны. Кроме того, тема коронавируса превратилась в Колумбии в пространство медийного спектакля, которое СМИ умело использовали, мешая думать о глубинных причинах социальных и медицинских проблем страны.

Колумбия жила и живёт в состоянии постоянного кризиса, который представляет собой более серьёзную пандемию, чем COVID-19. Его диагноз, среди прочих болезней, выявляет такие причины, как систематическая коррупция в правительстве (статья «Прозрачность в Колумбии: о случаях коррупции в 2016–2018 гг.», *Setana.com*, 2020), накопление крупных капиталов менее чем у 1% колумбийцев («Привилегии, которые лишают прав», 2016), чрезмерная эксплуатация человеческого капитала.

Истёкший период, начиная с первого выявленного случая коронавируса 6 марта, позволяет делать выводы не только о наличии

указанных симптомов, но и о заинтересованности политических и экономических элит в том, чтобы пациент оставался умирающим (*Semana.com*).

Среди наиболее значимых биологических показателей ситуации — перерасход средств на приобретение масок в армии, нарушения в программе субсидий и правительственной программе помощи в условиях пандемии, а также изначальные требования Министерства труда не вводить превентивные меры изоляции на первом этапе обнаружения вируса. Очевидно, что определённая часть населения в Колумбии заинтересована в том, чтобы извлечь экономическую выгоду из ситуации и поддержать производство любой ценой, несмотря на возможные последствия для рабочих.

Вероятно, с политической точки зрения ситуация у нас может показаться лучше управляемой, чем в других странах, где нормальная повседневная деятельность поддерживалась в течение более длительного времени. Однако, с одной стороны, действия правительства были не столько самостоятельным ответом на ситуацию, сколько результатом международной координации в принятии решений относительно закрытия внешних границ и общих мер изоляции.

С другой стороны, это стало результатом борьбы элит, когда политические лидеры на местах превышали свои полномочия, чтобы обеспечить защиту населения и избежать быстрого пика числа инфицированных (12930 подтверждённых случаев и 512 смертей по состоянию на 13 мая, по данным *ElTiempo.com*).

Кроме того, в Колумбии пандемия COVID-19 заслонила все остальные темы в СМИ, в том числе ограничила разговоры о скандалах, связанных с руководством нынешнего правительства. Всё внимание основных средств массовой информации было сосредоточено на бесконечном дискурсе о пандемии, и в то же время журналисты избегали полемики по насущным социальным вопросам, таким как убийство общественных лидеров и правозащитников, возрождение форм парамилитаризма в отдалённых районах или химическая обработка плантаций запрещённых растений с целью борьбы с наркобизнесом (по сведениям *Indepaz*, 95 общественных лидеров были убиты в период с 1 января по 5 мая 2020 года).

Одной из основных проблем этой пандемии в нашей стране стал недостаток финансирования в секторе здравоохранения, который сопровождается постепенной приватизацией медицинских служб и историческим неравенством в доступе к медицинским услугам, что на нынешнем этапе вызывает более широкое распространение вируса. Нехватка медицинского оборудования, отсутствие специализированной инфраструктуры, недостаток политической воли, которая позволила бы принять эффективные меры по выявлению болезни и уходу за пациентами, — всё это может привести в ближайшее время к санитарному кризису и коллапсу в медицинских учреждениях.

Наиболее страдает незащищённое население, особенно в тех районах страны, где происходит систематический отказ от введения государственных мер. Конкретным случаем является Амазония, где в последнее время число заболевших увеличилось в геометрической прогрессии из-за бездействия властей (871 случай по сведениям *ElTiempo.com*: «Карта заболеваемости в департаментах Колумбии» от 13 мая 2020 года).

Однако последствия не ограничиваются физическим состоянием людей. Пандемия затрагивает и другие социальные области из-за отсутствия помощи независимым предпринимателям, беднейшим группам населения, а также тем, кто нуждается в приоритетной поддержке, и общинам, стигматизированным тем же самым правительством.

Сьюзан ПЕТРИЛЛИ
ИТАЛИЯ/АВСТРАЛИЯ

Susan PETRILLI
ITALY/ AUSTRALIA

*Профессор философии и теории языка Университета Бари,
приглашённый научный сотрудник
Университета Аделаиды в Южной Австралии,
представитель Австралии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

О КРАСОТЕ: ВМЕСТЕ НАВСЕГДА ВО ВРЕМЯ КОРОНАКРИЗИСА COVID-19

И ныне новый человек придёт,
От суеты и хаоса свободный

*Уолт Уитмен,
«Демократические дали»*

Постичь жизнь и её течение в поисках смысла и значения нашего существования и на этом пути, возможно, даже (вновь) увидеть абсолютную красоту — не так уж просто. То, что мы обречены на выживание, — априори неизбежное условие. Наши мнения, перспективы, убеждения, знания, опыт, компетенции, намерения, цели, чувства, ощущения, суждения и способности, подходы и ценности — все они варьируются необычайно, по крайней мере настолько, насколько меняются сами люди, стремящиеся понять, что происходит. А понимать — значит интерпретировать и переводить, создавать, развивать, жить, процветать и общаться.

Сейчас время кризиса COVID-19. Мир стремительно катится вниз. Каналы связи по всему миру резко прерываются в попытке противостоять этому мощному и в то же время хрупкому вирусу, угрожающему жизни на всей планете, — ведь ему не нужен паспорт и гражданство, он не знает границ: ни национальных, ни экономических, ни политических, ни расовых, ни социальных, ни гендерных, ни религиозных. И всеобщий призыв от тех политиков, кто нами управляет, говорит о сотрудничестве, соучастии и ответственности.

Как ни парадоксально, это призыв к открытому сотрудничеству. Но открытому для чего? Ведь нас вынуждают закрыть двери из страха перед другим — другим человеком, другой нечеловеческой силой, нашей естественной окружающей средой и Вселенной. Нужно открыться к иным формам поведения, ориентированным на ценность Другого: ради другого, во имя другого, во имя самого себя как другого. Мы призваны беречь наше здоровье, благополучие и безопасность, беспокоиться за другого: не бояться его, а бояться за него, за его здоровье и безопасность, ибо они — условие для нашего собственного выживания. Мы призваны заботиться о других и друг о друге, если не во имя любви к ближнему, то ради выживания — твоего, моего.

Но ещё более важно то, что это обращение к нам конкретно, к каждому уникальному индивидууму, которого не следует путать с эгоистичным близоруким индивидуалистом. Каждый призван проявить позицию соучастия и сотрудничества ради сохранения жизни общества и его членов, на локальном и глобальном уровне, ради блага Другого. Призыв к действию в данном случае — это призыв выстроить диалог и услышать собеседника, к общему соучастию, к прерыванию всех тех коммуникативных связей, которые угрожают жизни и наносят вред. Призыв слушать и заботиться о других, ради нашего и их выживания.

В этом призыве заключена красота COVID-19. Он говорит нам, что каждый человек — сам по себе ценность, поэтому нужно заботиться и быть ответственным за других ради них и ради себя самого, особенно в нашем глобальном и глобализированном мире.

Мы должны в конце концов ощутить неизбежность диалога и физической взаимосвязи, понять необходимость дарить сообществу своё внимание и сотрудничество. Постичь истину о нашей физической взаимозависимости, о необходимости совместной ответственности во всём мире, поверх границ и барьеров, как условия жизненного процветания: жизни твоей, моей, жизни другого, жизни общества. Вот в чём заключается красота.

Всеобщая беспрецедентная угроза жизни прямо говорит нам, благодаря современным мощным каналам связи, что мы не одиноки, что изолированное существование — это иллюзия. Чрезвычайная

ситуация нынешнего глобального кризиса (экологического, гуманитарного, политического, экономического) показала, насколько мы все физически связаны друг с другом: угроза моему телу — это угроза твоему телу и телу другого человека, поверь барьеров и стен, нравятся нам это или нет. Мы вместе навсегда.

Именно это понимание должно стать стимулом политики, экономики, финансовой и правовой систем в сегодняшнем глобализованном мире. Политическая пропаганда — нечто совсем другое. В таком контексте всем ясно, что безопасность и здоровье — вопросы глобальные: здоровье глобально, безопасность глобальна, ведь речь идёт конкретно о каждом из нас. Всё, что меньше, определяется границами заданной идеологии, будь то близорукая идеология мирового рынка, идеология глобальной коммуникации, национальная и наднациональная идеология, — границами идеологии сегодняшнего капитализма с его ненасытной рыночной жадой потребления.

Однако забота, самопожертвование и ответственность не вписываются в рамки рыночной логики. Они должны выйти за рамки общественных ограничений, которые, по сути, всегда идеологически ограничивают нашу идентичность. Настоящие безопасность, здоровье и красота — в возможности встречаться с другими людьми, дарить им свою заботу, вместе нести ответственность и строить взаимный диалог, выходящий за рамки эгоистичных и недальновидных интересов так называемого «идео-логичного» рынка.

Глобальная угроза жизни подчеркнула значение каждого отдельного человека на нашей планете, и не только для себя самого, но и для всего мирового сообщества. Каждый человек что-то значит в жизни и судьбе другого человека. Общество может выжить и прийти к процветанию только при условии диалога и физического взаимодействия одного уникального индивидуума с другим, столь же уникальным. Функционирование общества полностью зависит от взаимодействия отдельных индивидуумов между собой. Физическое интеркорпоральное взаимодействие, взаимосвязь, взаимозависимость — в биосфере, в семиосфере — это биосемиологическая истина нашей жизни, это само по себе условие для социального, культурного, исторического процветания общества.

В глобальной семиотической перспективе биосфера и семиосфера пересекаются. Семиотика утверждает, что жизнь и семиозис как рождение смысла, знаковая деятельность и общение сходятся и перетекают друг в друга. Жизнь — это общение, а общение — это обучение. Причём речь идёт об обучении на протяжении всей жизни, а не просто узнавании нового с помощью современных электронных средств. Это обучение в соответствии с требованиями семиозиса, обучение эволюционное, а также повторение того, что мы знали, но забыли, это всегда исследование и открытие нового или хорошо забытого старого. Мы должны прислушаться к музыке земли, моря, воздуха, к словам другого — человека или другого существа. Мы — все вместе, объединённые красотой одного, но такого разнообразного мира. Все как один в мире многогранном, полифоничном, динамичном и диалогичном, подобно героям Шекспира, мы скажем: «Да будет музыка»!

Дидье ТСАЛА ЭФФА

ФРАНЦИЯ

Didier TSALA EFFA

FRANCE

Профессор семиотики Лиможского университета

**КОРОНАВИРУС
И ЕГО СЕМИОТИЧЕСКИЕ МУТАЦИИ:
ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ,
УРБАНИЗАЦИЯ, СУВЕРЕННОСТЬ**

Одно из недавних значимых событий, которое, как кажется (?), все быстро объяснили и описали, — появление коронавируса, вызвавшего мировую пандемию, которую мы переживаем вот уже несколько месяцев. С самого начала источником появления коронавируса был объявлен китайский город Ухань; более того, было заяв-

лено, что вирус удалось «изолировать» внутри этого города. С этой целью прекратилось всякое движение городского населения за его пределы. В тот момент для всех прочих стран коронавирус был чем-то экзотическим и далёким и вызывал скорее любопытство. Люди ограничивались тем, что представляли его себе визуально или схематически. Вспоминаются первые рассказы о китайских кулинарных обычаях, о панголинах и летучих мышах, об опустевших улицах Уханя, похожих на лунный пейзаж. Коронавирус был предметом этих почти этнологических рассказов, то есть помещался исключительно **на территорию** Уханя. Такова была изначальная нарративная модель коронавируса.

Однако по мере того, как вирус проникал в непосредственно близкое нам пространство и в наши города, модель стала меняться. Постепенно коронавирус стал предметом рациональных рассуждений, правительства принялись принимать решения о том, как его ограничить с целью минимизации распространения заболевания. Всё меньше стали говорить о панголинах и летучих мышах, внимание переключилось на статистические данные, на возникновение кластеров. Структура рассказов тоже стала меняться и мутировать: теперь говорили о логистике, о масках, о дезинфицирующих средствах и об административном ограничении перемещений граждан. Правительства столкнулись с задачей реорганизации проживания, то есть с введением новых правил вежливого поведения совместного существования на расстоянии. Одним словом, теперь стояла задача **урбанизировать** коронавирус. Как всем нам известно, это произошло в тот момент, когда опасность внезапно возникла в лице ближайших соседей (соседа по дому, оказавшегося рядом человека, ближайшего региона).

Третья нарративная мутация коснулась возможности сдержать вирус и справиться с ним. Главный вопрос и самый интересный спектакль, на котором мы все сегодня присутствуем, — поиски того учёного, той лаборатории, того института, кто первым сумеет разгадать загадку вируса. Потому что рано или поздно неизбежно какого-то человека или какую-то организацию провозгласят счастливым, которому удалось найти То Самое Решение, чтобы закончить историю с вирусом или по крайней мере на долгое время остановить наносимый им вред. Современное положение дел позволяет нам

сделать вывод, что игра идёт по правилам символической охоты. Коронавирус превратился в факт метадискурса, который воплощается в виде медийных высказываний ведущих учёных. Будь то доктор Дидье Раульг, или консилиум известных врачей, или Нобелевский лауреат Люк Монтанье, открывший вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), или даже просто какой-то шаман, — все их высказывания сводятся к *авторитарности* как таковой и стремятся лишь к одному — показать нам убедительность самого процесса говорения, доверие к которому зависит исключительно от степени «сакральности» говорящего. И в конечном итоге коронавирус, сам того не желая, стал выполнять роль предмета исканий в трагедии обладания. Так появилась третья мутация, которую мы можем охарактеризовать как утверждение нарративной **суверенности**.

(Термин «семиотические мутации» заимствован автором у семиотика Пер Аге Брандта.)

Гастон СИНГОЛАНИ

АРГЕНТИНА

Gaston CINGOLANI

ARGENTINA

*Профессор семиотики,
директор Института экспериментальных исследований
в искусстве и критике*

*Национального университета искусств,
Буэнос-Айрес*

**ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ.
КОЛЛЕКТИВНОЕ ЧУВСТВО
НОРМАЛЬНОСТИ**

Сегодняшний день, какой он? Ещё одним прожитым днём больше? Или одним днём меньше? Или же он столь уникален, что мы не можем считать его частью дней, идущих друг за другом?

Нормальность — это то состояние, когда мы обращаем внимание на вещи, которые считаем важными, необычными, единственными в своём роде, даже если они незначительны. То, во что мы верим, наполняет нашу жизнь смыслом. Однако (те, кто занимается семиотикой, знает это по нашей технической работе) необычные вещи обретают смысл благодаря фону, на котором они существуют и который для нас почти неощутим: его-то и называют «нормальностью». По мнению семиотиков, нормальность представляет собой конструкцию, состоящую из небольших регулярно повторяющихся элементов, вокруг некоторой точки, ставшей для нас привычной и обыденной. Можно даже сказать, что семиотика как раз и занимается изучением нормальности. Исследование нормальности часто приводит нас к использованию искусственных механизмов: мы обращаем особое внимание на то, что естественно и нормально, не то чтобы скрыто от посторонних глаз, но просто не ощущается. Такой метод используется, чтобы структурировать наши знания об обществе и его отдельных группах. Иначе говоря, это следствие потребности научно описать, что такое «социальная реальность», что на самом деле представляет собой то или иное сообщество независимо от его внутренней оценки. Потому что нормальность, которую каждый из нас проживает как отдельная личность, вписана в нормальность всех других людей. Это своеобразный молчаливый договор: про себя мы высоко ценим тот факт, что наша среда нам понятна и предсказуема и сами мы предсказуемы для окружающих.

В ситуации пандемии COVID-19 первой неожиданностью для нас стало то, что мы начали подробно знакомиться с нормальностью в понимании других людей и сообществ. Далее каждый стал осознавать, что такое нормальность (или было нормальностью), в тот момент, когда она стала от нас ускользать. Нам кажется нормальным нечто хорошее или плохое именно тогда, когда оно перестаёт быть нормальным. И сегодня мы можем восстановить, «починить» то, что ранее воспринималось как «естественная», стабильная, известная данность. Смена состояния, которая может привести к разрыву со старой нормальностью и сделать доступной нормальность новую, порой является случайным событием, а порой следствием ряда факторов, которые раскрывают перед нами новые, ещё неизведанные

возможности. Во втором случае важно уметь принять решение, даже не всегда чётко осознаваемое, — согласиться на изменения в жизни.

Сегодня обсуждается «новая нормальность», которая должна наступить после периода социального дистанцирования как переходного этапа. Но, в отличие от двух вышеописанных ситуаций, эта новая нормальность не будет ни результатом принудительного искусственного наблюдения, ни индивидуальным событием. В любом случае она примет форму новой коллективной среды. Я могу утверждать это, не имея ни малейшего понятия, на что будет похожа новая нормальность, но зная, что никогда социальная нормальность не возникает индивидуально. Измениться должно всё: правила, привычки, ценности, то, что приемлемо или неприемлемо в социальном общении. Как ни странно, хотя мы пока ещё не знаем, какой будет эта новая нормальность, мы не перестаём говорить о том, что наступят новые времена. Причина в том, что коллективное чувство организации нормальности зависит от её стабильности во времени, то есть от факторов, из-за которых мы перестаём её ощущать. А в условиях нынешней пандемии и её социологических последствий мы не перестали воспринимать нормальность нашей повседневной жизни. И в этом кроется то главное (возможно, единственное) преобразование, которое мы переживаем.

Рискну предложить три комментария по поводу того, что с нами происходит.

Во-первых, мы не знаем, что с нами происходит. Может показаться, что я неудачно шучу, делаю вид, что комментирую, а на самом деле ничего не говорю, однако если моё замечание верное, то это наихудшая ситуация. Мы находимся в знакомом нам месте, со знакомыми людьми или в одиночестве, и мы точно не знаем, что с нами происходит. Это результат потери ориентиров, ни больше ни меньше. Вообще говоря, в жизни довольно мало явлений, о которых мы можем рассказать другим людям с полной уверенностью в происходящем. Например, в последние месяцы многие из нас впервые в жизни стали тратить столько времени на то, чтобы рассказывать или слушать повседневные, ничем не примечательные истории. И словно этого оказалось недостаточно, мы покинули публичное пространство города, закрывшись на самоизоляцию, и от-

вернулись от пространства СМИ, потому что публичные комментарии экспертов (журналистов, политиков, учёных, общественных деятелей) перестали быть для нас более убедительными, чем слова наших близких и соседей.

Во-вторых, кажется совершенно очевидным, что наибольший вред был нанесён не вирусом как колонией микроорганизмов, атакующих наши тела, а возникшей угрозой, невидимой и вездесущей, которая массово изменила наши повседневные практики. Ущерб был нанесён на уровне коллективного и индивидуального человеческого разума. Главная сила человека как вида заключается в его способности к коллективной адаптации. То есть, если мы теряем способность к самоорганизации, мы оставляем незащищёнными наши фланги. Если бы мы попытались подумать о том, что угрожает человеку как виду вплоть до его исчезновения, то опасность следовало бы искать не в том, что может навредить нам физически, а в том, что мешает нашим социальным возможностям самоорганизации. Уничтожение нормальности — та самая точка на Ахиллесовой пяте.

В-третьих, завершая это размышление с перспективой надежды, вспомним известную мысль о том, что потеря смысла хуже смерти. Чтобы не воспринимать ситуацию как трагедию, оптимисты стремятся трактовать нынешний этап как переходный. Пока мы ещё не понимаем, каким станет наш образ жизни после этого кризиса, какую форму примет новая нормальность. Но неуклонная убеждённость в том, что «новая нормальность» всё-таки будет (вновь мы употребляем это парадоксальное выражение), — это само по себе большое достижение. Поскольку нам придётся черпать силы в новых привычках, сопротивление новым обстоятельствам, маскирующимся под старую привычную жизнь, станет только бесполезной тратой энергии, которую лучше было бы потратить на создание новых способов внутренней организации. Мы должны будем искать элементы новой нормальности в нашей собственной коллективной среде. Любая нормальность зарождается на основе предыдущей нормальности и определяет наше будущее: иногда как утопию, порой как эпопею и порой как политику. В любом случае, только коллективное сообщество сможет дать нам ощущение новой нормальности.

Франсиску СЕДДА

ИТАЛИЯ

Franciscu SEDDA

ITALY

*Доцент семиотики
Университета Кальяри, Сардиния*

ВИРУС, ГОСУДАРСТВА, КОЛЛЕКТИВЫ: СЕМИО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коронавирус ворвался в нашу жизнь как настоящий несчастный случай: не только потому, что его появление не было спланировано человеком, как утверждают сторонники конспиративных теорий, но и потому, что степень его воздействия неизвестна подавляющему большинству живущих на планете людей. Последней по времени подобной пандемией был испанский грипп 1918–1920 годов, и как явление он находится вне нашего личного понимания, исключая опыт некоторых долгожителей, таких как словенский писатель Борис Пахор: сейчас ему 107 лет, и он помнит, как в пятилетнем возрасте потерял свою сестру Мимику, ставшую жертвой испанки.

COVID-19 сразу же стал восприниматься как планетарный феномен, однако его развитие в определённых геополитических условиях нынешнего мира способствовало принятию ответных конкретных государственных мер. Координация и ведущая роль в научных вопросах, которую взяли на себя транснациональные структуры, такие как Всемирная организация здравоохранения, не принесли немедленного ответа на возникшую ситуацию, поскольку оказалось, что вирус имеет локальные различия. Кроме того, это подняло проблему функционирования и финансирования транснациональных институтов, таких как Европейский Союз, и подчеркнуло ценность международного сотрудничества, обозначив разницу между актами международной солидарности и более или менее явными формами проявления «мягкой силы».

С одной стороны, кризис поставил на первое место науку и медицинские исследования и выявил глобальный характер совместных ответных мер. С другой стороны, конкретные меры, принятые для противодействия угрозе COVID-19, сделали ощутимой разобщённость мира, его институциональные несоответствия, разницу в культурном отношении между обществом и правительствами в ситуации риска. Особенно потому, что речь шла о риске неожиданном, особенном, невидимом, вызванном вирусом, способным распространяться бессимптомно.

В этом смысле важен тот факт, что в течение короткого времени дискуссии о COVID-19 превратились в историко-антропологические реконструкции того, как конкретные регионы и культуры реагировали на пандемии в прошлом. Так у нас возникла идея сделать анализ семиотических размышлений по этой теме, взяв за основу модель смысловых режимов, разработанную французским семиотиком Эриком Ландовским в книге «Рискованные взаимодействия», а также посмотреть на работы других семиотиков в данном контексте. Мы используем схему анализа, основанную на противостоянии между взаимодействием *запрограммированным* и *случайным* и развивающуюся путём определения позиций *манипуляторного* (неслучайного) взаимодействия и путём незапрограммированного *приспособления*. Далее последует подробное разъяснение концепций и терминов, но уже сейчас отметим разницу с подходом Ландовского, которую можно трактовать и как дальнейшее развитие его модели. Его подход имплицитно основан на двучленном взаимодействии, мы же видим, что пандемическая ситуация задействует как минимум три составляющие.

По сути, вопрос не ограничивается взаимосвязью между последствиями вируса и реакцией государств: на первый план выходят те, кем управляют. Иначе говоря, вирус заставляет нас пересмотреть отношения между правительствами и управляемыми народами, то есть коллективные взаимоотношения в целом. Это прекрасно видно на примере разницы между запрограммированными и случайными мерами в ответ на появление вируса, с одной стороны, и по реакциям манипуляции и приспособления, с другой. Первые два элемента, хотя и противостоят друг другу, на данном этапе сбли-

жаются, стремясь к *объективации* управляемого населения. В ситуации вируса государство рассматривает народ как пассивный объект, как *население*, с которым нужно работать, как совокупность *индивидуумов и групп*, которым разрешается оставаться в состоянии относительной хрупкости и дезорганизации, вытекающей из сегодняшней неопределённости.

В случаях манипуляции и приспособления вирус является катализатором, выводящим на первый план две другие *субъективируемые* модуляции отношений между управляющими и управляемыми. В случае манипуляции — это превращение коллектива в *народ*, наделённый волей к мобилизации. В случае приспособления — это учреждение *гражданственности* с общим и личным чувством ответственности.

Нужно сделать некоторые уточнения. Во-первых, наша работа имеет экспериментальную, а не теоретическую цель. То есть мы стремимся использовать семиотический инструментарий «вживую», чтобы уловить неожиданные эффекты опыта, который сейчас проживаем. Это также означает появление теоретических и методологических сомнений и проблем, тогда как решения только намечаются в виде гипотез или планов для другого типа работ.

Во-вторых, при более точной визуализации, которую мы пока только пытаемся наметить, получится отследить динамическое и сложное измерение политического взаимодействия, о котором идёт речь. С этой точки зрения семиотическую схему следует трактовать как «поле», наполненное отношениями, напряжением и фигурами, внутри которого идут процессы позиционирования и движения.

Возвращаясь к общим теоретическим вопросам, нужно констатировать тот факт, что четыре семиотических режима — *неопределённости, приспособления, манипулирования и программирования* — с соответствующими вариантами реакции на риск (*отрицание, сосуществование, сдерживание, устранение*), с методами взаимодействия (*замешательство, расширение потенциала, мотивация, контроль*) и формирования коллективов (*индивидуальность, гражданство, народ, население*) — сейчас *фактически происходят параллельно на разных уровнях*. Мы видим, например, что каждый

конкретный выбор, сделанный институтами, вызывает сомнение или требует определённых уступок в ощущениях, привычках и основных правилах. Также очевидно, что одни и те же методы взаимодействия между вирусами, государствами и коллективами находятся в *процессуальном измерении* и, следовательно, могут всё время варьироваться в зависимости от ситуаций и обстоятельств.

Это видно, например, в постепенном или внезапном переходе между различными логиками (*от случайности к программированию, от манипулирования к приспособлению* и др.). Это становится ясным из коллективного ощущения того, что мы находимся в неопределённом процессе приспособления, причём приспособляются не только наши различные чувства, но и воля человека к воле нечеловеческой, представленной вирусом. Наконец, это понятно потому, что сама изменчивость выбора институциональных действий может спровоцировать общий эффект случайности, воспроизводящий логику несчастного случая, спровоцировавшего нынешнюю ситуацию.

Однако нам кажется очевидным, что есть некоторые *доминанты* или типы логики, которые многие государства склонны предлагать как некое пособие в ответ на вирус и для выстраивания отношений между управляющими и управляемыми. Эти логики — одновременно не что иное, как *языки*: путём формирования ответа на риск они выстраивают отношения управляющих с управляемыми, формируют коллективы. Также эти логики являются противоположностями, то есть крайними точками, на которые направлены наши действия, тенденции и трансформации.

Чтобы рассмотреть эти доминанты более подробно, нужно проанализировать немедленные реакции (или реакции в самые первые моменты кризиса), предпринятые государствами: то есть те, благодаря которым стали более очевидными методы борьбы с кризисной ситуацией. Речь идёт о методах одновременно культурных и политических, и потому мы говорим о *семио-политическом* ответе на кризис, спровоцированный коронавирусом.

(Оригинал статьи опубликован на итальянском языке в журнале *E/C* Итальянской семиотической ассоциации. Русский перевод выполнен на основе рабочей английской версии, предоставленной автором.)

Бьянка СУАРЕС ПУЭРТА
КОЛУМБИЯ

Bianca SUAREZ PUERTA
COLUMBIA

*Доктор семиотики,
эксперт в области инновационного культурного менеджмента,
Национальный университет Колумбии, Богота,
представитель Колумбии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Прошло уже много лет с тех пор, как мы с бабушкой по телефону обсуждали её восхитительные кулинарные рецепты. И вот сейчас я ей позвонила, потому что вспомнила, как давным-давно она рассказывала нам о своих путешествиях, когда в юности она жила в обществе коренных индейцев Кауки и была у них учителем. Она беспокоилась о том, чтобы её ученики лучше питались, а значит, лучше понимали её занятия. Порой им совсем нечего было есть, но на крайний случай оставались бананы — сорт, который мы в Колумбии называем «количеро». Если из них приготовить суп, даже ничего другого не добавляя, то он получится питательным и полезным для повышения защитных функций организма. Разговаривая с бабушкой, я отлично запомнила все тонкости рецепта: как чистить банан деревянной ложкой, как добавлять кориандр, — всё это напомнило мне, что в дни самоизоляции и опасного вируса такие продукты поддерживают нашу «бодрость духа».

Через несколько дней бабушка праздновала свой 93-й день рождения: более двадцати близких родственников собрались в этот день у экрана, чтобы поздравить её на расстоянии. Главным сюрпризом имениннице стало подготовленное заранее видео, где все мы играли на разных музыкальных инструментах и пели песни о взлётах и падениях, о тем моментах, которые заставляют по-особенному ценить жизнь. Позже бабушка попросила меня показать

видео ещё раз, чтобы лучше его запомнить. Накануне утром она думала, что день рождения будет грустным праздником, который она проведёт дома в одиночестве, но, пересмотрев видео со множеством ранее не замеченных деталей, она поняла: всё только начинается, жизнь впереди.

Для нас наступила эпоха, когда стало нормой жить среди видеозвонков, вебинаров, музыкальных концертов онлайн и доставки продуктов с ближайшего рынка с помощью WhatsApp. Самоизоляция приучила нас ежедневно всё больше подключаться к локальным сетям, проявлять больше внимания к тем, кто в нём нуждается, творчески использовать новые технологии, а ещё — стараться прожить это время молча и спокойно, по-новому быть наедине с собой.

В XX веке общая площадь тропических лесов, где обитает почти две трети живых организмов планеты, сократилась вдвое. Научные исследования показали, что популяция насекомых уменьшилась почти на четверть. В прошлом году совместно с учёными исследовательской сети «Proplayas» мы провели мониторинг мест в Колумбии, где ранее обитали морские львы, — оказалось, что там не осталось ни одного экземпляра этого животного. Рыбаки ловят сетями тысячи крохотных рыбок, слишком маленьких, чтобы быть способными к воспроизводству и даже чтобы попасть в качестве блюда на стол. В районе Гуахира ежемесячная статистика показывает, что женщинам и детям не хватает элементарной еды. Глубокий ущерб, нанесённый среде обитания, сильно повредил всей экосистеме в целом. И дело не только в количестве видов в экосистеме: речь идёт о том, почему мы не отказываемся от привычек, вредящих благополучию и жизни всех остальных.

Экосемиотика — это одно из направлений семиотики, которое пересекается с экологией, экологической антропологией и «зелёной» экономикой. В целом эта наука изучает функционирование знаков в культуре, во взаимосвязи с другими живыми существами, сообществами и ландшафтами. Живые существа придают значение окружающей среде, исходя из своих потребностей, а для человеческой культуры среда обретает смысл благодаря символизации животных, ландшафтов, социально-природных взаимодействий, и здесь важна степень её функциональности и использования. Концепции, или мо-

дели, основанные на используемых нами знаках, имеют целью проектирование или преобразование окружающего мира.

И вот каким образом действия человека через его культурные представления, такие как пляжный туризм, влияют на окружающую среду.

В рамках многоуровневого анализа окружающего мира давно стало ясно, что туристическая деятельность связана с экономической наукой и что работа туристической сферы ориентируется на маркетинговый вклад. Но в диахроническом аспекте туризм происходит от географии, он результат экспедиций путешественников, смыслом жизни которых было открытие и познание далёких земель. Свой вклад внесли также антропологи, документировавшие свои путешествия в форме дневников, наполненных философскими размышлениями и идеями на стыке многих академических дисциплин, таких как социология, геология, музыка, история и литература. Таким образом, туризм изменил свою суть.

Мои рекомендации направлены не на то, чтобы отказаться от туризма. Наоборот, я считаю, что вклад маркетинга в обеспечение экономической стабильности очень высок. Однако предложения на рынке массового туризма привели к ухудшению состояния окружающей среды. Массовые туристические проекты спровоцировали разлад между территорией и проживающим на ней местным населением, а в экосистеме появился дисбаланс.

В прошлом мы стремились продвигать модель развития сельских районов по образцу индустриальной модели, забывая о традиционных местных рамках и нашем мегаразнообразии, когда регионы вынуждены организовывать специальные мероприятия для привлечения продовольственного потенциала населения. На многих территориях, где процветает массовый туризм, жителям навязывают зарубежные единообразные модели, продукты питания импортируются, доступ на рынок местным традициям и продуктам перекрывается, возникает зависимость от внешнего рынка.

С позиций экосемиотики я хочу предложить открыто обсудить условия для возникновения местного, чистого, доброго и справедливого туризма, обращая особое внимание на вопрос защиты моря. Высокое качество гастрономического предложения должно соче-

таться с высококачественной культурной программой: питание для прибывающих туристов видится нам сбалансированным и чистым, при этом оно не наносит вред окружающей среде, животным и дикой природе. Предлагаемые новые способы производства предполагают устойчивое управление нашими экосистемами, включая местные сельские сообщества рядом с туристическими маршрутами. Речь идёт об учёте в системах планирования на всех этапах: от начала производства до утилизации отходов. Изучать поведение семян, наблюдать за местными видами, оценивать качество воды, анализировать коммерциализацию разнообразных туристических предложений, направленных на благо потребителя, — таков путь к высококачественному туризму через семиотические трансформации.

Мне кажется, что сегодняшнее время ограничений даёт возможность переосмыслить предлагаемую модель и не упустить те аспекты, о которых мы не думали некоторое время назад. При переосмыслении туризма важно в первую очередь думать о благополучии всех, и в особенности местных сообществ, которым туристические мероприятия должны принести выгоду и обеспечить социальную и культурную устойчивость. Точно так же я предлагаю по-новому обучать и самих туристов, ориентировать их на высокие ценности. Их опыт и удовлетворение будут заключаться в том, что они совершат путешествие в неизведанное, заранее зная, что предложение будет разнообразным и благоприятным для устойчивого развития локальных территорий. То есть в первую очередь выиграют местные жители, а не туристы. Одним словом, пришло время остановиться, задуматься, выключить телевизор, подключиться к местным ресурсам и начать всё заново.

Рахилия ГЕЙБУЛЛАЕВА

АЗЕРБАЙДЖАН

Rahilya GEYBULLAYEVA

AZERBAIJAN

*Доктор филологических наук,
профессор Славянского университета Баку,
представитель Азербайджана в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

МОЯ ПЯТИМЕСЯЧНАЯ ОДИССЕЯ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: КАК ПРИНЯТЬ СРОЧНОЕ РЕШЕНИЕ?

В 2020 году я была в Гарвардском университете в статусе приглашённого профессора, и мой пандемический дневник неожиданно начался в марте, когда в обычной ежедневной рассылке, адресованной всем студентам и сотрудникам (постоянным и приглашённым), я получила информацию о том, что все общежития должны быть освобождены в течение недели, то есть до 15 марта. До этого в США люди как бы жили обычной жизнью, а новый коронавирус как будто обитал за пределами страны, никак её не касаясь. В отличие от Испании и Италии, Гарвард, как и другие местные вузы, работал в обычном режиме, никто не обязывал носить маски, даже в клиниках: ни врачей, ни пациентов. Только везде, и даже в лифте, был антисептик для рук.

Фактически у меня не было времени обдумать вопрос о том, покинуть ли страну или переждать на месте неожиданную и грозную ситуацию с неизвестным врагом в виде нового вируса, захватившего Китай, Южную Корею и часть Европы. Но на выходные обычно спокойный Гарвард Ярд с общежитиями и библиотеками, который волнуется только во время студенческих забастовок (например, в декабре 2019 года), наполнился растерянной, прощающей друг с другом молодёжью с коробками в руках: все готовились к вынужденному отъезду. Да и в моём доме практически не осталось обитателей.

Окончательное решение о возвращении на родину в Азербайджан принимаю, ещё не успев осознать неожиданную и непредсказуемую ситуацию, когда через пару дней, 13 марта, Трамп объявляет о закрытии границ, оставив только сообщение с Великобританией. Успеваю на рейс в Лондон 15 марта вечером. Полностью пустой аэропорт снимает напряжение, которое возникло как снежный ком, вместе с мартовским электронным письмом. Прямого рейса из Бостона в Баку нет, так что мой билет транзитный, через Лондон. Пока там спокойно, и даже решили не вводить локдаун. Собираюсь побыть в этом оазисе покоя неделю.

Коронавирус и мифы

Так началась моя одиссея, как и у многих других моих коллег, оказавшихся в той же ситуации вынужденного отъезда из Америки. Случилось, что неделя стала месяцем, а месяц сменился другим, и мне пришлось примерить на себя роль Одиссея и других литературных персонажей, например Бейрека (это один из героев огузского эпоса «Китаби деде Коркуд», возвращающийся из плена), которые долго не могут вернуться домой из-за разнообразных приключений. Так мы стали придумывать с маленькими внуками сказку о коронавирусе, который не кто иной, как новый Кощей, который держит в плену людей и не отпускает их домой. Когда люди победят его, он отправится в свою сказку в виде очередного чудовища. Как победить нового Кощея — дети предлагали свои версии.

Тем временем поиском версий и путей, как победить коварного неожиданного врага, поставившего на колени полмира, занялся весь мир: врачи, пытающиеся спасти больных и найти вакцину, чиновники образовательных учреждений, принимающие решение об онлайн или комбинированном обучении, бдительные представители власти, решающие закрыть границы своей страны от реальных и предполагаемых носителей этого пока непокорного вируса.

Позднее стал обсуждаться вопрос о том, выдавать ли визы студентам-иностранцам, принятым в американский вуз (университеты начали оспаривать решение государственных органов в этой области), а также принимать ли обратно в страну приглашённых ис-

следователей, у которых имелась рабочая американская виза. Был предпринят ряд шагов, чтобы вернуть университетскую жизнь в прежнее русло безопасным способом (*Steps for students returning to campus*. The Harvard Gazette, 20.08.2020).

Быт в период вынужденной Одиссеи

Так уж получилось, что в течение более пяти месяцев вынужденных странствований (с марта по август) волею судьбы я побывала в четырёх странах, прошла разные жизненные испытания, так и не сумев попасть на родину из-за отсутствия рейсов и закрытия границ. Этот опыт стал хорошим поводом для сравнения некоторых аспектов жизни, с которыми пришлось столкнуться. Ношение масок в магазинах, аптеках или во время перелётов; получение разрешения на прогулку (необязательное в Великобритании, но нужное в других странах); неизбежные штрафы при вынужденном (из-за решения государства!) отказе от аренды жилья; обязательный тест при въезде в страну и материальная сторона вопроса повторной сдачи теста; разница систем медицинского обслуживания в США и Великобритании, особенно в вопросе бесплатной медицины — все эти приключения вылились в неожиданные размышления по поводу того, «в какой стране жить хорошо» (перефразируя известное некрасовское выражение).

Именно этот опыт в экстремальной ситуации — пандемии и вынужденного локдауна — с различными правилами в разных странах помог мне выявить разницу этических и финансовых аспектов одних и тех же проблем, обсуждение и оценка которых могли бы способствовать совершенствованию общих правил.

Фредерик ЛОГРАН

БЕЛЬГИЯ

Frédéric LAUGRAND

BELGIUM

Антрополог,

профессор Католического университета Лёвена

РИТУАЛЫ ЗАЩИТЫ ОТ КОВИДА

Один из величайших бельгийских антропологов XX века африканист Люк де Хеуш понимал обряды, или ритуалы, как «проект, направленный на защиту или восстановление деградировавшего существа, на повышение его жизненного потенциала или, напротив, на уничтожение субстанции других существ».

Он предложил различать три типа ритуалов: циклические структурные обряды (например, рождественские праздники); переходные обряды, связанные с необратимым временем (например, обряд инициации молодых людей или дни рождения); обряды эпизодические, которые отмечают исторические нарушения коллективного и циклического порядка.

В связи с кризисом COVID-19 число этих последних обрядов значительно выросло, и их можно встретить в самых разных регионах нашей планеты.

Просить защиты у духов

Некоторые коренные народности на Филиппинах отреагировали на санитарный кризис, применив именно этот тип ритуалов. На Минданао жители общин призывали духов и просили их о защите от эпидемии. По мнению многих племён, таких как букинон, «бедствия происходят из-за того, что люди нарушают законы природы». Другие жители заявили о необходимости восстановить гармоничные отношения с духами Земли и всем живым миром.

По сообщением «Mindanao Daily», было организовано несколько ритуалов: Панагпенг — просьба о защите от болезней и бедствий, с жертвоприношением курицы; Паналавахиг — непосредственное

обращение к духу Булалакаву, хранителю воды, который может её очистить, если люди её загрязнили; и Памутса — практика предотвращения стихийных бедствий в горах, лесах или деревнях.

На острове Лусон народности Центральной Кордильеры в провинциях Калинга, Ифугао и Иснег отреагировали аналогичным образом: они закрыли посторонним доступ в свои деревни и занялись коллективными обрядами под руководством старейшин. В этом регионе более пятнадцати языковых групп, и на каждом наречии данные ритуалы назывались по-своему: *тенгау* или *тенгао* в провинции Калинга, *те-ер*, *то-ор*, *убайя* или *тунгро* в других местах.

Местная пресса писала, что связанные узлом пучки травы были разложены на дорогах, чтобы помешать людям их переходить. В регионе Бонток жители просили о помощи и защите Высшее Существо Лумавив. Найденные части жертвенных животных (цыплят и свиней) указывают на то, что их просьбы были услышаны.

Закрывать двери

В Индонезии некоторые коренные народности придерживались аналогичного поведения. В Нуса-Тенгарре (Малые Зондские острова) вожди народностей кенгге, сесо и ронгга собрались на пляже Мболата, к востоку от Мангараи, чтобы практиковать ритуалы «подо» с целью изгнания болезней. В жертву были принесены чёрный петух и яйцо, и был проведён ритуал «Pele Le Tadu Lau», или «Lalu», что буквально означает «закрывать вход».

Местный журналист цитирует слова одного из вождей: «Мы просим наших предков закрыть двери, чтобы предотвратить распространение вируса среди нас».

В провинции Национального парка Букит Дуабелас в некоторых этнических группах появилась система под названием «бесасадингтон», напоминающая социальное дистанцирование. Речь шла об изоляции больных и дополнительной помощи им со стороны наиболее смелых членов сообщества. Другие эпизодические обряды были отмечены в Таиланде у каренов, а также в Малайзии в племени оранг-асли, которые решили самоизолироваться в лесу.

Логика эпизодических обрядов хорошо известна в антропологии. Люк де Хеуш и Виктор Тернер, изучавшие некоторые из них среди

племен тетела провинции Касаи и ндембу в Южной Африке, пишут, что назначение этих практик — предотвратить непредвиденное, противостоять беспрецедентной угрозе: вспышке болезни или войне.

А что в Европе?

Некоторые считают происходящее на местах неэффективными или, по меньшей мере, необычными мерами для борьбы с бедствием. Но при этом забывают о том, что в Европе решение проблемы санитарного кризиса, вызванного коронавирусом COVID-19, также можно понимать как большой эпизодический обряд с похожей традиционной последовательностью действий.

По общему мнению, кризис вынудил людей изобретать новые ритуалы, например, в области похоронных практик, однако общая архитектура обряда является частью троичной структуры, когда-то подробно описанной Ван Геннепом и Тернером. Во-первых, это фаза *разделения* ввиду установленных многими государствами ограничений, которые привели к закрытию границ и изоляции от внешнего мира. Время деконфайнмента, выхода из самоизоляции, — это *переходный* период, так называемая вводная промежуточная фаза, сопровождающаяся дискомфортом и опасностями. Данный период предшествует этапу *агрегирования*, который начнётся с открытием кафе, ресторанов и гостиниц.

Чтобы понять, как именно проходят эпизодические обряды в Европе, мы должны вернуться к началу кризиса, когда нам объявили о полном карантине. Решение отдать предпочтение не экономике, а «жизни», остановить привычный ритм с целью спасения людей, в особенности наиболее уязвимых и пожилых, и есть начало ритуала.

Эпидемиолог в роли церемониймейстера

Европейские государства и правительства взяли на себя обязательство справиться с возникшей катастрофой, даже если это означало «объявить войну вирусу», как было анонсировано во Франции. Иначе говоря, признать, что вирус способен действовать, то есть наделён волей. Далее классические составляющие многих обрядов становятся совершенно очевидными: это прежде всего маски и специальная одежда, защищающая от патогенов.

Ритуал также вывел на сцену более или менее заметных «прорицателей» — членов «научных советов» и эпидемиологов, которых рекламировали всевозможные СМИ. И хотя их расчёты и прогнозы часто основывались на неполных или даже ошибочных статистических данных, они легли в основу многих принятых политических решений.

Сама же беда оставалась невидимой и неизученной. И даже самые непримиримые скептики, не зная, как поступить, подчинились общим правилам игры. Именно эпидемиологи превратились в дирижёров большого человеческого оркестра, в «шаманов» и церемониймейстеров, отвечающих за проведение мероприятий. В этой ситуации больше всего бросается в глаза контраст между их точными графиками и строгими моделями, их верой в собственные прогнозы, побуждающей диктовать нам здесь и там различные предписания, с одной стороны, и неопределённой, неуловимой болезнью, новые характеристики которой мы ежедневно обнаруживаем, с другой.

В торжественном призыве к обрядам не были забыты и те, кого стали приносить в жертву. Это люди так называемых профессий повышенного риска и социально неблагополучных профессий, мобилизованные на работу в эпицентре кризиса (с мерами защиты или без них).

Это пожилые люди, которые оказались брошены на произвол судьбы в домах престарелых. Это также пострадавшие целые отрасли экономики и инвестиций, колоссальные финансовые потери, долгие годы долгов для будущих поколений и т.д.

Сирены и музыкальный шум в 8 вечера

Обряды связаны с мировым порядком. Точно так же меры по лечению COVID-19 были индивидуально и коллективно навязаны нам в виде строгих правил, во многих отношениях напоминающих табу: социальное дистанцирование, ограничение поездок не более 100 км и т.д.

Горе тем, кто хотел бы уклониться от этих правил! Они идут на личный риск и ставят под угрозу всю группу, а также процесс всей «медико-религиозной» операции, по выражению де Хеуша.

Что касается представителей религиозного сообщества, то, за исключением нескольких фундаменталистов, они хранят молчание и тоже подчиняются решению так называемых прорицателей. А в звуковом плане мы слушали бесконечный оркестр, состоящий из сигналов сирен и музыкального пения в 8 вечера, вплоть до выхода из самоизоляции.

Решение о том, в какой момент начнётся деконфайнмент, приняли государства. При этом они без колебаний отрицали, что вирус эволюционирует в форме колоколообразной кривой, этой часто встречающейся и одновременно загадочной форме, по мнению инфекционистов. Правительства и их церемониймейстеры предпочитали видеть в этом феномене очевидные последствия принятых несколькими неделями ранее ограничительных мер и социального дистанцирования. Тем самым они приписывали себе этот «успех» и подчёркивали эффективность принятых действий. Неважно, хватало ли масок и тестов, неважно, что механизмы коллективного иммунитета оставались неизвестными. Нам говорят, что кривая распространения вируса пошла вниз благодаря профилактическим мерам. Также нас предупреждают, что если появятся тревожные признаки возобновления эпидемии, то ограничительные меры вернуться.

Неспособность к предвидению

Люк де Хеуш пишет по поводу племени лунда, что болезнь — это одновременно знак и прозрение, обещание лучшей жизни. Как похоже это на те речи, которые мы сегодня слышим отовсюду, с надеждой на лучший мир, с призывами к лучшей жизни, более гармоничной и более уважительной к природе!

Эпизодические обряды показывают, что народы Юго-Восточной Азии и люди Запада приходят к довольно близким выводам, несмотря на разницу выбираемых путей. Все трактуют катастрофу COVID-19 как видимый знак того, что отношения между людьми и окружающей средой были нарушены.

Однако в данном случае спасение больше не зависит от божества или главных духов. Наше спасение было доверено экспертам и технике. В то же время этот вирус напоминает нам о месте, которое

люди занимают среди других живых существ, а не над ними. Другими словами, мы должны помнить о нашей глубокой уязвимости и неспособности к предвидению.

(Оригинал статьи опубликован на портале <https://theconversation.com/tintamarre-et-bulalakaw-parer-au-covid-par-le-rituel-140298>, а также в серии «Вирус исследований» издательства Гренобльского университета. Перевод на русский с разрешения автора.)

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА

РОССИЯ

Natalya EMELYANOVA

RUSSIA

*Кандидат политических наук,
доцент философского факультета ГАУГН*

ТРИУМФ ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

2020 год, без преувеличения, стал годом триумфа Интернета. В определённый момент не просто значимая часть жизни, а практически вся жизнь многих людей на Земле соотносилась с Интернетом: с его наличием или отсутствием было связано общение с коллегами, друзьями и родственниками и даже больше — общение со всем внешним миром... Все мы не по своей воле смешали частное и публично-медийное, стали интернет-зависимыми. Впервые человечество оказалось вовлечено в беспрецедентный глобальный «социальный эксперимент», результаты которого, думаю, можно будет полностью оценить гораздо позже. Пока мы лишь пытаемся собрать как можно больше смысловых пазлов о том, что происходит с личностью и обществом в реальной ситуации кардинального изменения состояния и даже свойств социальных связей.

Итак, пожалуй, никогда ещё мы не были так близки к информационному обществу, как в 2020 году. Пандемия предоставила массу возможностей для человека информационного и человека цифрового. Кто-то, наконец, несмотря на весь скепсис, приобщился к цифровым технологиям и понял, насколько они бывают удобны. Кто-то усовершенствовал свои навыки. Кто-то с радостью воспринял возможность больше времени проводить в цифровом мире, поскольку давно был уверен, что активность просто переносится в новый формат, который значительно её упрощает и даже обогащает. Однако последнее утверждение мне кажется наиболее дискуссионным. Можем ли мы всю социальную активность дублировать в онлайн или в виртуальное пространство возможно переносить лишь качественные имитации этой активности?

Возьмём, к примеру, мотивационные свойства личности. Мотивация как проявление личности не всегда устойчива, она подвержена влиянию массы факторов. Одним из наиболее значимых факторов выступает установление и развитие межличностных связей, которые формируют особый микроклимат в социальной группе, значимость Я в этой группе. Но возможно ли почувствовать значимость своего Я, а далее и значимость другого, смотря на экран смартфона или сидя у экрана монитора, глядя в глаза другого через экран, порой даже не видя его за аватаркой? Онлайн позволяет за секунды преодолевать географические расстояния, мгновенно соединять людей из разных точек мира, но он не способен гарантировать того, что они смогут понять и быть понятыми (естественно, я совершенно не имею в виду здесь лингвистические сложности перевода).

Похоже, что удалённо, благодаря интернет-технологиям, можно устанавливать первичные социальные контакты или поддерживать имеющиеся социальные связи, но углубление и качественное расширение социальных связей, установление подлинно доверительного общения, в котором сочетаются вербальная и невербальная составляющие, невозможно без продолжительного контакта офлайн. Поверхностные социальные контакты, частота которых существенно возрастает благодаря онлайн, способны обострять риск утраты тесной социальной координации. А без тесной социальной координации

ции, к слову, сложно представить себе рождение новаторских замыслов, в число которых когда-то входил и сам Интернет...

Пожалуй, утратой оказавшегося вдруг весьма значимым социально-психологического климата, а не только нормативными ограничениями, нужными для предотвращения распространения COVID-19, можно объяснить усталость от пандемии, которая радикализировалась в такой феномен, как COVID-диссидентство.

Но хочется верить, что новая нормальность и триумф Интернета 2020 года одновременно проложили дорогу к пропорциональному сочетанию человека информационного с человеком обычным, который не боится простых человеческих радостей, невозможных без реального общения друг с другом. Во всяком случае, я верю, что постковидный мир — это мир гармоничного человека фиджитал, не теряющего связь с социальной реальностью.

Инна МЕРКУЛОВА
РОССИЯ

Inna MERKOULOVA
RUSSIA

*Кандидат филологических наук, доктор лингвистики,
доцент ГАУГН,
представитель России в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

Марина МЕРКУЛОВА
РОССИЯ

Marina MERKOULOVA
RUSSIA

*Кандидат филологических наук,
доцент РГГУ и МГПУ,
главный редактор Московского образовательного телеканала,
член Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ВЕСЬ МИР — ТЕАТР: СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ САНИТАРНОГО КРИЗИСА

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А.С. Пушкин

В эпоху наиболее трудных испытаний люди обычно обращаются к главному, к истокам, будь то простые традиции или слова национального поэта. «Весёлое имя: Пушкин», согласно блоковскому выражению, несёт нам утешение своей лёгкостью, обаянием гения и примером достойно прожитой жизни, когда главное — не то, как говорит или планирует человек, а то, как он поступает: когда честь и её защита и есть основной стержень поэзии и судьбы.

В 1834 году, когда были написаны эти строки, Александр Сергеевич в полном расцвете творчества, женат на красавице Наталье

Николаевне, и все испытания и трагическая дуэль 1837-го пока впереди. Но уже прожита Болдинская осень 1830-го, та самая, когда эпидемия холеры удерживала поэта на расстоянии от Москвы и от невесты, та самая, когда на карантине им были написаны последние главы великого «Евгения Онегина» и цикл «Маленьких трагедий», включающий «Пир во время чумы».

Возможно, квинтэссенция пережитого карантинного опыта наиболее ярко выражена Пушкиным в этом стихотворении, когда он пишет о главных ценностях: покой, воля, обитель «дальная» трудов и чистых нег.

Это как раз то, чего мы оказались лишены в 2020 году: душевного покоя, из-за неизвестных сроков окончания пандемии и неуверенности в завтрашнем дне; воли, из-за введения режима самоизоляции и различных ограничений; наконец, перспектив обители «дальной» как возможности творчества и отдыха или того и другого.

Впрочем, на этом последнем пункте стоит остановиться подробнее. Потому что здесь возник парадокс: традиционные формы культурного досуга — театр, кино, музей, концертный зал — оказались недоступными или малодоступными (с 50%- или 25%-й наполняемостью залов и ограничениями для зрителей старшего поколения), но именно этот вакуум стал катализатором множества оригинальных и новаторских онлайн-проектов. Кто мог ещё год назад представить себе, что новой культурной нормой станут виртуальные ежевечерние чтения стихов известными артистами и литераторами или их диалоги между собой в социальных сетях? Что российские и зарубежные театры будут проводить «встречи и разговоры по телефону» со зрителями и премьеры в прямом эфире? Что видео солистов балета Михайловского театра в Санкт-Петербурге с репетициями у себя дома соберёт миллионы просмотров и восторженных реакций во всём мире? Что многие из нас будут так скучать по любимым музеям, что сами эти музеи «пойдут навстречу» зрителям, и не только с виртуальными экскурсиями, но с лингвистическими проектами типа «Никто не» («Скучающий флешмоб»): «никто не смотрит на картину», «никто не забывает зонтик у входа», «никто не задаёт вопрос зрителю» — возвращайтесь скорее, нам вас не хватает! Что возникнет формат онлайн-фестиваля одной пьесы,

когда творчество выдающегося драматурга Александра Вампилова, этого «Чехова XX века», по-новому откроют для себя взрослые, студенты и школьники? И что сами мы превратимся в артистов, художников, музыкантов, придумывая онлайн-перформансы и имитируя «культпоход в театр» (да-да, надеть красивое платье, позвонить друзьям и вместе, каждый у себя дома, посмотреть интересный спектакль или концерт, а потом обсудить впечатления с помощью интернет-связи...).

Когда сегодня едешь в московском метро, то внимание привлекает афиша с двумя масками: слева маска карнавальная, закрывающая верхнюю часть лица, и надпись «неправильно»; справа маска медицинская, закрывающая рот и нос, с надписью «правильно». Новые нормы поведения, рекомендуемые повсеместно носить медицинские маски, буквально превращают весь мир в театр, по известной шекспировской формуле. И мы оказываемся в пространстве уже другой пьесы, «Маскарада» Лермонтова: мира странного и непредсказуемого, где маска скрывает эмоции, где трудно донести до собеседника главную мысль и ещё труднее угадать его реакцию.

Если проанализировать новые культурные формы в эпоху санитарного кризиса, то оказывается, что их возникновение и развитие происходит по законам семиосферы, сформулированным Юрием Лотманом: элементы, находившиеся на периферии, перемещаются в центр; поначалу они воспринимаются как «взрывные» и неожиданные, но постепенно сами становятся новой нормой и точкой отсчёта. Формы «цифрового досуга» и онлайн-обучения уверенно заняли место рядом с традиционными способами организации жизни и принесли с собой новые возможности. Стало ясно, что в посткризисный период они не исчезнут, что впереди — новая «смешанная» реальность, к которой мы будем привыкать.

Несколько лет назад, будучи переводчиком первой женщины-космонавта Валентины Терешковой во время её визита в Париж, я спросила о том, что её больше всего поразило, когда она была в космосе. Она ответила: «Когда я смотрела на Землю оттуда, из окна космического корабля, она показалась мне такой красивой и такой маленькой, хрупкой. И все наши конфликты, неурядицы,

проблемы — столь незначительными, ведь всё это вместе взятое может исчезнуть в один момент. Это понимаешь, будучи там».

Нынешний санитарный кризис, несомненно, оставит нам много уроков во многих областях. Но, как кажется, в сфере культуры самый главный урок в том, что она — мощный антидот в ответ на испытания, войны и эпидемии на нашей хрупкой планете. Механизмы культуры способны видоизменяться и адаптироваться к ситуации, стремясь к главному — поддержать наш дух и моральный настрой. Потому что, как писал Пушкин (с него мы начали, к нему и вернёмся) Плетнёву в 1831-м, «Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. [...] Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдёт, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы».

ПРИЛОЖЕНИЕ (ANNEX)¹

Dominique RAYNAUD

CNRS, Grenoble University, FRANCE

UNE POSSIBILITÉ DE « MIEUX VIVRE »

Je n'ai pas de point de vue tranché, ni sur le confinement, ni sur le virus, ni sur la recherche de médicaments ou encore celle de vaccin, car je ne suis pas expert dans ces domaines. Je fais confiance aux chercheurs travaillant dans ces domaines et aux médecins. Eux-mêmes en général reconnaissent qu'ils ont encore beaucoup à apprendre de cette situation qu'en général ils n'attendaient pas. Alors laissons un peu de temps au temps. Par contre je me sens plus compétent de parler de la leçon pour le futur. Nous avons devant nous comme un « cas d'école » qui nous enseigne que l'humanité est capable d'obtenir efficacement et rapidement un monde avec une pollution en pleine décroissance, une vision raisonnée de limiter à 2 °C le réchauffement de la planète pour la fin du siècle, de comprendre que l'on peut vivre sans voiture polluante, de stopper la perte de biodiversité... et en un mot une possibilité de « mieux vivre ». Cependant on ne peut écarter le risque que le monde d'après ressemble à celui d'avant mais en pire, comme le titre *Le Monde* d'aujourd'hui.

Sur le fond, concernant le futur j'ai toujours le sentiment que cette pandémie est un épisode passager et mineur en comparaison des changements environnementaux qui ont pris place à l'échelle d'une ou deux générations, au moins durant le XXIème siècle. Il est sans doute encore

¹ We publish the original texts of the articles in the Annex with the permission of the authors. Some changes have been made by the authors after the publication of the translation in Russian. So the texts may slightly differ.

temps de limiter ces changements à un niveau acceptable pour la fin du siècle à condition d'agir désormais très vite (dès maintenant). Les confinements vécus pour lutter contre la pandémie devraient nous aider à en adopter les cotés positifs (diminution des émissions carbonées par exemple). Mais il faut rester conscient que cela ne sera possible qu'en respectant une justice sociale et une solidarité indispensable entre les différentes catégories sociales et aussi bien sûr entre les états souverains.

Ne nous faisons pas trop d'illusions et agissons!

Jacques FONTANILLE

Limoges University, FRANCE

CONFINEMENT ET PANDÉMIE. NOTES SÉMIOTIQUES

Le confinement est une expérience étrange, quand on le vit dans un lieu accueillant et spacieux, comme c'est le cas pour moi, à la campagne, et dans une région faiblement touchée par l'épidémie: une zone d'accalmie, au centre de la tourmente. Un havre de paix, de sérénité, au milieu d'une énorme menace. A la place d'un monde tissé de réseaux de déplacements et de multiples lieux d'activités (un monde déterritorialisé et décentré), nous sommes maintenant dans un monde composé de cercles concentriques et fortement territorialisé: au centre, le lieu de confinement; autour et à proximité, le cercle des déplacements possibles, mais rares; autour, un deuxième cercle où l'épidémie se répand lentement, celui d'une menace en sourdine et tolérable, et enfin, le dernier cercle, celui de l'énorme menace pandémique, où s'accumulent les victimes, en périphérie, voire dans le hors champ d'un pur décompte arithmétique.

Ce monde egocentré est une régression culturelle et anthropologique, qui nous renvoie à notre animalité, car c'est ainsi que le monde des animaux est construit: la demeure, les alentours protégés, le territoire, et tout autour, le reste du monde, entièrement hostile... Mais plus près

de nous, c'était aussi le monde de nos grands-parents paysans, avant le développement des mobilités contemporaines.

La pandémie, de son côté, sollicite des représentations multiples: la *communication*, la *transmission*, la *circulation*. Les descriptions de la pandémie expliquent que, d'abord, le virus est *communiqué* d'un point à un autre, d'un groupe à un autre, à cause des déplacements; ensuite, en chaque lieu, la *transmission* élargit la zone infectée, et enfin, quand on ne sait plus localiser le foyer d'infection, on dit: le virus *circule*. Dans ce parcours, le virus change de rôle: dans la phase de *communication*, des êtres vivants, humains et animaux, sont les responsables de la communication du virus; *ils* communiquent le virus comme *ils* communiquent des messages ou des objets. Dans la phase de *transmission*, on ne sait plus qui est responsable: une sorte d'instance immanente, non identifiable (*ça se transmet*), transporte le virus d'un être à un autre. Et enfin, dans la phase de *circulation*, c'est le virus, ennemi invisible et insaisissable mais personnifié, qui circule partout (*il circule*), qui est responsable de sa propre circulation: c'est la phase pandémique, contre laquelle on ne sait que « fermer », fermer les frontières, fermer les villes, fermer les habitations, fermer les institutions, etc.

Une autre présentation imaginaire mérite examen: l'épidémie comme « incendie » ou comme « inondation ». Que ce soit l'eau ou le feu, on imagine une localisation originelle, où le feu est un foyer naissant, où l'eau est une source. Puis, à partir de cette localisation, l'énergie du feu ou de l'eau s'étend, et forme une première masse menaçante mais encore contenue (les fameux « clusters »), et enfin l'énergie fait alors déborder le feu ou l'eau: on a perdu le contrôle, *ça déborde* de partout. L'imaginaire de l'incendie et de l'inondation implique donc à la fois un lieu-source, une énergie qui échappe au contrôle, et une invasion irrésistible. C'est cet imaginaire qui nourrit des récits complotistes: si le flux viral s'est échappé de son lieu d'origine, est-ce en raison du hasard, d'une erreur, ou d'une intention cachée? Il suscite aussi les « barrières »: endiguer le flux, protéger l'habitation au centre, tenir à distance le flux insidieux.

Beaucoup de commentaires impliquent l'équivalent d'un destinataire (ou plutôt d'un anti-destinataire): Dieu, un ennemi de l'homme, ou une nature qui punit. Certains disent autre chose, et sont inspirés par les deux grandes peurs de notre époque: (1) *la grande peur écologique*: le ré-

cit de la pandémie rend alors les activités productives humaines responsables de la pandémie (extension des zones de culture, d'élevage et d'habitation, déforestation, rapprochement des lieux de vie humains de zones infectées, jadis très éloignées et inaccessibles); (2) *la grande peur géopolitique*: le monde n'est plus bipolaire (Est/Ouest), il est multipolaire et chaotique, mais on soupçonne des forces profondes susceptibles de reconstituer un monde bipolaire: le virus et l'épidémie sont alors l'instrument de ces forces, le soldat d'avant-garde de la Chine, des USA, des « blancs », des « X », etc.

Pour la première peur, l'anti-destinateur est le Marché et le libéralisme économique, qui pousse à produire toujours plus, à traiter la nature comme une simple ressource au profit de la production, de la spéculation et des monopoles internationaux (la nature se venge). Pour la seconde peur, l'anti-destinateur est une puissance qui serait dictatoriale, autoritaire et/ou hégémonique, qui manoeuvrerait pour que les autres types de régimes politiques et sociaux s'effondrent. Dans les deux cas, l'anti-destinateur suscite et excite une guerre mondiale de l'humanité contre l'humanité.

Il faut enfin observer que le débat intellectuel se focalise actuellement sur la hiérarchie entre les valeurs: la santé VS l'économie (VS la production et le travail, VS la consommation et les loisirs, etc.). Mais des voix s'élèvent pour refuser ces oppositions simplistes, et pour affirmer que la santé ne peut pas devenir une valeur suprême, que ce serait une inversion de tous les systèmes axiologiques de nos civilisations, où la santé est seulement une des conditions de base, et pas LA valeur suprême. En complément, partout dans le monde, on s'efforce de pratiquer des valeurs alternatives, pour que la santé ne devienne pas le but ultime de la civilisation et des sociétés: la solidarité, l'entre-aide, le dévouement, le sacrifice, mais aussi la digitalisation des relations et toutes les inventions de nouvelles formes de l'« être ensemble ». Quand on débat sur la hiérarchie des valeurs, on prend conscience de la remise en cause ou de l'effondrement d'un système axiologique, et de l'urgence d'en reconstruire un autre. Entre les deux, l'ancien et le nouveau, la santé devient très provisoirement la valeur suprême, mais on sait que cela ne peut pas durer, car ce serait accepter la fin des civilisations humaines, qui ne sauraient plus que « se protéger », et rien d'autre...

Juan ALONSO ALDAMA
Paris Descartes University, FRANCE

« LE SENS DE L'AVENIR »

Voilà la question qui semble faire l'unanimité planétaire: « et après »? Même si, depuis des années, la crise climatique a fait de « l'interprétation des signes du futur » une question constante dans les médias et dans les discours politiques et citoyens, avec le COVID-19 une nouvelle interrogation sur l'avenir et sur le temps en général est venue occuper les esprits. Car si l'horizon de la crise écologique se déployait devant nous comme un futur menaçant, il le faisait dans la continuité et, malgré les dates butoir présentées par les climatologues comme limite du point de non-retour, menace diffuse, et donc comme un lendemain dont les frontières s'étendraient de façon indéfinie.

Or, la particularité sémantique et sémiotique de la temporalité inscrite dans « l'après » qui nous presse aujourd'hui est son caractère ponctuel, circonscrit, et dont les frontières, en tout cas pour ce qui concerne son début, sont parfaitement définies: c'est juste là, le lendemain du déconfinement. Il est défini, dirait la sémiotique, par « l'inchoativité », un temps qui débute, et, comme tout commencement, il est rempli d'espoirs et d'inquiétudes.

A quoi tient la particularité sémantique de cet avenir? Pourquoi le temps est-il à ce point devenu le centre de nos discours?

Tout grand événement, et il n'y a aucun doute sur le caractère exceptionnel de celui que nous vivons, redistribue les cartes et re-sémantise les catégories de la temporalité. Comme l'a montré le sémiologue russe Youri Lotman, l'irruption d'un événement dans le devenir continu des processus historiques, modifie la vision du futur. Mais, désormais, le passé aussi sera vu et interprété à la lumière de ce qui nous arrive. Il est revisité et se trouve chargé d'un nouveau sens: on cherche à y déceler les signes précurseurs qui expliqueraient l'événement advenu, dans une sorte d'examen de conscience social et politique: « quel parcours nous a amené ici ».

Si l'événement COVID-19 chamboule le devenir plus ou moins prévisible de notre histoire, il ouvre tous les futurs possibles et une pléthore

d'articles et scénarios vient remplir ce nouvel espace de la temporalité qui semblait auparavant écrit à l'avance. Ainsi on imagine des commencements pour de nouveaux futurs politiques, sociaux et écologiques.

Mais la réorganisation du temps, avec un nouveau passé et un nouveau futur, ouvre aussi vers une nouvelle forme de la temporalité, qu'on pourrait appeler le passé du futur. Cette nouvelle temporalité cherche à se placer dans la perspective de l'Histoire, avec majuscule, en essayant de « prendre de la hauteur » et d'échapper au présent et au futur proche trop impérieux. Cette nouvelle temporalité, qui se place sur le promontoire d'un futur déjà historicisé, serait le pendant « terminatif » (limite finale) de l'inchoativité du nouveau futur qui est en train de poindre, et regarderait notre présent actuel, à partir de ce point final futur, comme son propre passé. N'est-ce pas ce que la Reine d'Angleterre a fait, en se plaçant au-delà de son propre temps vital et historique dans son discours à la nation sur la crise sanitaire actuelle quand elle a affirmé: « ...dans les années à venir, chacun pourra être fier de la façon dont il a relevé ce défi. Et ceux qui viendront après nous diront que les Britanniques de cette génération étaient aussi forts que les autres »? Il ne fait pas de doute qu'il s'agit là d'un exercice périlleux dans lequel seuls certains prophètes, visionnaires, idiots ou sujets avec une perspective historique assez large, oseraient s'aventurer.

En attendant que cette restructuration du devenir du sens s'opère, nous continuerons à vivre un temps disloqué et a-signifiant entre un passé qui doit se réorganiser, un événement présent déstabilisé et les multiples directions possibles d'un futur qui nous échappe.

Semir BADIR

FNRS, Liège University, BELGIUM

LES PASSIONS AU TEMPS DE COVID

Les passions humaines déterminent nos actions en leur apportant une charge modale. Au temps de COVID, cela n'a jamais été plus criant. Car ce virus est une passion.

En immobilisant chez soi la moitié de l'humanité, le virus a réduit la puissance de notre action à tel point qu'il n'est pas nécessaire de préciser de quelle action il s'agit. C'est notre « pouvoir faire », en général, qui est enrayé: à cause du virus, nous ne pouvons plus (rien) faire, nous sommes devenus impuissants.

À ce coup du sort, certains d'entre nous entendent *réagir*, verbe qu'il faut entendre dans sa forme même: aller dans le sens contraire de ce qui est attendu. Les passions, comme le virus, nous affectent; réagir, c'est défaire leur charge modale et rétablir nos actions dans leur pureté ontologique: être (soi, ou humain-e, ou citoyen-ne d'un pays quelconque) par nos actes, et par rien d'autre.

Réagir revient donc à agir du tac au tac, à aller de tac à tac en donnant à penser que tac est à l'opposé de tac. Bref, c'est traiter le virus, et les passions qu'il déclenche, comme des agents. Le virus nous empêcherait d'agir? Eh bien agissons quand même!

Or les passions ne font pas que nous affecter. Elles nous animent aussi. Et quand leurs charges affectives ont l'air de nous soumettre, leur animation au contraire stimule notre activité. Aussi *voulons*-nous agir et même, dans les circonstances actuelles, nous sentons-nous appelés à *devoir* agir. C'est ainsi que nous justifions nos réactions. Apparemment le virus nous anime. Il n'est pas seulement un patient immobilisant et un agent à combattre; il serait encore un motif révélateur de qui nous sommes et de ce que nous faisons de nous-mêmes dans le monde.

On peut pourtant supposer que ce scénario, avec toutes les versions contradictoires rapportées par les journaux, n'a pas pour lui la vertu d'une logique. Il n'y a rien de sensé à nous attribuer des puissances que nous n'avons pas. Pas davantage il n'est raisonnable de doter un virus d'intentions ou d'un horizon moral. Aux passions qui nous affectent, il est possible d'adapter les passions qui nous animent.

On accompagnerait alors notre impuissance, passagère et durable, d'une volonté de ne pas agir et d'un droit à ne rien faire. Ce qui s'offre ainsi est une possibilité de *résistance*, de rester chacun à notre place. Et, au lieu de réviser les grands récits de l'humanité, une opportunité est donnée de retrouver les histoires personnelles et interpersonnelles qui donnent sens à ce que nous sentons, ce que nous vivons et ce qui nous fait agir.

Car même si ce virus connaît une affection maximale, étendue sur la globalité du monde, il nous rappelle que nous sommes affectés seulement dans l'intimité de notre chair et par le rapprochement de nos peaux.

José María PAZ GAGO

La Coruna University, SPAIN

COMMUNICATION VIRALE ET PANDÉMIE COMMUNICATIVE. LE VIRUS EST LE MESSAGE

“Le virus est le message”, avec ce titre si mcluhian ma collègue argentine Sandra Valdettero a publié un article très incisif, dans le blog *Hipermediaciones*. Face à un titre aussi suggestif, j’ai beaucoup pensé à cette idée, pleine de sens.

Le coronavirus SARS-CoV-2 contient autant de significations, dénotatives et connotatives, que des interprètes tentent de le démêler d’un point de vue philosophique, sociologique, anthropologique et surtout sémiotique. Annonce de l’apocalypse, dystopie bactériologique, réaction de la nature, manœuvre anticapitaliste, création de laboratoire, effet pervers de la mondialisation...

Parmi les penseurs les plus provocateurs, il existe des théories du complot pour tous les goûts, nuancées par des philosophes plus réfléchis: face aux thèses d’une stratégie dictatoriale pour imposer un état d’exception et de contrôle de la citoyenneté (Giorgio Agamben) ou une tentative de provoquer le effondrement du système capitaliste néolibéral pour restaurer les formules collectivistes proches du communisme (Slavoj Zizek), s’oppose le recours à la dignité humaine et à ses valeurs inaliénables, la liberté individuelle nuancée par le sens des responsabilités (Javier Gomá) ainsi que les valeurs spirituelles et créatives (Gilles Lipovetsky). Tous les deux, l’espagnol Gomá et le français Lipovetsky, rejettent les théories du complot et attribuent à l’imprévisibilité et à l’incompétence la catastrophe épidémique en Europe.

Dans un article publié dans *Russia Today* début février, Zizek affirmait que le coronavirus était un virus idéologique, xénophobe et anti-chinois, mais d'autres penseurs et communicateurs pensent, au contraire, que c'est une production de Pékin pour détruire le système capitaliste occidental.

Dans ce contexte controversé et polysémique, l'idée — "le virus est le message" — traînait toujours dans ma tête. Alors, je suis allé chez l'un de mes oracles personnels, un vieux médecin, lucide nonagénaire, sage de la médecine et de la vie, le Dr Sánchez Salorio. À ma grande surprise, il m'a révélé que les virus sont littéralement des messages. La reformulation de l'axiome McLuhan, "le virus est le message", a pris un sens nouveau et littéral dans lequel l'équation copulative exprime des preuves factuelles.

Mon ami le Docteur Salorio m'a révélé que les virus ne sont pas vraiment des êtres, mais de purs messages en eux-mêmes. Ils sont des codes qui produisent l'infection quand ils prennent contact avec les cellules du receveur. Ainsi, le virus s'attache à son récepteur cellulaire, provoquant la maladie. Si la communication numérique que nous connaissons aujourd'hui et qui a retransmis instantanément chaque incidence et chaque infection de la pandémie est *per se* virale, cette expression n'est plus métaphorique.

COVID-19 est un virus communicatif et il constitue une communication virale: le virus infecte les cellules et se multiplie rapidement chez le patient pour infecter immédiatement d'autres récepteurs partout dans le monde, sans respecter ni fraces, ni classes ni frontières. De même, dans cette logique de contagion, les informations sur la pandémie se sont propagées en temps réel à travers les média et réseaux, générant d'innombrables données statistiques et explications scientifiques, *fakes news* et canulars intentionnels, rapports médicaux et essais d'interprétation de toute sorte. Comme personne d'autre dans l'histoire, nous affrontons une pandémie de communication, à la fois médiatique et biologique.

Si j'avais commencé ces lignes paraphrasant le célèbre axiome de McLuhan, je terminerai par une autre citation McLuhienne de Javier Gomá qui illustre parfaitement ma brève réflexion: *il n'y a que le village planétaire: le virus, qui n'utilise pas de passeport, nous rend cosmopolites* ("*Virulencias*"; journal *Abc*, 29.3.2020).

Kestutis NASTOPKA
Vilnius University, LITHUANIA

LA PANDÉMIE COMME DÉFI

En 1957, dans sa présentation du roman de Camus « La Peste » pour le public lituanien, Greimas avait caractérisé la peste comme un malheur qui dépasse un homme seul. Il avait comparé la peste à des malheurs tels que la guerre, l'occupation et la résistance. Tous ces malheurs sont un défi pour la souveraineté de l'individu.

Greimas avait analysé le défi comme une communication entre deux sujets individuels. Le destinataire du message manipule le destinataire en le poussant à répondre. Le silence du destinataire serait interprété comme la reconnaissance de son incompétence. Selon Greimas, c'est le cas d'une communication contraignante. Dans la situation de confinement, le sujet individuel est manipulé par la société qui prend la responsabilité pour chacun de ses membres.

Greimas définit la liberté du sujet comme le pouvoir-faire et son indépendance comme le pouvoir-ne pas faire. Le sujet libre peut faire tout ce qui correspond à son programme narratif. Le sujet indépendant peut ne pas faire ce qu'il n'accepte pas. Ces deux modalités construisent le code de la souveraineté. En face d'un malheur universel le pouvoir-faire se transforme en ne pas pouvoir-faire et le pouvoir ne pas faire — en ne pas pouvoir-ne pas faire. L'impuissance conteste la liberté, l'obéissance nie l'indépendance. Au code de la souveraineté s'oppose le code de la soumission. Le sujet peut-choisir et peut-ne pas choisir. En choisissant le code de la soumission, l'individu confirme sa solidarité avec la société. S'il ne le choisissait pas, il serait considéré comme un sujet incompétent.

Dans le roman de Camus, c'est le docteur Bernard Rieux qui raconte l'histoire de la peste en sa qualité de témoin direct. Il lutte contre la peste en sachant que c'est une interminable défaite. Pour lui, c'est une manière de refuser l'asservissement menaçant et de garder la fierté de résistant. Selon Greimas, le code de la fierté lie liberté et obéissance.

Comme narrateur, Rieux parle au nom de tous ceux qui étaient touchés par le malheur: « il n'y avait pas une de ses souffrances qui ne fût en même temps celle des autres ». Dans le siège de la peste, Rieux connaît

l'amitié perdue par la mort de son ami ; c'est en exil que meurt sa femme. «Tout ce que l'homme pouvait gagner au jeu de la peste et de la vie c'était la connaissance et la mémoire », résume le narrateur.

La balance positive du code de la soumission est la solidarité avec tous ceux qui se trouvent dans la situation de confinement. Le journaliste parisien Rambert fait des tentatives désespérées pour vaincre l'exil. Il considère que la peste est une abstraction qui menace son bonheur personnel. Après avoir conclu un contrat qui lui aurait permis de s'évader illégalement, il informe soudainement le docteur qu'il reste dans son équipe parce qu' « il peut y avoir de la honte à être heureux tout seul ».

Jean-François BORDRON

Limoges University, FRANCE

CONFINEMENT

Le confinement tel que nous le vivons aujourd'hui est un scénario qui se joue avec une limite, un bord, dont la particularité est d'être difficilement situable. Mais il y a plusieurs limites comme nous allons le voir.

Il y a d'abord une limite parce qu'il y a d'une part un interdit (ne pas devoir sortir) et en même temps un lieu clos dont les bornes sont indéfinies. Un bateau en quarantaine offre une limite précise et un risque évident à la transgresser. Une prison également. Mais où se trouve exactement la limite d'un lieu qui soit propre à chacun? C'est à la fois la question du lieu et la question du « propre ».

Si l'on ne peut s'approcher d'un être humain il en résulte que chacun se trouve confiné dans une circonférence d'un mètre de rayon. C'est un confinement « en soi » dont on ne peut guère se libérer puisque son lieu se déplace avec nous. Cette « distance sociale » est pourtant assez variable, très prégnante dans les transports, presque inexistante dans un espace désert. Le lieu « en soi », le lieu propre, est ainsi défini par la présence, ou non, d'autres lieux semblables. Ce sont des lieux intersubjectifs, pour ainsi dire générés par la présence du virus.

Il faut différencier le confinement « en soi » du confinement « chez soi ». Ce dernier n'est pas possible pour tous ce qui relève d'une autre forme de « distance sociale », celle-ci plus politique. En un mot, pour se confiner chez soi il faut que ce chez soi existe.

Si une telle possibilité se présente il faut aussi considérer que le confinement chez soi se trouve le plus souvent partagé avec d'autres, dans une famille par exemple. Se pose alors la question de ce que l'on pourrait appeler un confinement « en soi chez soi ».

Y a-t-il une limite, un confinement absolu sur le modèle d'un trou noir dont rien ne peut sortir? On peut penser au « for intérieur », ce « dedans » en principe inaccessible à tout autre que nous même. S'il y a pourtant un risque d'invasion, on peut toujours mettre un masque...

On voit par là que les limites n'ont pas de borne, contrairement à l'idée reçue. Telle est sans doute une des plus importantes leçons du présent confinement.

Lucrecia Escudero CHAUVEL

Lille University, FRANCE

SEMIOSIS DEL TIEMPO SUSPENDIDO

Si la generación del *Baby Boom* tuvo su momento mediático de consagración con el alunizaje de 1969 y su audiencia planetaria, y la Generación Y vivió en el 11S el tiempo único de la creación del evento en directo, las nuevas generaciones que solo conocen un mundo sin guerras **tienen derecho a su pandemia mediatizada**: virus, mensajes, memes y vídeos circulando frenéticamente en un mundo virtual, sin contacto. Paradoja extraordinaria: cuando se teorizaba lo virtual como paradigma casi excluyente de la generación que nació ya con la web, estamos condenados a esta comunicación gracias al COVID-19. **¡Qué no dirían Shannon o Jakobson de este triunfo del canal y de la función fática!**

Durante la gran epidemia de SIDA que explotó en el momento bisagra del paso a la sociedad global -que es como decir, de un mundo a otro-

del final de los años ochenta, con su industria de las comunicaciones y la moda, la aviación y el turismo y tantas otras que se integraban verticalmente en sus modos de producción, organizando la convergencia tecno-económica que conocemos como globalización, integré un **equipo de investigación sobre las representaciones de la enfermedad en los medios franceses. Hay diferencias y similitudes con esta pandemia.**

La primera es sin duda la **forma de transmisión y contagio**, circunscrito a *prácticas* específicas — el sexo y el intercambio de jeringas — en el SIDA y *difuso* en el COVID-19. Esta diferencia es crucial porque una cosa es saber cómo protegerse — sexo seguro con preservativo en las llamadas prácticas a riesgo, uso único e individual de agujas — y otra no saber cómo se contagia el virus.

Este rasgo es importante desde el punto de vista de la **mediatización de la enfermedad**. Recordemos la célebre campaña SI-Da/NO-Da del gobierno español, con su música pegadiza y sus muñequitos que decían Sí y No que se volvió paradigmática para el mundo en lengua española, o la fotografía de la **Princesa de Gales** tomando la mano de un enfermo terminal de SIDA, ¡sin guantes! **Andrea Semprini** analizó exhaustivamente la construcción de la marca Benetton en las campañas de **Olivero Toscani**, introduciendo la agenda del mundo exterior al mundo posible de la marca, irreductible al principio de realidad. Pero cuando Toscani utilizó la imagen patética de la muerte en directo y las paredes de los subterráneos y de los espacios públicos aparecieron empapelados con carteles gigantes de un enfermo moribundo rodeado de su familia — aunque hubiera obtenido de esta la autorización de reproducción —, **la sociedad rompió el contrato de aceptación de la saga Benetton y comenzó la declinación de la marca.**

El COVID-19, en cambio, es *difuso*, no se sabe bien cómo se contagia: ¿por qué no podemos tocar a nuestros ancianos y niños? ¿Se puede hacer el amor con su pareja cuando no sabemos si es positiva/vo y cómo se trasmite? ¿Qué hacemos con la ropa cuando volvemos a casa del mercado? ¿Los alimentos pueden contagiarnos? ¿Por qué en Lombardía? Podría tratarse de un déficit importante de las campañas de comunicación institucional, pero me resulta claro que aquí la *forma de transmisión* no está circunscrita a un grupo de riesgo específico, como fue el caso del SIDA — y de allí la posibilidad de aislarlo, rechazarlo, o discriminar

al portador — sino que se difunde como una mancha de aceite en todos los estratos sociales. **Un virus democrático.**

Cuando se venció el tabú de la declaración de ser portador del VIH-1 — lo que era implícitamente salir del closet y reconocer su homosexualidad — y aparecieron los primeros enfermos famosos, como **Rock Hudson** y **Rudolf Nureyev**, seguidos de intelectuales como **Michel Foucault** o escritores como **Manuel Puig**, la comunidad homosexual se abroqueló en su dignidad y contraatacó con un tam-tam que atravesó el planeta creando organizaciones de lucha, defensa e investigación. El SIDA se volvió una causa política, marcando los hitos de la lucha por los derechos igualitarios que culminan con el cambio de legislaciones, homologando los matrimonios y la paternidad. **Una transformación social y de costumbres siguió la aparición del virus y sus muertos no fueron en vano.**

Nada de eso sucede con el COVID-19, hijo de las sociedades del hiperconsumo y la hiper modernidad. Y de hecho no hay una respuesta política sino individual, basada en la poderosa defensa que suministra el humor. Porque yo recibo cada mañana (y espero) la serie de memes, minivídeos y testimonios graciosos que me envían mis amigos, con los que me río mientras tomo el desayuno, aislada en mi cocina mirando a mi vecino de enfrente que está haciendo exactamente lo mismo, como una forma de vacuna que me permite afrontar el día. **El humor es la vacuna individual de circulación colectiva** que nos queda, hasta ahora, frente a la impotencia de los poderes públicos. Nadie se reía ni osaba reírse del SIDA, pero todos nos reímos con el COVID-19. ¿Por qué? Hay que llenar este tiempo suspendido en un mundo que nos había acostumbrado al valor de la circulación y rapidez del intercambio, y que se encuentra de golpe, de un día para otro, en suspenso. **Y el humor contribuye a construir pequeños mundos posibles, fácilmente circulables, fragmentos de circunstancias de vida.**

Cuando el presidente francés **Emmanuel Macron** declaró el confinamiento de un día para otro porque se estaba “en guerra”, la sociedad francesa tardó un tiempo en ajustarse, pero al final no salió de su casa. **En la Segunda Guerra Mundial, cuando caían las bombas, tenías el búnker o el subterráneo de Londres: aquí estamos a cielo descubierto.** Es la primera vez que cuatro generaciones comparten el tiempo

y el espacio de esta pandemia y nos traen con sus recuerdos imágenes de otros confinamientos, de otras claustrofobias. Un virus que, como con las bobinas de las películas de celuloide o el comando a distancia, puede **acelerar o retardar las imágenes**, un *mix* de experiencias colectivas pasadas y compartidas, un imaginario también heroico.

Pero fiel a la época de desconfianza hacia los políticos y nuestros representantes, este virus, en su difusión democrática y difusa, tiene un héroe al que se aplaude todas las noches en todos los balcones de Europa: el personal sanitario. Paradoja macabra, porque **si algo ha hecho el neoliberalismo planetario de estos treinta años es desarmar pacientemente pero sin pausa, implacablemente, el sistema de salud pública construido luego de la Segunda Guerra Mundial**. La muerte explota en la cara del cinismo alucinante de las clases dirigentes -se sabe ahora en Francia exactamente cuándo dejaron de comprar máscaras y es... ¡durante el período socialista!-, las bolsas caen, se cierran negocios, mercados, construcciones, se prevé la caída de la producción del planeta, lentamente se van apagando las luces y **nuevos pobres se sumarán a los pobres dejados tirados a la vera del camino del neoliberalismo en su marcha desenfrenada hacia la desigualdad planetaria**. Estamos “en suspenso” no porque la temporalidad está suspendida, sino porque **el espacio se cierra**, y quedo sola frente a mi nada -no puedo salir a consumir-. Por suerte **me quedan los medios para circular**. Todos.

Jean-Marie KLINKENBERG

Liège University, BELGIUM

LES SCIENCES DU DISCOURS FACE À L'INCERTITUDE

Une des retombées majeures des événements que le monde vit actuellement est la production, foisonnante et désordonnée — virale, écrirais-je si le trope ne s’offrait pas avec trop de facilité —, de discours de toutes sortes. Chaque citoyen, chaque citoyenne, est à tout moment de-

vant sa télévision, à l'affût d'informations, toujours plus nombreuses; les inscriptions aux réseaux de médias sociaux explosent; la crise dope l'audience des quotidiens en ligne et multiplie les abonnements numériques...

Cette explosion lance un véritable défi aux sciences dont l'objet est le discours: sémiotique, rhétorique, linguistique...

Apparemment, ces disciplines sont pourtant bien équipées pour aborder le nouveau corpus qui s'offre à elles. Elles sont sans aucun doute à même de décrire adéquatement le fonctionnement de chaque type de discours qui se fait entendre: le scientifique, le politique, le médiatique, le conversationnel. Les analyses de chacun de ces univers discursifs auquel se livreront demain les étudiants et les chercheurs montreront sans nul doute que chacun de ces discours obéit à des règles bien connues. En dépit de ce que croit le grand public, la rhétorique des débats scientifiques autour du coronavirus se conforme à des protocoles éprouvés (hypothèse, cueillette des données, méthode d'analyse, conclusions, communication des résultats à la communauté dans des publications soumises à la *peer review*). Tous tentent de faire aboutir leur dialectique à des synthèses, les vraies controverses ne portant que sur des questions n'ayant pas atteint ce stade: durée de l'immunité acquise, corrélation entre obésité et risque de mortalité par le virus, rôle possible des interférons dans le traitement... Tous obéissent à un même éthos: l'exhibition d'une posture de neutralité. Et, en dépit des apparences, même les débats entre spécialistes sur l'utilisation de la chloroquine n'échappent pas à ce schéma... De son côté, le discours politique — qu'il soit proféré par les gouvernements, les organisations patronales, les associations de consommateurs ou les syndicats — appuie dans tous les cas ses demandes ou ses décisions sur des figures et des raisonnements classiques, qui permettent au verbe d'avoir un impact direct sur le réel. On mesurera peut-être un jour à quel point la mobilisation de la métaphore de la "guerre" — le virus, cet ennemi invisible en embuscade... — aura permis de proposer et de faire adopter des trains de mesures sociales inouïes en temps de paix. De son côté, le discours médiatique, qui ne méprise pas non plus la métaphore, procède à la juxtaposition des témoignages et des expertises, sans prétendre, lui, aboutir à des synthèses. Quant au discours des médias sociaux, il reste fidèle au modèle qui est le sien depuis ses débuts:

parcellarisation, éclatement, désintégration, dispersion, mise en évidence de l'instantané et de l'individuel, limitation de la consensualité à de microscopiques communautés, liberté offerte aux passions.

Chaque discours est donc fidèle à son idéaltype. Devra-t-on en conclure que, en dépit des apparences, le foisonnement verbal actuel ne présente aucune nouveauté surprenante? que le tumulte qui se fait entendre dans notre présent peut être aisément domestiqué?

Tirer rapidement une telle conclusion serait laisser dans l'ombre le rôle d'une procédure familière au spécialiste des langages et des discours. La validité des analyses auxquelles il soumet chacune de ces quatre couches de discours, provient du fait qu'il a isolé celle-ci pour la traiter à part, comme le chimiste le fait avec une substance dans le secret de son laboratoire. Cette manœuvre de division du complexe en éléments simples, conforme au précepte de Descartes ("Diviser chacune des difficultés que j'examinerais, en autant de parcelles qu'il se pourrait et qu'il serait requis pour les mieux résoudre"), est depuis longtemps habituelle dans les sciences dures, mais elle s'est solidement implantée dans les sciences humaines grâce à la méthodologie structuraliste. C'est elle qui permet à l'analyste de convoquer ses routines.

Mais, étudier benoîtement des discours aseptisés par la manœuvre de division, n'est-ce pas prendre la fuite devant la complexité actuelle? N'est-ce pas passer à côté de la nouveauté que porte la voix collective qui se fait entendre? Car si chaque famille de discours a sa rassurante cohérence, le fait nouveau, c'est la superposition de ces familles de discours, et leur porosité.

On voit par exemple que les réseaux sociaux font éclore de multiples vocations de virologue et laissent s'exprimer de toutes fraîches compétences en épidémiologie et en infectiologie, on les voit s'emparer du débat scientifique, mais pour n'en conserver que la dimension compétitive et le transformer en une guerre de positions. On voit le discours politique instrumentaliser ce discours scientifique en mobilisant le discours *du* scientifique, mais pour n'en garder que deux composantes: la fonction de dire le vrai d'une part, et de l'autre la figure de l'autorité qu'il contribue à construire. En sens inverse, on voit le scientifique se débarrasser de son statut et entrer dans le jeu éristique des médias sociaux, en endossant les habits de *l'expert*. On voit la pression journalistique exiger

des certitudes de la part de celles et ceux pour qui il y a d'abord des interrogations.

Il n'y a donc pas éclatement des discours, comme on l'entend parfois dire, mais plutôt mobilité et intrication. Certes, cette dernière s'est toujours produite: depuis toujours, le politique convoque l'expert, et le journalistique relaie l'un et l'autre. Mais ce qui est neuf, c'est l'importance de cette contamination, dans la luxuriance des discours.

Cette nouvelle donne produit des effets sociaux de grande importance et qui n'échappent à personne: à l'incertitude que vit aujourd'hui le citoyen quant à sa santé, à celle de ses proches, à la manière dont ils pourra gagner son demain, élever ses enfants et recouvrer sa liberté d'aller et de venir, vient s'ajouter une autre incertitude: celle que produit la polyphonie (ou la cacophonie) des propos auxquels il est exposé. Ce n'est donc pas de l'absence de sens que souffre aujourd'hui *l'homo covidien*: c'est de l'hypertrophie des sens. C'est de la saturation de l'espace par des discours multidirectionnels. Selon la formule du sémioticien espagnol José María Paz Gago, ce à quoi on assiste est une véritable pandémie communicationnelle, où "le virus, c'est le message". Si absence il y a, c'est plutôt celle des repères qui lui permettaient naguère de s'orienter dans sa propre pensée. Et on aboutit à ce paradoxe que l'incapacité à dire pousse à surdire.

Rendre compte du trouble sémiotique du temps présent impose de prendre en charge cet enchevêtrement de discours vivant habituellement des relations de voisinage. Or, pour affronter cette tâche, les techniques descriptives auxquelles sont rompus les analystes du discours ne sont que d'un faible secours: elles doivent en effet leur efficacité au fait qu'elles ont été construites pour rendre compte d'objets clôturés, cadastrés, décontextualisés, et se révèlent dès lors impuissantes à rendre compte de la polyphonie.

On dit volontiers que les événements actuels jouent un rôle de révélateur. C'est vrai à un double égard. D'un côté ils révèlent les tremblés et les instabilités d'un monde qu'un discours lisse nous montrait comme consistant; ils font apparaître crument que les discours sectoriels — ceux du politique, de la presse, mais aussi ceux des juristes, des humoristes, des sociologues... — ont pour fonction sociale principale de donner à postériori une cohérence et une intelligibilité à un monde vivant, à cou-

ler dans des récits linéaires le fourmillement des évènements qui y surviennent. Ce dévoilement du provincialisme nécessaire des discours sectoriels ne peut engendrer que désenchantement et inquiétude. De l'autre — *si parva licet componere magnis* —, ils révèlent que les sciences du discours ont elles-mêmes contribué à ce lissage: pour mieux assurer leur robustesse, elles ont refoulé le moment d'embrasser l'ondoyant et le complexe.

Sans doute ce moment est-il venu. Il leur faudra donc se donner les moyens de rendre compte de l'instabilité sémiotique dont l'évidence s'impose aujourd'hui, et en faire un objet de savoir. Il leur faudra mettre au point des techniques nouvelles, permettant de faire voir comment les familles de discours s'imbriquent aujourd'hui et, ce faisant, subissent des altérations et des métamorphoses (il n'y a pas que les virus qui mutent). Il leur faudra se mettre en mesure d'interroger cette intrication, d'observer ses modalités, d'expliquer ses effets et ses fonctions sociales. Il leur faudra encore trouver le moyen de parler à l'homme et à la femme de la rue, pour les munir des repères dont ils manquent pour s'orienter dans la jungle des discours (les équipements de protection dont nous avons besoin ne sont pas seulement des masques et des tabliers).

En ce moment où la demande de sens est plus forte que jamais, les sciences du sens et de la parole ont une lourde responsabilité, dont elle ne peuvent se défaire.

Massimo LEONE
Turin University, ITALY/
Shanghai University, CHINA

THE LANGUAGE OF THE PANDEMIC: AN INTERVIEW

Prof. Leone, how has our language changed since the advent of this coronavirus epidemic?

It is premature to say it; the epidemic is still ongoing and, with it, the cultural change it brings about; detachment and analysis will be needed

to find out; we should then specify: language as a general faculty of communication? Verbal language? Natural languages? The other systems of signification? Some trends can be glimpsed, however, but still inaccurately. Pre-pandemic communication was characterized by continuous mobility; the most frequently asked question was “where are you?”. Those connecting from remote would often do so because they had chosen ludic-aesthetic nomadism over sedentary lifestyle. That question no longer makes sense for most of the world population now. Everyone is at home, and anyone who is not at home is stigmatized and hides. The key question is, therefore, no longer “where are you?” but “how are you?”. It is a return to the past, we no longer care to know where people are but how they are, and how their family members are.

A second tendency, typical of calamitous situations, is the generalized thematic focus: in public and private communication, nothing else is mentioned. The virus is the absolute protagonist of conversations. To change the topic, one must launch into paradoxical statements. The diversion, however, is destined to not last long. As regards the other systems of signification, pre-pandemic communication was often based on the need to make oneself present to others. The key communicative format of this self-presentation was the selfie. During the pandemic, instead, selfies have decreased greatly. At the beginning of the pandemic curve, someone joked with masks, then the desire to joke stopped, and masks also ran out. Only the “heroic” selfies of doctors and nurses remain, which more than selfies are portrays, because they have nothing behind them, that is to say, all behind them is tragedy and death.

For all the others, also for the VIPs of the star system, the need to make oneself present to others has been replaced by the desire to make the others present to oneself. One feels alone, isolated, deprived of contact with other people. In social networks, we move from the format of the mono-selfie to that of the multi-selfie, of the checkered collectivity: for instance, the patchworks of face images on Zoom or other platforms. That is to reassure oneself and others that we are not alone, that the community continues to exist, albeit a virtual one. The phatic function of language, the one that probes the existence of a communication channel, becomes hypertrophic, especially among new users of video-conferencing platforms: *Do you see me? Can you hear me?* Etc. It is also presumed

that the overall emotional tone of both public and private communication is presently turning towards an excess of emotionality, at the expense of the cognitive content. Also, it is probable that, given the interruption of most normal activities, there is in fact not much to tell others if not one's impressions, ideas, emotions and actions planned or carried out with respect to the pandemic.

The Coronavirus pandemic brings about what is called an *infodemic*, that is, the dissemination of a huge amount of information, coming from different and often unverifiable sources. Is it possible to stem this tide? And how?

One can seek to stem the outbreak of the “infodemic” exactly as one tries to counter the pandemic. Unfortunately, a vaccine does not exist for either one. It could have existed, and could have been produced earlier, but this would have required a preventive organization that is lacking in terms of both the pandemic and the infodemic risk management. Now it is too late. When the pandemic will have passed, as it is hoped, and the infodemic with it, it will be necessary to think in advance, and not on the wave of danger and anguish, to improve the infrastructure of the circulation of information, also with automatic knowledge organization. In the current state of emergency, so as to defend oneself against the pandemic there is apparently no other way than to confine oneself in one's house and avoid contagion for oneself and for others, keeping only the contacts that are functional to daily life. In the same way, it is equally necessary to carefully select one's communication channels, choosing the most authoritative ones, and not only in the context of institutional and *mainstream* knowledge, but also in that of the criticism of it. Distinguishing what the authoritative sources and counter-sources may be, however, requires specific training, and it is exactly what good Universities should endeavor to provide with their teachings on journalism and communication.

Nevertheless, a change of mentality is also needed: just as we must stop thinking that the mask's only purpose is to protect oneself from others, and instead we must begin to understand that it is also meant to protect others from oneself, so we must understand that, against the infodemic, we need the mask of education, but this mask must be two-way: the infodemic mask must get us cautious not only about absorbing un-

founded ideas and knowledge, but also about spreading them around to others. We are all carriers of the infodemic, and very often we are healthy ones, in the sense that we do not even know that we are spreading *fake news*, and when we notice it, if we notice it, it is too late, we have already “infected” with our wrong ideas hundreds if not thousands of people. Caution is needed in listening, but caution is also needed in speaking. Journalists should be a bit like good nurses, and confine incorrect information into quarantine until it proves fake, and dwindles out, or either proves true, and can be published, but very often, too often, they are like distracted doctors who sometimes contribute to spread the infection without even knowing it. When they do it on purpose, then, they deserve to be blamed, like a doctor who fails to keep faith to the oath of Hippocrates.

In one of your latest works, you claim that the pandemic has changed our faces. Which faces are you referring to?

Everyone’s faces. First of all, the physical faces: we experience the absence of the face of the other because we are confined in our houses or we experience the obsessive presence of the face of the other, the family member, etc. Sometimes it goes okay, and then love, friendship, and brotherhood are rediscovered. Sometimes it goes badly, and then you can’t stand the continuous presence of the other’s face. Faces also change in the public space because of the appearance of masks. The mask is an object to which the western world is not accustomed, considering it normal only in some very specific scenarios: by the dentist or surgeon. Not even a visit to the family doctor would usually include the presence of a medical mask. Now, however, these masks are everywhere and bring with them a connotation of medicalization of the public space. There are other cultures where this does not happen. The cultures of the Far East are more accustomed to masks. Partly because they have gone through other very serious epidemics in the past, or for they have suffered terror attacks affecting the respiratory system, such as that with sarin gas in the Tokyo subway; another reason is that, in these Asian countries, there is a different idea of the individual within the community: the mask is worn to protect oneself from others but also to protect others from oneself. The mask has become so present that it has turned into a habit, even into a fashion object.

However, I don't think you can get used to the mask completely because, as I try to ascertain with a **group of researchers in my ERC research project**, FACETS, which deals precisely with the face in contemporary societies, the face is a fundamental interface in communication. It is a very important social interface, we are not used to seeing it covered, and above all we are not used to seeing this part of the face that includes the nose and the mouth covered. We associate the mouth with verbal language and smiling. We therefore have the impression that we cannot communicate well when someone with a mask speaks to us. In many human cultures there is this contrast, which is also noticeable in lexicon, between the face on the one side and the muzzle on the other. The mask transforms us a bit into muzzles, puts a muzzle on us; but we will have to get used to understand that it is an object that safeguards ourselves and the community, an object beyond which we hope to be able to imagine the smile of others one day, at least until a vaccination is hopefully found and worldwide spread.

(Interviewer: Stefano Palmieri, *News Service*, University of Turin. English version: Massimo Leone.)

Jacques DÜRRENMATT

Sorbonne University, Paris, FRANCE

CONFINER/DÉCONFINER: ENTRE CRÉATION ET RÉINVENTION

La vitesse avec laquelle une partie de la Chine, l'Italie puis la France se sont trouvées bloquées cet hiver a donné brutalement une actualité brûlante à un mot jusque-là peu employé: *confinement*. Le slogan qui a fleuri sur les panneaux publicitaires, aux fenêtres et aux balcons ne l'utilisait pas: « Restez chez vous! » a été la façon la plus simple et sans doute la plus efficace d'obliger une population habituée à toutes les libertés à prendre conscience que l'espace extérieur était devenu dangereux. La violence de l'impératif peut surprendre mais il s'agissait de responsa-

biliser immédiatement, en faisant comprendre que le sacrifice demandé était indispensable à la survie d'une partie de la population, plus fragile, plus âgée. Le mot *confinement* a, lui, été réservé aux discours politiques et journalistiques et il est devenu un leitmotiv qui a scandé ces longues journées extraordinaires d'enfermement intime. Son contrepoint (*déconfinement*), néologisme simplement obtenu par une préfixation négative, est progressivement apparu comme un objectif lointain et désirable, chargé de tout un imaginaire de liberté retrouvée et de renouveau qui irait beaucoup plus loin qu'un simple retour à la normale.

Le mot *confinement* est un dérivé du verbe *confiner*, lui-même obtenu à partir du nom *confins* qui ne s'emploie qu'au pluriel et qui a été emprunté au moyen-âge à une famille de mots latins autour de l'adjectif *confinis*, « voisin », produit par la composition de la préposition *cum* (« avec ») et du nom *finis* (qui a donné *fin*) et qui désignait une borne, une limite mais aussi un but. Les confins sont d'abord des frontières qui délimitent un espace avant de devenir un lieu éloigné, extrême, une zone si lointaine qu'elle en devient habitée de toutes les peurs, de tous les imaginaires. *Confiner* apparaît donc d'une certaine façon comme un verbe paradoxal dans la mesure où il implique au contraire l'enfermement dans un espace réduit: il a longtemps été synonyme d'*emprisonner* avant de se spécialiser, sous sa forme pronominale, à une limitation volontaire de l'espace de vie, pour des raisons sanitaires, psychologiques ou autres. L'adjectif *confiné* a pris par ailleurs un sens particulier en accompagnement du mot *air* pour désigner une atmosphère plus ou moins irrespirable du fait de l'absence d'aération. C'est cet emploi qui est le plus courant aujourd'hui et colore donc le substantif de façon négative: le confinement imposé a été pour beaucoup vécu, de façon parfois quasi littérale, comme une asphyxie forcée et cet imaginaire a contribué aux manifestations somatiques nombreuses qui ont accompagné cette période et ont été étudiées par les psychologues. D'autant que la date floue et toujours repoussée du déconfinement a longtemps relevé de confins incertains.

Le mot de *déconfinement* lui-même s'est prêté à de nombreuses inventions, caractéristiques d'une tendance française au pessimisme et à la négation, qu'il s'agisse de noter sa ressemblance avec *déconfiture*, défaite qui semble avoir à voir avec la négation de tout ce que la confiture peut avoir de sucré et de délicieux. Ou encore de le transformer en *déconfi-*

nade, mot-valise qui lui alliait *débandade*, autre façon de penser une catastrophe à venir, dont la menace continue à planer au moment où j'écris.

Au fil du temps s'est constituée toute une série d'autres dérivés, à la survie encore incertaine, qu'il s'agisse de distinguer les périodes *pré-* ou *post-confinement*, d'opposer les *pro-* et *anti-confinement* ou de brandir la menace d'un *re-confinement*. Tout inoffensifs qu'ils en aient l'air, ces mots, en envahissant rapidement l'espace public, ont reconfiguré notre façon de penser le déroulement de ce début de siècle et la liberté qui nous est octroyée. Puissent-ils se retrouver très vite aux confins des dictionnaires!

Hamid Reza SHAIRI

Tarbiat Modares University, Teheran, IRAN

LE CORONA ET LE POST-CORONA : LE DÉSAVANTAGE ET L'AVANTAGE SÉMIOTIQUE

Lorsque Œdipe arrive dans la ville de Thèbes, il constate qu'une créature fantastique nommée Sphinx y règne et terrorise toute la population. Sa tyrannie ne connaît aucune limite et tous les habitants sont contraints de lui obéir. Pour libérer le pays, il a une condition: il faut que quelqu'un arrive à résoudre une énigme. En se rendant compte de la souffrance des gens, Œdipe décide de se présenter. Alors Sphinx lui pose la question: « Qu'est-ce qui marche à quatre pattes le matin, à deux le midi et à trois le soir? » Œdipe répond immédiatement: « C'est l'Homme: au matin de sa vie, le bébé marche à quatre pattes, à midi, il marche avec ses deux jambes et au soir de sa vie il s'aide d'une canne, marchant ainsi sur trois pattes ». Dès la résolution de l'énigme, Sphinx se suicide et le peuple est libéré. Ce qui sauve en fait les habitants de Thèbes, ce n'est ni la guerre, ni la force d'Œdipe, mais c'est son savoir, sa sagesse et son intelligence.

Deux leçons très importantes sont à tirer de ce récit mythique pour cette période où nous sommes dominés par le coronavirus: 1) La pre-

mière est celle qui concerne le régime temporel de notre existence. Est-ce que nous touchons la nuit de notre vie où nous sommes obligés de marcher sur trois pattes, puisque le masque que nous portons représente la figure de la canne dont parle (Edipe? 2) Et la deuxième nous rappelle que l'humanité a toujours bénéficié du savoir ainsi que de la sagesse, beaucoup plus que de la force et de la violence.

Donc, « le masque » avait dans le passé et surtout chez les africains une fonction rituelle importante: il était le moyen de se protéger contre le mal et les pouvoirs malsains. Ses masques ont inspiré Picasso étant donné que celui-ci a pu y observer une puissance et une certaine énergie qui se renouvelaient en continu et sans fin. Ces masques révélaient le mystère profond de l'existence, relevaient du sacré et produisaient un état d'extase non matériel et spirituel. Mais les masques que nous portons aujourd'hui fonctionnent comme une prothèse qui, même si elle doit nous protéger contre le mal de virus, n'a rien de spirituel et de mystérieux. Tout au contraire, ces masques se substituent à la canne qui témoigne de la nuit de notre existence. En effet, la sémiotique des passions nous apprend que nous commençons à nous ressembler tous en portant les mêmes masques. Ainsi, tout en devenant défigurés, nous perdons l'un des avantages importants de l'humanité qui est celui de pouvoir nous communiquer par des effets d'émotion provenus de nos différences de visages. Ce qui signifie que nos visages cachés derrière les masques perdent leur capacité de produire de l'émotion et du sens, puisque toute possibilité de distinction identitaire est supprimée. Alors, nous fonctionnons comme des machines qui ne peuvent que fonctionner à partir des programmes préétablis. Tout en étant privés des interactions passionnelles avec l'autre, nous ne pouvons que nous ressembler à des appareils qui perdent le vrai sens de leur être: nous marchons sur trois pattes et ceci réduit le sens de l'existence.

Cependant, il ne faut pas voir les choses que sous l'aspect négatif. Le corona a eu aussi un certain avantage pour la vie humaine. En vérité, tout comme les poètes qui ressentent le besoin de laisser quelquefois beaucoup de blanc et d'espace vide sur leurs pages pour poser le silence et produire du calme contre la pression de l'encre et l'intensité de la présence des mots, le corona a aussi blanchi la page de notre existence. Nous avons pu vivre ce silence qui a ralenti le rythme de notre vie et qui a de

même réduit nos actes nuisibles pour la nature et pour nous-mêmes. De fait, grâce à cette page blanche produite au cours de notre existence, par l'intervention d'un virus, nous nous approchons de la renaissance de l'univers de ces êtres.

Ainsi, la période post-corona doit être pour nous comme le début d'un nouveau temps où nous serons marqués par de nouvelles formes de vie: plus de respect pour l'autre, plus de paix avec soi et avec l'autre, moins d'égoïsme, moins de violence dans nos actes, plus de respect pour la nature, le respect mutuel des cultures et enfin penser à un monde moins porté par la rivalité et des concurrences malsaines sur le plan économique aussi bien que sur le plan politique. En tout cas ce silence et ce blanc imposé par le corona doivent nous servir à nous conduire vers des actes éthiques qui ont vraiment manqué à notre existence. En tout, l'époque post-corona doit avoir pour nous le sens de la renaissance de notre existence dans le monde.

Tiziana MIGLIORE

Carlo Bo University, Urbino, ITALY

COVID-19. DE NÉCESSITÉ VERTU

Piazza San Marco à Venise le 23 février 2020 était toujours en proie au pandémonium habituel du Carnaval lorsqu'une cause de force majeure a arrêté ce qui, pour tout le monde, semblait être le destin inévitable de cette ville qui est dans le cœur de tous: devenir un parc d'attractions. Evidemment ce n'est pas le cas.

L'exploitation de la planète pour en tirer profit — dans la relation homme-animal en incitant à se mélanger avec de la viande non comestible, dans la relation homme-homme en s'entassant dans des dortoirs, des lieux historiques, des moyens de transport — a touché le fond. Le système immunitaire intelligent de l'homme n'a pas pu tenir. Depuis quelque temps, on parle de l'anthropocène et de ce mode de production de masse et pour les masses — la globalisation — qui n'est pas un progrès à aucun niveau,

climatique (pollution) économique (capitalisme), politique (populisme), culturel (analphabétisme fonctionnel, tourisme *Hit and run*, contrefaçon). Avec la globalisation l'homme recule jusqu'à s'automassacrer.

Le coronavirus nous reproche notre compétence de « super-globalisateurs » (Bruno Latour) avec l'image qui lui convient le mieux: une contagion de masse qui affecte les poumons et conduit à la mort. Ce que l'homme n'a pas voulu reconnaître de l'extérieur, le virus l'a montré en lui coupant le souffle. La globalisation, qui mêle humains et animaux et amasse les humains, est mortelle. Cependant, la pandémie n'a pas seulement montré le côté négatif des choix de l'homme; elle l'a obligé à s'arrêter, ouvrant la porte à de nouveaux principes de relation au monde.

Le *lockdown* décidé par l'Italie pour faire face à l'émergence, non partagée, voire contestée par l'Amérique de Trump et par d'autres Pays européens, est une position forte malgré les coûts très élevés qu'elle entraîne. Car, contrairement au cynisme de ceux qui gardent le *status quo*, de ce qui ferment mais « pas trop » ou de ceux qui font appel à une « immunité de troupeau » anodine, brisent courageusement la chaîne. La première réaction des Italiens à la crise déclenchée par le COVID fait réfléchir: à la maison, ils se sont retroussés les manches et ont commencé à pétrir de l'eau, de la farine, de la levure, du sel pour faire du pain ou de la pizza artisanale. Pourtant, les produits surgelés, potentiellement pas plus contagieux que le paquet de farine, étaient placés en évidence comme toujours dans les réfrigérateurs des multinationales alimentaires. Instinctivement, les Italiens les ont rejetés, avec le désir de préparer quelque chose de bon, revenant à l'essentiel.

Aujourd'hui Venise, chef-d'œuvre de l'ingéniosité et de la résilience de l'homme, ne veut plus revenir à la normalité pré-pandémique. En fait, pendant la quarantaine, la ville a soudainement résolu ses problèmes: la surpopulation, la marée haute, les bateaux de croisière, le Made in China. Bien sûr, celle-ci est une situation extrême, un carnaval à l'envers tout aussi dangereux pour le bien-être des citoyens. Les artisans, les restaurateurs et les hôteliers en souffrent. Et les enfants souffrent, habitués à vivre Venise comme une extension de leur maison, un lieu de rencontres et de splendides promenades.

Quoi faire, alors? Forcément, nous devons tous nous adapter aux normes d'hygiène et de santé, qui nous demandent de maintenir la dis-

tance interpersonnelle, d'avoir prudence, respect, dignité, attention dans les gestes. Le message du virus est donc la bonne éducation! Et si on faisait de nécessité vertu? Imaginer des solutions alternatives pour Venise, comme ville pilote d'un changement des comportements humains, en secondant les indications du COVID, en passant en revue le paradigme économique dont nous sommes victimes et responsables, et les modes de vie qui ont suivi. Si nous attendions la découverte du vaccin les bras croisés, nous permettrions à ceux qui ont provoqué ce drame de faire rage plus qu'auparavant. L'idéal, en revanche, serait de normaliser l'interdiction des rassemblements publics, lorsqu'ils ne résultent que des intérêts économiques. Elle constitue en soi un formidable bâton dans les roues du tourisme de masse et un geste barrière contre la suffocation de la qualité par la violence de la quantité.

François RASTIER

CNRS, Paris, FRANCE

SAUVEGARDER LA VÉRITÉ PAR TEMPS DE PANDÉMIE

Certains courants de la philosophie contemporaine rencontrent les tyrannies religieuses, au détriment de la démocratie. Deux philosophes déconstructeurs, Creston Davis et Santiago Zabala, écrivaient naguère sur *Al Jazeera*: « D'un point de vue politique, des gens croient encore en *des idées nostalgiques et dangereuses* comme "objectivité", "réalité", "vérité" et "valeurs" comme une précondition pour la démocratie » (Je souligne; ces auteurs voient même là des idées « fanatiques »¹).

¹ «The logic of democracy», *Al Jazeera*, 13 mai 2013, en ligne: <https://www.al-jazeera.com/indepth/opinion/2013/05/20135138427260651.html>). L'émirat du Qatar, richissime état féodal dont *Al Jazeera* est l'organe, exclut bien entendu la démocratie et ne peut que se réjouir de sa «déconstruction», puisque la vérité serait une affaire de fanatiques (les scientifiques et les rationalistes). En revanche, rien de fanatique chez le prédicateur vedette de *Al Jazeera*, *Al Qaradawi*, cet idéologue en chef des Frères musulmans qui au même moment prônait l'excision des fillettes.

Ainsi, au delà de la vérité scientifique, c'est le concept même de réalité qui est en jeu. Par exemple, Karl Rove, responsable de la communication de G.W. Bush et artisan de la victoire de son successeur, tint ces propos dans un entretien au journaliste Ron Suskind: « Il m'a dit que les gens comme moi faisaient partie de ces types appartenant à ce que nous appelons la communauté fondée sur la réalité [*the reality-based community*] ». Il ajouta: « Ce n'est plus de cette manière que le monde marche réellement. Nous sommes un empire, maintenant, poursuivit-il, et lorsque nous agissons, nous créons notre propre réalité » (article du *New York Times* publié quelques jours avant l'élection présidentielle de 2004).

Ainsi, les attaques contre la vérité conduisent-elles à l'abandon de tout principe de réalité, pour édifier et imposer, en usant de tous les sophismes et de tous les moyens médiatiques de la propagande, une sorte de monde de substitution parfaitement illusoire. Il est étrange, voire inquiétant qu'il soit encore nécessaire de souligner les dangers économiques, sociaux, politiques et environnementaux de cet aveuglement concerté.

Il n'apparaissent que mieux depuis la pandémie en cours, qu'accompagne et renforce une *infodémie* — terme employé le directeur de l'Organisation mondiale de la santé pour désigner le flux croissant de la désinformation.

L'infodémie est dangereuse, car elle conduit à sous-estimer le danger épidémique, assimilé à celui d'une simple grippe, comme à contester les mesures de précaution présentées comme des atteintes aux libertés contre lesquelles il faudrait se révolter. Elle invite enfin à prendre des médicaments dangereux ou à absorber divers produits douteux, si bien que l'on déplore des morts supplémentaires.

Dans le domaine de la désinformation, deux groupes se distinguent et souvent se rencontrent: des dirigeants populistes classés à l'extrême-droite, comme Donald Trump ou Jair Bolsonaro, et des philosophes post-modernes classés à l'extrême-gauche, comme Alain Badiou ou Giorgio Agamben.

On a vu Trump parler de grippe, recommander des médicaments dont l'efficacité est moins assurée que leurs effets secondaires, voire des traitements par injection de désinfectants; enfin appeler à « libérer » les états démocrates du confinement. Bolsonaro agit de manière comparable.

Parallèlement, Badiou, penseur de l'Événement, proclame dans la presse « qu'il n'y a rien de nouveau sous le soleil »¹, et que l'épidémie est analogue aux précédentes, alors que quatre milliards et demi de personnes sont confinées. Agamben parle d'abord de grippe, puis d'un « complot objectif » qui aurait pour but imposer un état d'exception — confondu à dessein avec l'urgence sanitaire².

Toutefois, ces curieuses convergences ne sauraient dissimuler un fait nouveau: dans l'esprit du public comme dans les grands médias, les scientifiques prennent le pas sur les hommes politiques et *a fortiori* les philosophes diserts. Des virologues et des épidémiologistes font des conférences de presse communes avec des ministres et des chefs d'État. Et, chose inouïe dans ce contexte, ils osent dire: « On ne sait pas », et expliquer que la recherche dépasse les intuitions et exige des validations.

L'espoir de guérison n'explique pas tout, car il peut aussi se satisfaire de prières ou de pratiques superstitieuses. On assiste bien plutôt, en l'occurrence, au retour du principe de réalité qui s'impose peu à peu aux dépens de la démagogie et du *storytelling*. Espérons que ce principe fondamental permette de surmonter les crises à venir.

¹ *Sur la situation épidémique*, Paris, Gallimard, coll. Tracts de crise, 27 mars 2020, p. 7.

² Pour des références sur tout cela, on pourra consulter au besoin « Le conspirationnisme légitimé: Giorgio Agamben et la pandémie », *Conspiracy Watch*, en ligne, 28 mars 2020: <https://www.conspiracywatch.info/le-conspirationnisme-legitime-giorgio-agamben-et-la-pandemie.html>. Pour Agamben, la seule vérité est l'existence du mensonge: « L'humanité entre dans une phase de son histoire où la vérité est réduit à un moment dans le mouvement du faux. Le vrai est le discours faux qui doit être tenu pour vrai même quand sa non-vérité se trouve démontrée. Mais ainsi le langage lui-même comme lieu de la manifestation de la vérité se trouve confisqué aux humains. Ils ne peuvent alors qu'observer en silence le mouvement — vrai parce réel — du mensonge » (« Sul vero e sul falso », Quodlibet, 28 avril 2020, en ligne : <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-sul-vero-e-sul-falso>).

Neyla Graciela PARDO ABRIL

National University of Colombia, Bogota, COLOMBIA

COLOMBIA: UNA LARGA PANDEMIA MARCADA POR SÍNTOMAS DE GRAVEDAD EN 2020

La pandemia en Colombia no es solo una crisis sanitaria, es el estado crítico de un paciente que niega a morirse, en un medio de un contexto social, político y económico complejo marcado por la inequidad, las directrices neoliberales, la vigencia de un conflicto armado de más de sesenta años y la pandemia del COVID-19; todos estos factores coadyuvan a agravar la situación actual, especialmente para las poblaciones empobrecidas y marginalizadas del país. Además de estos eventos, el tema del coronavirus también se ha constituido en un espacio mediático del espectáculo que ha cooptado la agenda mediática y ha impedido que exista una reflexión sobre las causas estructurales de los problemas sociales y sanitarios del país.

Colombia vive y ha vivido en un estado de crisis permanente, el cual constituye una pandemia mayor a la del COVID-19 y en cuyo diagnóstico se pueden identificar causas como la corrupción sistemática en los gobiernos (véase: *Transparencia por Colombia. Informe 3 “Así se mueve la corrupción: Radiografía de los hechos de corrupción en Colombia 2016–2018”*. y *Semana.com* 2020); la acumulación desproporcionada de los grandes capitales en menos del 1% de los colombianos (OXFAM, *Privilegios que niegan derechos*. 2016); la profundización y sobreexplotación del capital humano, entre otros males endémicos. El periodo, desde la detección del primer caso de coronavirus el 6 de marzo de 2020 hasta mediados de mayo, ha permitido verificar que no solo todos estos síntomas están presentes, sino que a las élites políticas y económicas les interesa mantener al paciente moribundo (*Semana.com*, 2020).

Entre los marcadores biológicos más significativos están los sobrecostos en la adquisición de tapabocas dentro del Ejército; las irregularidades en el programa de entrega de subsidios Ingreso Solidario, programa asistencial del gobierno implementado en el marco de la pandemia; y las pretensiones iniciales de la Ministra de Trabajo de no iniciar

las medidas de aislamiento preventivo durante la fase de detección inicial. Se hace evidente el interés de un sector de la población por hacer usufructo económico de la situación, o por mantener funcionando el sistema productivo a pesar de las posibles consecuencias para los trabajadores.

La situación desde un marco político, aparentemente, parecería mejor gestionada que en otros países donde se mantuvo durante más tiempo una normalidad en las actividades cotidianas; sin embargo, las acciones de gobierno, más que una respuesta autónoma, han sido resultado de, por una parte, una coordinación internacional en la toma de decisiones frente al cierre de fronteras internacionales y las medidas generales de aislamiento; y por otra, de una confrontación de poderes, donde los líderes políticos locales han hecho prevalecer su autoridad para permitir la protección de la población y evitar un alcance rápido del pico en el número de personas infectadas (12,930 casos confirmados y 512 muertes a mayo 13 de 2020, ElTiempo.com — Datos). El COVID-19, además, ha servido como plataforma para mantener fuera de foco escándalos mediáticos que relacionan a miembros de la cúpula del actual gobierno y que han tenido una repercusión limitada. La cobertura espectacularizante de los principales medios se ha centrado en una saturación discursiva sobre temas relacionados con la pandemia, ocultando y evitando la polémica frente a temas sociales de interés como el asesinato de líderes sociales y defensores de derechos humanos, el resurgimiento de formas de paramilitarismo en áreas periféricas o la fumigación de cultivos ilícitos. (Indepaz, 95 líderes sociales asesinados entre 1 de enero-5 mayo, 2020).

Uno de esos temas nucleares de esta pandemia indefinida es la desfinanciación del sector salud, que acompañada por la progresiva privatización de los servicios sanitarios y la histórica desigualdad en el acceso a este derecho, produce en la coyuntura actual una mayor propagación del virus. La falta de suministros para la atención médica, la ausencia de infraestructura especializada, la falta de voluntad política para permitir acciones eficientes y las restricciones en el acceso a la detección y al cuidado frente a la enfermedad, multiplican las posibilidades futuras para que haya a corto plazo una emergencia sanitaria y un colapso en los centros médicos.

Los más afectados son las poblaciones subalternizadas, especialmente en las regiones del país donde se ha presentado un abandono sis-

temático del Estado; un caso concreto es el Amazonas donde han aumentado exponencialmente las cifras en los últimos días a causa de la falta de intervención estatal (871 casos, ElTiempo.com, Mapa de casos y muertes por coronavirus por departamentos en Colombia: 13 de mayo, 2020). Sin embargo, las consecuencias no se limitan al bienestar físico de las personas. La pandemia afecta a otros ámbitos y sectores sociales, debido a la falta de gestión sobre la situación de trabajadores informales e independientes, de poblaciones en situación de pobreza, poblaciones que necesitan atención prioritaria y comunidades estigmatizadas por el mismo gobierno.

Susan PETRILLI

Bari University, ITALY/

Adelaide University, AUSTRALIA

ON BEAUTY: TOGETHER FOREVER IN THE TIME OF COVID-19 CORONACRISIS

“Now there shall be a new man
Cohered out of tumult and chaos”

(Walt Whitman, Democratic Vistas)

To understand life and its workings in the search for the sense and significance of it all, and along the way perhaps even (re-)discover the ultimate beauty is no simple affair. That we are committed to survival is a condition and inescapable a priori. Viewpoints, perspectives, beliefs, knowledge, experiences, competences, intentions, goals, sensibilities, perceptions, attitudes and aptitudes, approaches and values vary extraordinarily, at least as much as the personalities engaged in the effort to understand, which involves the effort to interpret and translate, to create, to proceed, to live, to flourish and communicate.

This is the time of the “COVID-19 Coronacrisis”. The world is quickly shutting down. In the effort to resist this potent and at once fragile virus, COVID-19, a threat to life over the entire planet as it freely circulates

across borders — national, economical, political, racial, social, gender, religious, no passport required, no citizenship -, communication channels worldwide are abruptly interrupted. And the common appeal from those who command us and represent us, the politicians (sometimes elected democratically, sometimes our jailor tyrants) is to overriding collaboration, coparticipation and responsibility.

Paradoxically the appeal is to the open collaborative community. Open to what?, given that we have been ordered to lock our doors for fear of the other, the human other, the non-human other, our natural all-embracing environment, our environing universe.

To forms of behaviour based on values oriented by nothing but otherness, by listening and otherness: for the sake of the other, in the name of the other, including myself as other.

We are called to safeguard health, wellbeing, security, to fear for the other: not fear of the other, but fear for the other, for the other's health and security, the condition for my very own survival. We are called to care for the other, for each other, if not for love of the other, for the sake of survival, your own, my own. But even more significantly, the appeal is to each and every one of us, to each individual as a unique, single individual — not to be confused with the selfish, shortsighted, market individualist. We are each called, as single individuals, to take up a participative attitude, a collaborative attitude for the sake of life and survival of the community and its single individual components, local and global, for the sake of the other.

The call to arms is the call to dialogical listening and community participation, to collaborative interruption of all those communicative circuits that threaten life and harm us, the call is to listening and caring for the other, for the sake of the other and of myself as other, for the other's survival, my own, your own.

And this is the beauty of COVID-19. It tells us that we all count, each one of us valuable in herself, in himself: care and responsibility for the other for my own sake and for the sake of every other, ever more so in our global and globalised world.

To at last fully experience the inevitability, the vitality of intercorporeal coimplication, of dialogical interrelatedness, is at last to fully understand the need for gifting cross-community participative listening and

collaboration. And to finally understand the truth of intercorporeal interdependency, of the need for collaborative responsibility worldwide, beyond walls and barriers, as the condition for life to flourish, your life, my life, the other's life, community life, is beauty.

The common threat to life in dimensions never witnessed before, thanks to the power of today's communication channels, tells us — without the least possibility of equivocation — that we are not alone; the isolated human being is delusory. The emergency of global crisis today — ecological, humanitarian, political, economic — reveals the extent to which my body, your body is entangled with the other's body, the extent to which your body is compromised by my body, the other's body, beyond walls and barriers, whether you like it or not, together forever, forever together.

This is the understanding that must drive politics, economics, finance, and law in our global world today — political propaganda is something else. In this context it is clear that security and health are global: security is global security, health is global health — of each and every one of us. Anything less is determined by the limits a given ideology, myopic global market ideology, global communication ideology, national and supranational ideology: the fascist ideology of capitalism today and its consumerist market, a greedy market.

But caring, gifting and responsibility cannot be contained by market logic. They must transcend community boundaries and limitations, which are always ideological identity boundaries and limitations. Real security, health and beauty is the human capacity for encounter with the other, for gifting to the other, for responsibility towards the other, for dialogue with the other well beyond the self-interest of mean and short-sighted market “ideo-logic”.

The global threat to life has at last emphasised how each and every single individual in this world makes a difference, and does so not only for self but for the entire global community worldwide. Each single individual counts in the life and destiny of every other. A community can only survive and flourish in the dialogical, intercorporeal interconnection between one single individual and another single individual, and between single individuals and the overall community totally dependent upon that single individual. Intercorporeality, interrelatedness, interdependency

across the biosphere, our semiosphere, is a biosemiosical fact of life, the very condition itself for communities to flourish socially, culturally, in history.

From a global semiotic perspective, the biosphere and the semiosphere intersect and overlap, indeed global semiotics posits that life and semiosis, sign activity, life and communication converge.

Life is communication and communication is learning, life-long learning, not just newlearning, e-learning, but learning as demanded by the processes of semiosis, evolutionary learning, and also re-learning what we already knew but have forgotten, always investigating and discovering, whether new discovery or re-discovery.

We need to listen to the earth, the sea, the air, in other words to the other, human and nonhuman, together in the beauty of one diversified world, all one with an open, multifaceted, polyphonic, dynamical and dialogical world — “Mark the music”!

Didier TSALA EFFA

Limoges University, FRANCE

LE CORONAVIRUS ET SES MUTATIONS SÉMIOTIQUES: TERRITORIALISATION, URBANISATION ET SOUVERAINETÉ¹

Un des événements, vite traité en apparence (?), fut l'émergence du coronavirus, en tant que signal responsable de la pandémie que le monde traverse depuis plusieurs mois. D'emblée, le coronavirus fut annoncé comme originaire de la ville de Wuhan en Chine, et il avait même été obtenu qu'on pouvait l'y confiner. Pour cela, il suffisait de stopper tout mouvement de la population au-delà de cette frontière. Ce qui fut fait. A ce moment, pour tous les autres pays, le coronavirus était lointain, et suscitait de la curiosité. On s'en tenait à le visualiser, à le schématiser, et on l'imaginait. On se souvient avoir raconté des histoires sur les pratiques

¹ Une terminologie empruntée à Per Aage Brandt.

alimentaires chinoises, mangeurs de pangolins et de chauve-souris et sur des rues vidées; Wuhan décrit parfois comme un paysage lunaire. En somme, le coronavirus était surtout ainsi l'objet de récits, presque ethnologiques, **territorialisés** à Wuhan. Tel en était le premier modèle narratif.

Or, à mesure que qu'il pénétrait nos espaces proches, nos villes, ce modèle narratif se mit à changer. Progressivement, le coronavirus devenait l'objet de rationalisations, nos gouvernements engageant des décisions pour l'esquiver et pour en réduire au maximum la propagation. On parlait alors moins de pangolins et de chauve-souris, pour s'appesantir de plus en plus sur des statistiques, des organisations en clusters. Incidemment, la nature des récits muait et mutait aussi: on parlait de capacités logistiques, de masques, de gels hydro-alcooliques et de gestion administratives des déplacements. Pour les gouvernements, il fallait organiser différemment l'habitation, c'est-à-dire conduire les uns et les autres à adopter des usages plus courtois, à travers des aménagements qui visent opportunément le respect des bonnes manières d'être ensemble. En somme il s'agissait d'**urbaniser** le coronavirus. On le sait, cela correspond au moment où subitement le danger devenait le proche voisin (l'autre immédiat, la région voisine).

La troisième mutation narrative est celle de l'appropriation et de la maîtrise du coronavirus. La question et même le spectacle auquel nous assistons est, quel chercheur, quelle institution, quel laboratoire, aura été érigés, le premier, comme le plus à même de saisir la complexité de ce virus? Car, il faudra bien que quelqu'un et/ou une instance soit reconnus comme ayant été capable de fournir au monde « La » solution salutaire pour en finir, ou tout au moins pour freiner durablement les dégâts dus à ce virus. L'actualité conduit à voir que tout se joue désormais en termes de quête symbolique. Le coronavirus devient le fait de métadiscours, exprimés par des prises de parole médiatiques d'instances scientifiques de très haut niveau. Didier Raoult, telle écurie ou tel consortium de chercheurs, Luc Montagnier, prix Nobel et codécouvreur du virus VIH, ou simplement tel chaman, les prises de parole, en se rabattant ainsi sur des *auctoritas*, ne semblent n'avoir plus pour seul intérêt que de manifester la puissance de la parole qui dit, c'est-à-dire celle dont la validité ne procède que du fait du degré de « sacralité » de celui qui la porte. En bout de course, le coronavirus devient alors l'objet de convoitise, pris presque

malgré lui, dans une tragédie de la possession. Soit donc la troisième mutation, que nous décririons comme celle de l'affirmation d'une **souveraineté** narrative.

Gaston CINGOLANI

National University of Arts, Buenos Aires, ARGENTINA

**(ANTE LA PANDEMIA)
EL SENTIDO COLECTIVO
DE LA NORMALIDAD**

Hoy es un día más? O un día menos? O es un día tan singular que no lo podemos contar como parte de una serie?

La normalidad es eso que nos sucede mientras prestamos atención a las cosas que consideramos importantes, únicas, extraordinarias, aunque sean pequeñas. Esas que creemos que le dan sentido a la vida. Sin embargo (quienes practicamos la semiótica lo sabemos por nuestro trabajo técnico) las cosas extraordinarias producen sentido gracias a un trasfondo que se nos vuelve imperceptible de tan habitual: eso que llamamos "normalidad". Los semióticos insistimos que la normalidad es una construcción que se forma de pequeñas porciones de repetición, por secuencias reunidas alrededor de algún punto que se nos vuelve habitual y tolerable. Casi diría que los semióticos somos estudiosos de la normalidad.

Estudiar la normalidad nos lleva bastante seguido a jugar con un dispositivo artificial donde nos forzamos a hacer visible o perceptible lo naturalizado o normalizado; no lo que está oculto sino lo que habitualmente no percibimos. Y lo hacemos para organizar el conocimiento sobre una sociedad o un grupo. Es decir, surge de la necesidad de requerimiento científico de registrar qué es la "realidad social", aquello que una comunidad más o menos extensa concibe como lo que *es* independientemente de sus valoraciones. Porque la normalidad que habitamos cada uno como individuo en verdad está engranada con las normalidades de los otros. Es que valoramos en silencio pero con mucha fuerza advertir

que nuestro entorno se vuelve previsible y nosotros nos volvemos previsible para nuestro entorno.

Precisamente, uno de los primeros desajustes que tuvimos que soportar en la pandemia por COVID-19 es conocer con mayor detalle y frecuencia cómo es la normalidad de otros individuos y comunidades. Luego, individualmente podemos advertir qué es (o era) la normalidad cuando la echamos de menos. Nos parecía normal algo (bueno o malo) que ya no es. Y por diferencia, hoy podemos reparar en aquello que antes era lo estable, lo conocido, lo “natural”, lo dado. El cambio de estado que puede dar lugar a romper con la (vieja) normalidad y acceso a otra (nueva) a veces es un hecho fortuito o abrupto, otras veces la emergencia paulatina a partir de una serie de factores que nos ofrecen o nos revelan posibilidades distintas a cómo vivimos. En este segundo caso, es indispensable tomar una decisión, no siempre identificable o consciente, de acceder a un cambio.

Actualmente ya se está hablando de la próxima “nueva normalidad”, que vendría después del actual periodo de distanciamiento social como etapa de transición. Pero la nueva normalidad, a diferencia de las dos situaciones planteadas arriba, no será ni una perspectiva de observación forzada y artificial, ni un acontecer individual. Tendrá, en todo caso, la forma de un nuevo ambiente colectivo. Puedo decir esto sin saber en lo más mínimo cómo será esa nueva normalidad, pero ninguna normalidad social se hace individualmente. Cambiarán las reglas, los hábitos, los valores de lo aceptable o inaceptable en los intercambios sociales. Pero curiosamente, y aunque no tenemos en claro cómo será del todo esa nueva normalidad, estamos tempranamente advertidos que será un nuevo tiempo. Por qué? Porque el sentido de la organización colectiva de la normalidad depende en buena medida de su estabilidad en el tiempo, es decir, de lo que hace que dejemos de percibirla. Y con la actual pandemia y sus consecuencias sociológicas no hemos parado de percibir nuestra propia normalidad cotidiana. Ahí se produce la principal (si no única) transformación que estamos atravesando.

Voy a arriesgarme y ofrecer tres comentarios sobre esto que nos está sucediendo.

Uno: no sabemos bien qué nos está sucediendo. Y eso puede parecer una mala broma, como si estuviera haciendo un comentario sin decir

nada, pero en realidad (si mi comentario es cierto) esa es la peor situación. Pese a estar en un lugar familiar, con personas cercanas o simplemente a solas, *no sabemos bien qué nos está sucediendo*. Es, ni más ni menos, que la paradoja que genera la pérdida de las referencias. Son muy pocos los focos en que nos encontramos en condiciones de compartir con los demás algo de certeza sobre lo que sucede. Por ejemplo, la mayoría de nosotros jamás ha dedicado más tiempo a narrar y escuchar la narración de los detalles cotidianos como en estos últimos meses. Y, como si fuera poco, nos hemos retraído del espacio público: del urbano por confinamiento y del mediático porque los comentarios públicos de los referentes en los medios (periodistas, políticos, personalidades con acceso a la palabra) no nos resultan ni más reveladores ni muy diferentes de los de quienes tomamos como uno más de nosotros.

Dos: parece bastante claro que el mayor daño no lo ha hecho el virus como colonia de microorganismos que ataca los cuerpos sino como amenaza invisible y ubicua, que nos llevó a cambiar masivamente nuestras prácticas cotidianas. El daño evidentemente se produjo a nivel de la mente colectiva e individual. La especie humana tiene en su capacidad de adaptación organizada cooperativamente su principal fortaleza. Entonces, si pierde la orientación sobre cómo organizarse, deja su flanco más débil al descubierto.

Si tuviéramos que pensar en un peligro que amenace a la especie hasta su extinción, deberíamos buscarlo no en algo que nos pueda derrotar físicamente sino algo que se meta con nuestras capacidades sociales autoorganizativas. La destrucción de la normalidad es el flechazo en el talón de Aquiles.

Tres: y para terminar con un mensaje de esperanza, ya se ha dicho que peor que la muerte es la pérdida de sentido. Para no resultar tan trágicos, la visión optimista busca ver esta etapa como una transición. Aún no percibimos cuál será el modo de vida después de esta crisis, qué forma tomará la nueva normalidad. Pero el progresivo convencimiento de que habrá una “nueva normalidad” (otra vez ofrezco solo una paradoja) ya es un gran avance.

Dado que habrá que fortalecerse desde nuevos hábitos, las resistencias a un nuevo encuadre pretendiendo que todo sea como antes solo generará un desgaste de energía que convendría aprovechar para produ-

cir nuevas maneras de organización. Y debemos buscar los elementos de esa nueva normalidad en nuestro propio entorno colectivo. Toda normalidad habita en el residuo de una normalidad anterior y preestablece las bases de la futura, a veces como utopía, otras como epopeya, otras como política. En cualquier caso, será la colectividad la que nos ofrezca el sentido de la nueva normalidad.

Franciscu SEDDA
Caqliari University, ITALY

**THE VIRUS, THE STATES,
THE COLLECTIVES:
SEMIOPOLITICAL INTERACTIONS**

The coronavirus entered in our lives as a real “accident”, not only because its emergence has not been humanly planned, as conspiracy theorists maintain, but also because the extent of its effects is such as to present itself as unknown for the vast majority of people living on the planet today: the last comparable pandemic was in fact the Spanish flu of 1918–1920, therefore a phenomenon out of the experiential reach of everyone if a few centenarians are excluded, such as the Slovenian writer Boris Pahor, who is 107 years old today and who, when he was 5, lost his sister Mimica precisely because of the Spanish flu.

COVID-19 was immediately thought of as a planetary phenomenon, however the course of its development and the concrete geopolitical conditions of the current world favoured a response on a state basis. The same coordination and leading role in scientific matters assumed by transnational entities such as the World Health Organization has not prevented the immediate response to the virus from being local and locally different. Among others, this arose the problem of the function and maintenance of supranational institutions, such as the European Union, and placed the value of international cooperation at the centre of the discussion, split between acts of international solidarity and moves attributable to more or less explicit forms of soft power.

If on the one hand the crisis, giving centrality to science and medical research, has emphasized the global and cooperative dimension of the response, on the other the concreteness of the institutional choices put in place to face the threat posed by COVID-19 has made tangible the disunity of the world, or at least its institutional discrepancy, the different cultural relationship of governments and societies facing risk. And specifically, an unexpected, peculiar, invisible risk, such as that produced by a virus that can spread asymptotically.

It is significant, in this sense, that within a few weeks the debate on COVID-19 has welcomed historical-anthropological reconstructions on the way in which specific places and cultures have in the past responded to pandemics. Hence our idea of attempting a semiotic excavation on the theme, which takes as reference the model of the regimes of meaning developed by Eric Landowski in his book *Les interactions risquées* and in other more recent developments of the topic, which we will twist to our needs here. We will therefore use the analysis grid which is based on the opposition between a *programmed* and a *random* interaction and which then develops by identifying the positions of a *manipulative* (non-random) interaction and one by *adjustment* (non-programmed). We will explain concepts and terms better in the course of the essay, however we must immediately notice a difference with the Landowskian approach, which can also be read as a specification or an advancement of the model: while this implicitly hinged on a two-term interaction, the interaction that the pandemic accident triggered brings at least three terms into play.

In fact, it is not limited to the relationship between the action of the virus and the response of the states but calls into question, before and within the latter, the governed. In other words, the virus always forces us to redefine the relationship between rulers and governed and therefore the form of the collective as a whole. This can be seen very clearly in the distinction between programmatic and random responses to the virus, on the one hand, and manipulative and adjustment responses, on the other. The first two, although opposed, at this juncture tend to unite for the fact of treating the governed in an *objectifying* way: the state, in front of the virus, treats them in both cases as a passive object, a *population* to operate on in the case programming or a collection of *individuals and factions* to be allowed to persist in their own condition of fragility

and relative disorganization in the case of uncertainty taken as a way of action.

Instead in the cases of manipulation and adjustment, the virus is the trigger to put two other *subjectifying* modulations of the relationship between rulers and governed at the centre: in the case of manipulation, the establishment of the collective as *a people* with a will to be solicited or mobilized, in the case of the adjustment the instauration of a *citizenship* with a shared and autonomous sensitivity.

The following scheme aims to summarize part of the results that will emerge from the analysis. However, specifications must be made.

The first is that our work has an exploratory rather than theoretical aim. So it is aimed at exploiting the semiotic tools “live”, in order to grasp unexpected aspects of the experience in which we are immersed. As will be seen, this also means letting methodological and theoretical doubts and problems emerge, while solutions are only hinted at, hypothesized or postponed to another type of work.

The second question is that a more precise visualization, better than the one here, it should be able to keep track of the dynamic and complex dimension of the political interactions at stake. From this point of view, the scheme must be understood as a “field” — saturated with relationships, tensions, figures — within which positioning and movements operate.

Finally, all these warnings allow us to return to some general theoretical questions. Firstly, the fact of the four regimes of uncertainty, adjustment, manipulation and programming — with the related risk responses (denial, coexistence, containment, elimination), methods of interaction (confusion, empowerment, motivation, control) and formation of collectives (individuality, citizenship, people, population) — actually *happen together and on different levels*. We will see, for example, how each choice made by the institutions calls into question or implies some assumption about the sensitivity, habits, of their own rulers as a background. It is also evident that the same methods of interaction between viruses, states and collectives are subject, as we have mentioned, to a *processual dimension* and therefore to the possibility of varying over time, based on situations and contingencies.

This exposes, for example, to the gradual or sudden passage between different logics (from randomness to programming, from manipulation

to adjustment etc.); to the general feeling that we are in an uncertain process of adjustment (not only between sensitivity but also between human or non-human wills, such as that represented by the virus); to the possibility that the very mutability of the institutional action choices could provoke an overall effect of randomness which replicates the logic of the accident that triggered them.

However, it seems clear to us that there are *dominants*, or logics that from state to state tend to impose themselves as guidelines in the response to the virus and in the management of the relationship between governors and governed. These logics are at the same time *languages*, that is, ways of shaping the response to risk, the interaction between rulers and governed, the form of the collective. At the same time these logics are *polarities*, that is, points in a field that steer action, trends, transformations.

We will now see these dominants in more detail. First, however, we are interested in emphasizing that we will focus on the immediate reactions (or in any case, the reactions related to the very first moments of the crisis) implemented by the states: that is, those in which the exposure to the accident made the different methods to cope with more evident. These methods are at the same time cultural and political: for this reason we will talk about of the *semiopolitical* response to the accident provoked and represented by the coronavirus.

(Text published in Italian as an introduction of the following essay: “Il virus, gli stati, i collettivi: interazioni semiopolitiche”, *E/C — Rivista online dell’Associazione Italiana di Studi Semiotici*, online from April 15th 2020 (ec-aiss.it). Working version in English by Franciscu Sedda.)

Bianca SUAREZ PUERTA

National University of Colombia, Bogota, COLOMBIA

CAMBIOS DE PARADIGMAS ECOSEMIÓTICOS

Hacía ya años que no llamaba por teléfono a la abuela a preguntarle por una de sus deliciosas recetas. La llamé porque hace años ella nos

contaba de sus viajes, en sus épocas de soltera, como profesora a comunidades indígenas en Cauca. A ella le preocupaba que sus alumnos se alimentaran mejor y así mejoraban la comprensión de sus clases. A veces no había qué otras cosas comer, pero sí había unos tipos de banano, que en Colombia llamamos colicero. Estos al hacerlos en sopa sin muchos otros ingredientes, son una buena fuente alimenticia para subir las defensas. En la llamada se acordó perfectamente de los trucos de la receta, de pelar el banano con cuchara de palo, de ponerle cilantro y me recordó que en estos días bien de encierro y virus letales nos sirven para estar “alentaditos”.

Unos días después, al celebrar su cumpleaños número 93, nos citamos mas de 20 personas de diferentes países y hogares en una video llamada. La principal sorpresa de la llamada fue ver un video que habíamos editado en días anteriores donde varios cantaban y otros tocaban instrumentos interpretando una canción sobre los altibajos que nos hacen disfrutar la vida. Ella me describió después que no alcanzó a captar todo, pidió repetir el video. Al principio de ese día pensó que sería un cumpleaños en la soledad de su hogar, pero al devolver el video se dio cuenta de muchos más detalles, que no había notado en un principio; que todo puede comenzar de nuevo.

En estos tiempos que nos ha tocado vivir ya se ha vuelto normal las video llamadas, los webinar, las interpretaciones de grupos musicales que se ensamblan a la distancia y los pedidos a la plaza de mercado mas cercana vía WhatsApp. Este encierro nos han hecho estar cada día más conectados con nuestras redes locales, a ser compasivos con personas en necesidad, a utilizar la tecnología de creativamente, y a aprender a estar en silencio y quietud con nosotros mismos de nuevas maneras.

En el siglo pasado, los bosques tropicales donde viven alrededor de dos tercios de los organismos vivos del mundo, se han reducido a la mitad. Los estudios demuestran la disminución en la población de insectos a casi un cuarto. En los estudios que hicimos el año pasado junto a otros miembros de la red Proplayas, en lugares en Colombia donde antes se podían apreciar lobos marinos, ya no se encuentra ninguno. Los pescadores arrastran con sus redes miles de pecesitos que no alcanzan la madurez para llegar a reproducirse, ni a llegar a algún plato. En la región de la Guajira, las cifras aumentan mes a mes mostrando que niños y ancia-

nos mueren por falta de alimentos. Esta profunda pérdida de hábitat tiene un efecto dominó en todo el ecosistema. No se trata solo de cuántas especies tenemos en un ecosistema; se trata de para qué seguimos reproduciendo hábitos, que involucran la supervivencia y el bienestar de todos.

Por su parte, la ecosemiótica es una rama de la semiótica en su intersección con la ecología humana, la antropología ecológica y la economía de la cultura verde. En general esta ciencia estudia los procesos de signos en la cultura que se relacionan con otros seres vivos, comunidades y paisajes. Aunque las especies animales atribuyen significados al ambiente en función de sus necesidades, para la cultura humana el ambiente puede ser significativo mediante la simbolización de animales, paisajes, interacciones socio-naturales y el valor se da en la medida que tiene una función y es usado. Los conceptos o los modelos basados en signos que usan las personas sirven para el diseño y la transformación del entorno. Es así como las representaciones culturales, incluidas las del turismo de playa, a su vez influyen en el medio natural a través de las acciones humanas.

Dentro de los múltiples niveles de análisis que nos permite el ambiente, no es una idea novel mencionar que la actividad del turismo se desprende de las ciencias económicas; y que tiene en cuenta para su operación los aportes del mercadeo. Pero en sus orígenes diacrónicos el turismo deviene de la geografía, del fruto de expedicionarios que hallaban placer al conocer, medir y contabilizar tierras lejanas. También los antropólogos que documentan sus viajes centrándose en transcribir en un diario de viaje reflexiones filosóficas e ideas que vinculan muchas disciplinas académicas, como la sociología, la geología, la música, la historia y la literatura. Así pues, el turismo se ha alejado de su esencia.

Con esta recomendación no pretendo plantear dejar el turismo. Por el contrario, creo que el mercadeo es importante desde su aporte a la planificación de las acciones para asegurar una sostenibilidad económica. Pero las propuestas de mercados de turismo masivo, ha llevado al declive del ambiente. Estos grandes focos de turismo han conllevado a una ruptura, a la desarticulación del territorio con las poblaciones locales y a un desequilibrio en el ecosistema.

En el pasado hemos fomentado un modelo de desarrollo rural centrado en un modelo industrializado, desestimando los mercados comunitarios sostenibles y nuestra megadiversidad, donde territorios necesitan

generar actividades para asegurar la capacidad alimentaria de la población. A muchos de estos territorios de turismo masivo se imponen modelos importados homogenizantes, se importan alimentos, pero en esta forma de turismo se desestima las producciones y cultura local, convirtiéndolos en dependientes del mercado externo.

Me gustaría proponer en la Red Proplayas la discusión sobre la posibilidad de un turismo local, bueno, limpio y justo, con autonomía y en defensa de la protección del mar. Alta calidad en la propuesta cultural que se ofrece, además de altas cualidades nutricionales en las ofertas gastronómicas. que la comida que ofrecemos en nuestros sitios donde llegan huéspedes se ofrezcan dietas balanceadas, limpias, que se respete el ambiente, el bienestar animal, la vida salvaje. Estos nuevos modos de producción, implica un manejo sostenible de nuestros ecosistemas, incluyendo las comunidades locales, rurales aledañas al destino. Esto incluye tener en cuenta en la planificación sistemas desde la producción hasta el descarte en términos alimentarios. Desde el estudio y conocimiento de las semillas, la vigilancia de especies nativas, la calidad del agua, la producción diversa, la comercialización en el sistema del turismo de ofertas variadas, diferentes y diferenciales, hasta el consumo pensando también en el bienestar de nuestros visitantes. Esta es una transformación a un turismo de alta calidad.

Creo que este encierro es momento para pensar el modelo, y devolver el video para darnos cuenta de aspectos que no habíamos tenido en cuenta hace unas semanas. Al re conceptualizar el turismo, sería importante planear primero en el bienestar de todos, en especial de las comunidades locales que se verán beneficiadas de la actividad turística y así asegurar una sostenibilidad socio-cultural.

De esta manera propongo formar también un turista interesado en un intercambio de alto valor. Su experiencia y satisfacción está en realizar una expedición a lo desconocido, teniendo de antemano que la oferta será diversa, sostenible para las comunidades locales, promoviendo los intercambios justos. Así los habitantes de un territorio son los principales beneficiarios, no los turistas. El momento de reflexionar, parar, apagar el televisor, conectarme con las dinámicas locales y comenzar de nuevo haya llegado.

Rahilya GEYBULLAYEVA

Baku Slavic University, AZERBAIJAN

**MY FIVE MONTH ODYSSEY
DURING THE COVID-19 PANDEMIC:
HOW TO MAKE AN URGENT DECISION?**

In 2020, I was at Harvard University as a visiting professor, and my pandemic diary suddenly began in March, when in a regular daily mailing to all students and staff (regular and invited), I received the information that all dorms should be released within a week, i.e. until March 15. Before that, in the United States, people seemed to be living ordinary life, and the new coronavirus seemed to exist outside the country, without touching it in any way. Unlike Spain and Italy, Harvard, like other local universities, worked as usual, no one was obliged to wear masks, even in clinics: neither doctors nor patients. Only everywhere, and even in the elevator, there was hand sanitizer.

In fact, I did not have time to ponder the question of whether to leave the country or wait for a random an unexpected situation with an unknown enemy in the form of a new virus that invaded China, South Korea and part of Europe. But on weekends, the usually calm Harvard Yard, with dorms and libraries, was only worried during student strikes (for example, in December 2019), filled with confused young people saying goodbye to each other with boxes in their hands: everyone was preparing for a forced departure. And in my house, there were practically no inhabitants left.

I take the final decision to return to my homeland in Azerbaijan, not yet realizing the unexpected and unpredictable situation, when a couple of days later, on March 13, Trump announced the closure of the borders, leaving only the communication with the UK. I have time for an evening flight to London on March 15. The completely empty airport relieved the tension that had snowballed with the March email. There was no direct flight from Boston to Baku, so I had to change planes via London. So far, it was calm there and even a lockdown had not been introduced yet. I was going to stay in this oasis of peace for a week.

Coronavirus and myths

This is how my odyssey began, like many of my other colleagues who found themselves in the same situation of being forced to leave America. It happened that the week became a month, and the month changed to another month, and I had to try on the role of Odysseus and other literary characters, for example, Beirek (this is one of the heroes of the Oghuz epic “Kitabi Dede Korkut” returning from captivity), who cannot return home for a variety of adventures. So we and our little grandchildren began to invent a fairy tale about the coronavirus, which was none other than a new Koschey, who held people captive and did not let them go home. When people defeat him, he will go to his fairy tale in the form of another monster. How to win an enemy — a new Koschey — children offered their own versions.

Meanwhile, the whole world took up the search for versions and ways of how to defeat an insidious unexpected enemy who had brought half the world to its knees: doctors trying to save the sick and finding a vaccine, officials of educational institutions making decisions about online or combined education, vigilant government officials deciding to close their country’s borders from real and perceived carriers of this still recalcitrant virus.

Later, the question of whether to issue visas to foreign students admitted to an American university (universities began to challenge the decision of state bodies in this area), as well as whether to accept back visiting researchers who had an American work visa, was discussed. A number of steps were taken to get university life back on track in a safe way (Steps for students returning to campus. The Harvard Gazette, 08/20/2020).

Life during a forced Odyssey

It just so happened that for more than four months of forced wanderings, by the will of fate, I visited four countries, never being able to get to my homeland due to the lack of flights and the closure of borders. This experience was a good occasion to compare some aspects of life that I had to face. From wearing masks during flights or obtaining a walk permit to fines in case of forced (due to a decision of the state!) Refusal

to rent housing or medical care, as well as a mandatory test upon entering the country and the material side of the issue — all these adventures resulted in unexpected reflections on what country it was good to live in (paraphrasing the well-known Nekrasov's expression).

It was this experience in an extreme situation — a pandemic and a forced lockdown — with different rules on the ground that helped me to identify the difference in ethical and financial aspects of the same problems, the discussion and assessment of which could help improve the general rules.

Frédéric LAUGRAND

KU Leven, BELGIUM

TINTAMARRE ET BULALAKAW: PARER AU COVID PAR LE RITUEL

L'africaniste Luc de Heusch, l'un des plus grands anthropologues belges du XXe siècle, définissait les rites comme « un projet d'ordre pour défendre ou restaurer l'être dégradé, accroître son potentiel vital ou, inversement, détruire l'être-de-l'autre ».

Il proposait de distinguer trois types d'action: des rites cycliques de l'ordre de la structure (les fêtes de Noël, par exemple); des rites de passage ou transitifs liés à un temps irréversible (comme l'initiation des jeunes ou les anniversaires); et des rites occasionnels qui offrent une parade aux dérèglements historiques de l'ordre collectif et cyclique.

Avec la crise du COVID-19, ces derniers ont le vent en poupe. Ils s'observent dans plusieurs régions de la planète.

La protection des esprits

Aux Philippines, certaines populations autochtones ont réagi à la crise sanitaire en mettant en œuvre ce type de rites. À Mindanao, des communautés ont invoqué les esprits pour leur demander de les protéger contre l'épidémie. Pour plusieurs de ces communautés, comme les

Bukinon, « les désastres se produisent du fait que les humains violent les lois de la nature ». D'autres ont exprimé la nécessité de rétablir des relations harmonieuses avec les esprits de la Terre et le reste du vivant.

Selon le *Mindanao Daily*, de multiples rituels ont été orchestrés: le Panagpeng, qui consiste à demander protection contre les maladies et les calamités, et implique le sacrifice d'un poulet; le Panalawahig, qui s'adresse directement à Bulalakaw, le gardien de l'eau susceptible de la purifier lorsqu'elle est souillée par les humains; ou encore le Pamugsa, une pratique destinée à bloquer les catastrophes qui affectent les montagnes, les forêts ou les communautés.

Sur l'île de Luzon, les peuples de la cordillère centrale, comme les Kalinga, les Ifugao et les Isneg ont réagi de façon analogue, fermant les accès à leurs villages et mettant en œuvre des rites communautaires sous la houlette des aînés. Ces performances portent plusieurs noms selon les langues: tengaw/tengao chez les Kalinga, te-er, to-or, far-e, ubaya ou tun-gro ailleurs, la région comportant plus d'une quinzaine de groupes distincts.

La presse locale rapporte que des paquets d'herbe attachés légèrement par un nœud ont été placés sur les chemins afin d'interdire aux gens de franchir ces passages. Dans la région de Bontoc, d'autres ont pratiqué le sedey, un rituel qui consiste à invoquer l'aide de Lumawig, l'être suprême, pour protéger leur communauté. Dans bien des cas, ce sont les entrailles des poulets et des cochons qui indiquent que la requête a été entendue.

Fermer les portes

En Indonésie, plusieurs populations autochtones ont adopté des comportements similaires. Dans le Nusa Tenggara (les Petites îles de la Sonde), les leaders des groupes Kengge, Seso et Rongga se sont réunis sur la plage de Mbolata, à l'est de Manggarai, pour pratiquer des rituels de type podo destinés à chasser la maladie. Un coq noir et un œuf ont été offerts en sacrifice et le rituel du Pele Le Tadu Lau ou Pele Le Galu Lalu, qui signifie littéralement « fermer les accès », a été effectué.

Un journaliste local cite les explications d'un des chefs du groupe: « *Nous demandons à nos ancêtres de fermer les portes afin de prévenir l'arrivée du virus parmi nous* ».

Dans la province du parc national Bukit Duabelas (TNBD), des ethnies ont mis en place un système comparable à la distanciation sociale connu sous le nom du *besasandingon*, lequel implique des actes d'isolement pour les malades et de l'aide supplémentaire de la part des plus vaillants.

D'autres rites occasionnels auraient été observés en Thaïlande chez les Karen, ou encore en Malaisie chez des Orang-Asli qui, eux, auraient décidé de s'isoler en forêt.

La logique des rites occasionnels est bien connue en anthropologie, et Luc de Heusch et Victor Turner, qui en ont étudié plusieurs chez les Tetela du Kasai et les Ndembu d'Afrique du Sud respectivement, rappellent comment ces pratiques sont destinées à parer l'imprévisible, à faire face à l'irruption d'une maladie ou d'une menace inédite, comme la guerre.

Et en Europe?

D'aucuns trouveront ces réactions locales peu efficaces et pour le moins singulières pour faire face à la catastrophe. C'est oublier que la gestion de la crise sanitaire du COVID-19 en Europe peut elle aussi se lire comme un vaste rite occasionnel dont les séquences se télescopent.

Certes, la crise a fait naître le besoin d'inventer de nouveaux rituels, sur le plan des pratiques funéraires, par exemple, mais son orchestration globale s'inscrit dans une structure ternaire, jadis bien documentée par Van Gennep et reprise par Turner. S'y repère, d'abord, une phase de *séparation* qu'a opérée le confinement décrété par de nombreux États, les conduisant à fermer les frontières et à s'isoler du reste du monde. La période du déconfinement est assurément celle de la *transition*, une phase de l'entre-deux dite liminaire, avec son inconfort et ses dangers. Et cette période en précède une d'*agrégation* qui s'ouvre avec la réouverture des cafés, des restaurants et des hôtels.

Pour voir la mise en œuvre d'un rite occasionnel en Europe, il faut remonter au début de la crise, lorsque le confinement total est prononcé. Cette décision de privilégier « la vie » à l'économie, d'arrêter le flux habituel pour le salut des humains, et en particulier les plus fragiles que sont les plus âgés, ouvre le rituel.

Les épidémiologistes en maîtres cérémoniels

Par le biais de leurs gouvernements, les États européens ont alors explicitement pris la responsabilité de gérer une catastrophe annoncée, quitte à « déclarer la guerre au virus », comme cela s'est vu en France, lui reconnaissant du coup une capacité d'agir, une agentivité propre. Les ingrédients classiques de nombreux rites se lisent ensuite de façon évidente, à commencer par les masques et les vêtements *ad hoc* pour s'isoler des agents pathogènes.

Le rituel a aussi révélé ses « devins », plus ou moins visibles: les membres des « conseils scientifiques » et autres épidémiologistes largement mis en scène par les médias. Bien que souvent construits sur des chiffres incomplets voire erronés, leurs calculs, leurs projections et leurs équations sont à la base des décisions prises par les politiques.

Le mal, lui, est resté invisible, méconnu. Dans le doute, même les plus sceptiques ont emboîté le pas. Car ce sont bien ces épidémiologistes les chefs d'orchestre, les « grands sorciers », les maîtres cérémoniels en charge du déroulement des opérations. Le contraste entre d'une part la précision de leurs courbes et de leurs modèles rigoureux, leur assurance et leur foi dans les prévisions à venir, qui les incite à dicter ici et là les injonctions de circonstance, et d'autre part le flou d'une maladie insaisissable, dont on découvre encore chaque jour des caractéristiques nouvelles, est flagrant.

Les victimes sacrificielles, elles, n'ont pas manqué à l'appel solennel: des professions dites « à risque » et socialement défavorisées mais sommées de travailler au cœur de la crise (avec ou sans protection), des personnes âgées abandonnées à leur sort dans leurs maisons de repos, des secteurs entiers de l'économie et des investissements détruits instantanément, des pertes financières colossales, des années d'endettement et de vaches maigres pour les générations futures, etc.

Les sirènes et le tintamarre de 20 heures

Et tout comme les rites renvoient à un ordre des choses et à un ordre du monde, le traitement du COVID-19 s'est imposé à la fois individuellement et collectivement par le décret de strictes règles à suivre qui, à bien des égards, évoquent les tabous: distanciation sociale, limite des 100 kilomètres pour tout déplacement, etc.

Gare à ceux et celles qui voudraient y déroger! Ils prennent alors des risques personnels et mettent en danger l'ensemble du groupe ainsi que toute l'opération « médico-religieuse » en cours, pour reprendre encore les termes de De Heusch.

Excepté quelques fondamentalistes, les religions se sont tues, s'inclinant à leur tour face à la décision des devins. Et sur le plan sonore, entre les sirènes et le tintamarre quotidien de 20 heures, l'orchestre a joué sans cesse, jusqu'au déconfinement.

Ce sont encore les États qui ont décrété le moment du déconfinement venu. Pour cela, ils n'ont pas hésité à nier la courbe en cloche du virus, une forme récurrente et pourtant largement mystérieuse, selon l'avis des spécialistes des maladies infectieuses. Les gouvernements et leurs maîtres cérémoniels ont préféré, au contraire, y voir les effets manifestes des mesures de confinement et de distanciation sociale prises quelques semaines plus tôt, encaissant ainsi le crédit de ce « succès » et faisant valoir l'efficacité de leurs dispositifs. Qu'importe que les masques et les tests aient manqué ou qu'on ignore les mécanismes de l'immunité collective. La courbe du virus, dit-on, a été infléchi par la prophylaxie. D'ailleurs, si des signes inquiétants d'une reprise de l'épidémie apparaissaient, les mesures de confinement s'imposeraient de nouveau.

L'incapacité à anticiper

De Heusch, à propos des Lunda, souligne que la maladie est à la fois signe et épiphanie, qu'elle contient la promesse d'une vie meilleure. Comment ne pas relier à cet espoir les discours des uns et des autres qui fleurissent aujourd'hui, tout un chacun appelant à un monde meilleur, caressant le rêve d'une vie plus équilibrée et plus respectueuse de la nature?

Avec ces rites occasionnels, les peuples de l'Asie du Sud-Est et les Occidentaux aboutissent à des conclusions qui ne sont pas si éloignées les unes des autres, en dépit des chemins différents qu'elles empruntent. La catastrophe du COVID-19 est lue par tous comme le signe tangible d'un dérèglement des relations entre les humains et leur environnement.

Ici, le salut ne dépend cependant plus des divinités ou des esprits maîtres. Il a été confié aux experts et à la technique. Et pourtant, ce virus rappelle la place que nous, humains, occupons au sein — et non au-des-

sus — du vivant; en somme, notre profonde vulnérabilité et notre incapacité à anticiper.

(Source : <https://theconversation.com/tintamarre-et-bulalakaw-parer-au-covid-par-le-rituel-140298>. *Ce texte est publié simultanément dans la collection « Le virus de la recherche », une initiative de l'éditeur PUG en partenariat avec The Conversation et l'Université Grenoble Alpes.*)

Natalya EMEL'YANOVA

State Academic University for the Humanities, RUSSIA

TRIUMPH OF THE INTERNET AND SOCIAL CONNECTIONS

The year of 2020, without exaggeration, was the year of the Internet's triumph. At some moment, not just a significant part of life, but almost the entire life of many people on Earth was related to the Internet: its presence or absence was associated with communication with colleagues, friends and relatives, and even more — interaction with the entire world. All of us unwillingly mixed private with public and media, and became Internet-addicted. For the first time, humanity became involved in an unprecedented global “social experiment”, the results of which, I think, can be sufficiently evaluated much later. So far, we are trying to collect as many semantic puzzles as possible about what happens to an individual and society in the context of a radical change in the status and even nature of social cohesion.

So, perhaps we have never been as close to the information society as in 2020. The pandemic has provided a lot of opportunities for the information man and the digital man. Despite all the scepticism, someone finally got used to digital technologies and realized how convenient they are. Someone has improved their skills. Someone gladly accepted the opportunity to spend more time in the digital world, because they have long been sure that activity is only being transferred to a new form, that considerably simplifies and indeed enriches it. However, the last statement seems to be the most controversial. Are we able doubling all social

activity online, or is it possible to transfer only high-quality imitations of this activity into the virtual space?

Take, for example, the motivational qualities of an individual. Motivation as a manifestation of personality is not always stable. Many factors influence it. One of the most significant factors is the establishment and development of interpersonal relations, as they form a specific microclimate in a social group and the importance of the Self in the group. But is it possible to feel the significance of one's Self, and then the importance of the other ones, looking at the smartphone screen or sitting at the monitor screen, looking into the eyes of another through the screen, sometimes without even seeing him behind the profile picture? Online allows you to cover geographical distances in seconds, instantly connect people from different parts of the world, but there is no guarantee that they can understand and be understood (of course, I do not mean here the linguistic difficulties of translation).

It seems that remotely, thanks to Internet technologies, it is possible to establish initial social communications or maintain existing social relations, but the deepening and qualitative expansion of social cohesion, the establishment of a truly trusting communication, which combines verbal and non-verbal components, is impossible without prolonged live communication. Shallow social contact, the frequency of which is increasing significantly, thanks to an online format, can exacerbate the risk of losing close social coordination. And without close social coordination, by the way, it is hard to imagine the birth of innovative ideas, which once included the Internet itself.

Perhaps by a loss of a suddenly very relevant socio-psychological climate, not just by regulatory constraints, that we need to prevent the spread of COVID-19, the fatigue from the pandemic can be explained. That exhaustion also has been radicalised in a phenomenon of COVID-dissidence.

But I would like to believe that the new routine and the triumph of the Internet in 2020 simultaneously paved the way for a proportional combination of an informational person with an ordinary person who is not afraid of simple human joys that are impossible without real communication with each other. In any case, I believe that the post-view world is the world of a harmonious “phygital” person who does not lose touch with social reality.

Inna MERKOULOVA

State Academic University for the Humanities, RUSSIA

Marina MERKOULOVA

*Russian State University for the Humanities,
Moscow City Pedagogical University, RUSSIA*

LE MONDE ENTIER EST UN THÉÂTRE: SÉMIOTIQUE DE LA CULTURE À L'ÉPOQUE DE LA CRISE SANITAIRE

Pas de bonheur dans l'univers, mais une quiétude, une liberté.
Un seul dessein me hante, depuis longtemps:
Esclave usé, je rêve de fuir
Dans une demeure lointaine
d'un dur travail et d'une pure joie.

A.S. Pouchkine

À l'ère des épreuves les plus difficiles, les gens se tournent généralement vers l'essentiel, vers les sources, qu'il s'agisse de simples traditions ou des paroles d'un poète national. « Un nom joyeux: Pouchkine », selon l'expression de Blok, nous apporte la consolation par sa légèreté, le charme de son génie et l'exemple d'une vie dignement vécue, lorsque l'essentiel n'est pas de savoir comment une personne dit ou projette de faire, mais comment elle agit: quand l'honneur et sa défense est le noyau principal de la poésie et du destin.

En écrivant ces lignes en 1834, Alexandre Sergueïevitch Pouchkine était en pleine floraison de créativité, il était marié à la belle Natalia Nikolaïevna, et toutes les péripéties et le duel tragique de 1837 étaient encore devant lui. Mais l' « Automne de Boldino » de 1830 avait déjà été vécu, cet automne où l'épidémie de choléra tenait le poète dans sa propriété de Boldino, à distance de Moscou et de sa fiancée, cet automne de quarantaine où il avait écrit les derniers chapitres d' *Eugène Onéguine* et le cycle des *Petites tragédies*, y compris *Le Festin en temps de peste*.

Probablement, la quintessence de l'expérience de la quarantaine est-elle le plus clairement exprimée par Pouchkine dans le poème cité, quand il écrit sur les valeurs principales: *quiétude, liberté, demeure* « lointaine » d'un dur travail et d'une pure joie.

C'est exactement ce dont nous avons été privés en 2020: la quiétude intérieure, en raison de l'avenir incertain et du moment inconnu de la fin de la pandémie; la liberté, en raison du confinement et de diverses restrictions; enfin, les perspectives de la demeure « lointaine » comme possibilité de créer ou de se détendre, ou les deux.

Cependant, ce dernier point mérite d'être présenté plus en détail. Parce qu'ici, un paradoxe est apparu: les formes traditionnelles de loisirs culturels — théâtre, cinéma, musée, salle de concert — se sont avérées inaccessibles ou peu accessibles (avec 50 ou 25% d'occupation des salles et des mesures restrictives pour les spectateurs plus âgés), mais c'est ce vide qui est devenu le catalyseur pour beaucoup de projets en ligne originaux et innovants. Qui aurait pu imaginer il y a un an que les lectures nocturnes virtuelles de poésie par des artistes et écrivains célèbres ou leurs dialogues entre eux sur les réseaux sociaux deviendraient une nouvelle norme culturelle? Que les théâtres russes et étrangers organiseraient « des conversations téléphoniques » avec des spectateurs et des premières en direct? Que la vidéo des solistes du ballet du Théâtre Mikhaïlovsky à Saint-Petersbourg avec des répétitions à domicile recueillerait des millions de vues et de réactions enthousiastes à travers le monde? Que pour beaucoup d'entre nous nos musées préférés manqueraient tellement qu'ils iraient eux-mêmes « à la rencontre » du public, et pas seulement avec des excursions virtuelles, mais avec des projets linguistiques tels que « Personne ne (fait) » (Flash mob *Je m'ennuie*): « Personne ne regarde le tableau », « Personne n'oublie son parapluie à l'entrée », « Personne ne pose de question au gardien » — reviens vite, cher visiteur, tu nous manques! Qu'un nouveau format serait créé, celui du festival en ligne d'une seule pièce, afin de faire redécouvrir l'œuvre du dramaturge exceptionnel Alexandre Vampilov, ce « Tchekhov du XXème siècle », aux adultes, aux étudiants et aux lycéens? Et que nous deviendrions nous-mêmes comédiens, artistes-peintres, musiciens, en proposant des performances en ligne et en imitant une « sortie culturelle au théâtre » (oui-oui, enfiler une belle robe, appeler ses amis et ensemble, chacun chez soi, regarder un spectacle ou un concert intéressant, pour en discuter ensuite via Internet...).

Aujourd'hui, lorsqu'on descend dans le métro de Moscou, on remarque une affiche avec deux masques: à gauche, un masque de carnaval qui couvre la partie supérieure du visage, accompagné de l'inscription « faux »; à droite, un masque médical, couvrant la bouche et le nez, avec

l'inscription « vrai ». De nouvelles normes de comportement, des recommandations de porter partout des masques médicaux transforment littéralement le monde entier en théâtre, selon la célèbre formule shakespearienne. Et nous nous retrouvons dans l'espace d'une autre pièce, « Le Bal masqué » de Lermontov: un monde étrange et imprévisible où un masque cache des émotions, où il est difficile de transmettre l'idée principale à l'interlocuteur et où il est encore plus difficile de deviner sa réaction.

Si nous analysons les nouvelles formes culturelles à l'époque de la crise sanitaire, il s'avère qu'elles émergent et se développent selon les lois de la sémiosphère, formulées par Jouri Lotman: les éléments situés à la périphérie se déplacent vers le centre; au début, ils sont perçus comme « explosifs » et inattendus, mais ils deviennent progressivement une nouvelle norme et un nouveau point de départ. Les formes de « loisir numérique » et d'apprentissage en ligne ont assurément pris leur place aux côtés des modes traditionnels d'organisation de la vie et ont apporté avec elles de nouvelles opportunités. Il est devenu clair que dans la période d'après-crise ces formes ne disparaîtront pas et que nous devons par la suite nous habituer à une nouvelle réalité « hybride ».

Il y a quelques années, en tant que traductrice de la première femme cosmonaute, Valentina Terechkova, lors de sa visite à Paris, j'ai demandé ce qui l'avait le plus frappée lorsqu'elle était dans l'Espace. Elle a répondu: « Quand j'ai regardé la Terre de là-bas, de la fenêtre du vaisseau spatial, elle m'a semblé si belle et si petite, si fragile. Et tous nos conflits et problèmes semblaient si insignifiants, car tout cela pris ensemble pouvait disparaître en un instant. Vous le comprenez quand vous êtes là ».

La crise sanitaire actuelle nous laissera sans aucun doute beaucoup de leçons dans de nombreux domaines. Mais, semble-t-il, dans le domaine culturel, la leçon la plus importante est de comprendre que la culture est un puissant antidote aux épreuves, aux guerres et aux épidémies sur notre fragile planète. Les mécanismes de la culture sont capables de changer et de s'adapter à la situation, en visant l'essentiel: soutenir notre esprit et notre morale. Car, comme l'écrivait Pouchkine (nous avons commencé avec lui, et nous y revenons) à son ami Pletnev en 1831, « Regarde: le spleen est pire que le choléra, l'un ne tue que le corps, l'autre tue l'âme. [...] Ça ne vaut pas le coup, mon âme. Ne sois pas déprimé, mon ami: le choléra passera prochainement, l'essentiel est que nous soyons en vie, et un jour nous serons joyeux ».

Научное издание

Серия «Русский семиотический альманах. Коллекция»

**Новая нормальность, новые формы жизни:
семиотика в эпоху кризисов**

Компьютерная верстка: *А.И. Паркани*

Корректор: *Т.Г. Паркани*

Дизайн обложки: *М.В. Козлова*

Подписано в печать 19.01.2021. Формат 60×84/16.

Гарнитура Warnock Pro.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 6,5.

Тираж 500 экз.

Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26

Тел.: +7 (495) 544-20-50

E-mail: dsp@gaugn.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, а/я 2135

ISBN 978-5-6045843-2-3

9 785604 584323

Для заметок
